

РУССКАЯ РЕЧЬ

ISSN 0131-6117

Академия наук СССР
Институт русского языка

МАЙ ИЮНЬ

3 '91

Научно-популярный журнал
издается с января 1967 года.
Выходит 6 раз в год.

МОСКВА "НАУКА"

В НОМЕРЕ: 3 ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А. Е. Махов. «Магический кристалл» А. С. Пушкина и «Волшебный хрусталеk» Н. М. Ковшина ©
К 100-летию со дня рождения М. А. Булгакова
Э. Г. Бабаев. «Преднамеренная опечатка» ©
О. А. Подгаец. Бездомный, Латунский, Рюхин и другие ©
Л. Г. Фризман. «Как оступившийся минер...» ©

29 НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

В. Вейдле. Пушкин и Европа

13 АНТОЛОГИЯ АВТОРСКОЙ ПЕСНИ

Борис Вагнюк ©

47 КУЛЬТУРА РЕЧИ

Из дискуссии 20-х годов о культуре речи. *Л. В. Щерба*
Т. А. Яцюк. «Терминотворчество» тоталитарного правосудия ©
Эр. Хан-Пира. Подвижка с подпиткой и всплеск с проработкой ©
Н. А. Еськова. Надо ли писать каратэ? ©
Беседы о языке рекламы
Н. Н. Кохтев. Ассоциации в рекламе ©

72 ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

О. Н. Трубачев. В поисках единства. «А кто там идет?» (Взгляд на этногенез белорусов) ©
Ю. Л. Воротников. Флорилегии ©
Н. В. Анашкина. Литератор-вольнодумец Иван Андреевич Хворостинин ©

Христианские традиции: праздники, обычаи, обряды
Объяснение Символа веры, молитв и заповедей.
Цари

113 ОНОМАСТИКА

А. В. Суперанская. Заимствование имен ©

119 ЯЗЫК И ОБРАЗЫ ФОЛЬКЛОРА

В. К. Галазов. «Я матаню полюбил...» ©

С. Ю. Дубровина. «Горькая осина...» ©

133 ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Е. И. Голанова. Открытое письмо и открытка ©

О. П. Наумов. Девятый вал ©

За знакомой строкой

Т. В. Горячева. «И дольней лозы прозябанье» ©

144 ПОСТУПАЮЩЕМУ В ВУЗ

И. И. Степанченко. Запятая перед союзом «и» ©

150 СРЕДИ КНИГ

Г. П. Смолицкая. Занимательная топонимика

152 ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

М. В. Горбаневский. Самиздат ©

Д. А. Шевлюк. Старое слово с новым значением ©

Ю. А. Карпенко, Е. Ю. Андреевко. Что такое СИ-ЗИФ? ©

Обложка выполнена Е. Чукановой ©

«Магический кристалл» А. С. Пушкина
и «Волшебный хрусталец» Н. М. Коншина

А. Е. Махов,
кандидат филологических наук

Промчалось много, много дней
С тех пор, как юная Татьяна
И с ней Онегин в смутном сне
Явился впервые мне —
И даль свободного романа
Я сквозь магический кристалл
Еще не ясно различал.

Об этих строках из 8-й главы «Евгения Онегина» до сих пор спорят пушкинисты. Смысл и функция загадочного выражения «магический кристалл» по-прежнему остаются нераскрытыми: является ли оно просто названием бытовавшей в пушкинскую эпоху реалии — особого орудия гадания, как считал Н. О. Лернер, или же метафорическим обозначением другого, но не менее реального предмета — чернильницы, как считал В. В. Набоков; а может быть, перед нами — поэтический образ, вообще не имеющий прямой предметной соотнесенности?

Ввел ли А. С. Пушкин в поэтический оборот существовавшую в языке его эпохи «готовую» номинацию (чему нет никаких подтверждений) — или же авторство формулы «магический кристалл» принадлежит ему самому? «Конец спорам в сложившейся ситуации могла бы положить регистрация этого словосочетания в языке допушкинской или пушкинской эпох как целостной единицы номинации», — замечает М. В. Безродный (Еще раз о пушкинском «магическом кристалле» // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1988. Вып. 22. С. 163; здесь же см. обзор литературы по данной теме). Однако пока что поиск пушкинской фор-

мулы в бытовом языке первой половины XIX столетия обернулся занятием малоперспективным. И, на наш взгляд, это не случайно. Название реального орудия гадания могло проникнуть в общелитературный язык лишь из профессионального лексикона «колдунов», владевших искусством гадания на кристаллах; им же не было никакой нужды называть свой кристалл «магическим»: ведь его волшебные свойства подразумевались сами собой. Орудие гадания (когда о нем шла речь в прямом, а не в переносном смысле) обычно называли просто «кристаллом», о чем свидетельствуют и многочисленные западноевропейские тексты — от Ганса Сакса до Гете, — описывающие гадательный кристалл как реальный предмет (см.: Мурьянов М. Ф. Магический кристалл // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1970. Вып. 6. С. 92–94).

Потребность назвать гадательный кристалл «магическим» возникает лишь тогда, когда из мира реалий он переходит в план поэтической метафоры — необходимость уточняющего эпитета становится насущной вследствие отрыва литературной вещи от вещи реальной. Именно здесь, в области русской поэтической образности, мы и столкнулись с интереснейшим текстом, словно бы запечатлевшим процесс превращения реального предмета (кристалл как орудие гадания, прорицания будущего) в поэтическую метафору. Речь идет о стихотворной «аллегорической сказке» (таково авторское определение жанра) Николая Михайловича Коншина «Владелец волшебного хрусталька», опубликованной в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения» в 1825 году (Ч. 30. № 5. С. 177–198). Центральный символ сказки, «волшебный хрусталец», в ее заключительных строках именуется также «магическим оком»; тем самым Коншин почти буквально предвосхищает пушкинскую формулу.

Сюжет сказки, за вычетом несущественных для нашей темы деталей, сводится к следующему. Ее герой с детства подвергался жестоким испытаниям судьбы: потерял отца и мать, злодейски убитых на его глазах, после чего долго скитался в разных странах, затем укрылся от людей в Аравии, посвятив себя науке («И в двадцать лет, в поту, пыли и скуке / Прошел сквозь всю читаемую тьму...»). Однажды герою является таинственный незнакомец, названный в тексте «чародеем», который объявляет, что он и есть убийца его родителей и причина всех его несчастий; оказывается, они были лишь испытаниями, которые герой успешно выдержал. В качестве награды незнакомец дарит ему «волшебный хрусталец»:

«Прими, открой, сказал он, улыбаясь,
Хранимый мной для избранных сосуд,
И, счастьем безбедно наслаждаясь,
Вознагради и скорбь твою и труд!
Испытан ты, но не гоним судьбою;
Дарю тебя *волшебным Хрусталком*:
Ты суету им узришь суетою,
И истина, в сиянии святом,
Тобой досель незримая, явится.
Здесь камень тот, который обрести
Пусть алхимист напрасно век трудится:
Удобней смерть, чем камень сей найти».

Далее герой, получивший в дар «волшебный хрусталец», поверяет в его тайну своего друга, давая ему разъяснения относительно магических свойств подарка:

«Любя тебя, что можно, я открою;
Узнай, мой сын: мир страшно искажен!
И самых глаз коварною слюдою
Ты зришь не то, чем взор твой окружен.
Не ведал, и что, и как, и где мы,
Не ведая обман своих очей,
Мы смертные воздвигнули системы
На следствиях неведомых вещей.
Я покраснел постыдного незнанья,
Когда *хрусталь* мне истину открыл,
И адские минувшего страданья
Я пламенно в душе благословил.
Под маскою дурачества скрываясь,
От всех связей свободен с миром я;
Живу с собой, свободно наслаждаясь
Разгаданной загадкой бытия...»

И завершает сказку разъяснение всей аллегии, из которого следует, что незнакомец-«чародей», каратель, но и спаситель героя, олицетворяет жизненный опыт, а «волшебный хрусталец» — «высокую премудрость», знание истины, даруемое лишь опытом:

Когда судьба твой мир разочарует,
Засядет грусть в груди твоей немой,
Когда любовь светильник свой задует,
Твоих надежд исчезнет пестрый рой:
Не плачь тогда, проснувшийся мечтатель!
Не порицай предвещующих небес,
И *Опыт*, твой безжалостный каратель,
Введет тебя в святилище чудес;
Наставит ум премудростью высокой
И в счастье оденет угол твой;
Он даст тебе *магическое око*,
И правды день блеснет перед тобой.

Что же дает текст Коншина для понимания пушкинского образа «магического кристалла»? Прежде всего отметим, что «волшебным хрустальком» у Коншина именуется некий «камень», обладающий чудодейственным свойством открывать истину, что служит аргументом в пользу сторонников гипотезы о кристалле как орудии гадания, предсказания. Но реальная вещь здесь прямо на наших глазах переходит в поэтическую аллегорю: вполне «осязаемый» хрусталец обращается в «магическое око» житейской премудрости, конкретная гадательная функциональность кристалла растворяется в довольно абстрактной рационалистической аллегории «высшего знания». Кристалл у Коншина, еще отчасти сохраняя смутную память о своем реальном назначении (а иначе — откуда его связь с темой «прозрения скрытой истины», отчетливо обозначенной в сказке?), претворен в литературную «вещь», в символ абсолютного, итогового знания, превосходящего обыденный опыт. Отсюда его соотносительность с книгой — другим орудием «абсолютного» знания (напомним, что герой сказки своим «волшебным хрустальком» — «премудростью высокой» — наполовину обязан испытаниям судьбы, наполовину — книгам).

В этой связи нам кажется уместным вспомнить другой текст, в котором гадательный кристалл служит метафорой книги: речь идет о стихотворении немецкого романтика Новалиса «К Тику» (1800). Содержание стихотворения, в котором Новалис выражает благодарность Людвигу Тику, познакомившему его с трудами философа Якоба Бёме, таково: некий ребенок (аллегорическое олицетворение самого Тика), затерявшийся в «чужом краю», находит в каком-то «пустынном саду» «древнюю книгу за золотой печатью, а в ней — никогда прежде не слышанные слова (<...> Читая и глядя в кристалл нового мира (Kristall der neuen Welt), он возрадовался траве и звездам и благодарно пал на колени...» (Novalis. Werke in einem Band. Berlin und Weimar, 1983). Далее является старец (сам Якоб Бёме, автор волшебной книги), открывающий ребенку некие тайны будущего, суть которых для нашей темы не имеет значения; важно лишь, что в мистическом тексте Новалиса, как и в мистической сказке Коншина, четко обозначена смысловая связь: *кристалл — высшее знание — книга*. Напомним, что и в романе Пушкина образ «магического кристалла» неким загадочным образом сопряжен с темой книги, правда, не читаемой, но создаваемой («И ты, живой и постоянный, / Хоть малый труд»).

Итак, ко времени создания 8-й главы «Евгения Онегина» гадательный кристалл уже «перерос» свое узкофункциональное значение, превратившись в метафору-символ некоего высшего зна-

ния, не связанного напрямую с предсказанием будущего. Существенно то, что факт такого литературного употребления кристалла удалось обнаружить в современной Пушкину русской поэзии, причем в форме словосочетания, чрезвычайно ему близкого. И хотя пушкинская загадка по-прежнему остается до конца не раскрытой, игнорировать при трактовке текста романа этот ореол метафорических значений вокруг гадательного кристалла уже невозможно.

Странно говорить о каких-либо диалогических отношениях между «Евгением Онегиным» и беспомощной сказкой Коншина — поэта, к которому Пушкин относился крайне скептически, хотя и использовал однажды его имя для обескураживающе значительного уподобления («...согласен, что жизнь моя сбивалась иногда на эпиграмму, но вообще она была элегней в роде Коншина» — письмо к В. А. Жуковскому от 17 августа 1825 года). Однако если допустить, что Пушкин был знаком со сказкой Коншина и держал в памяти ее «волшебный хрусталец», то в образе «магического кристалла» все же можно будет уловить слабый отблеск диалогической, ответной интонации, а именно — легкий иронический нюанс: у Коншина «волшебный хрусталец», метафора всемогущего опыта и мудрости — безотказный гарант всеведения; но Коншину, «прозревание» сквозь волшебный кристалл опыта мгновенно, беспроблемно. Вероятно, Пушкину вера в безотказность того, что Коншин называет «премудростью», не могла бы не показаться наивной. Его «магический кристалл» капризен, свосволец, он не «срабатывает» так быстро, автоматически:

И даль свободного романа
 Я сквозь магический кристалл
Еще не ясно различал (курсив наш — А. М.) —

законы творчества сложнее, загадочнее и правил магии, и установлений «высокой премудрости».

К 100-летию со дня рождения М. А. Булгакова

Слово в драматургии

«Преднамеренная опечатка»

Э. Г. Бабаев,
доктор филологических наук

В. Б. Шкловский однажды заметил, что некоторые произведения Михаила Афанасьевича Булгакова (1891–1940) имели «успех вовремя приведенной цитаты» (Шкловский Виктор. Гамбургский счет. М., 1990. С. 301).

Если говорить о «цитатности», то едва ли какое-нибудь другое из произведений М. А. Булгакова может сравниться с пьесой «Последние дни» («Пушкин»), написанной в 1935 году. Здесь каждая сцена, каждая реплика надежно «обеспечена» и защищена первоисточниками. Но для того, чтобы «похитить» эту «пищу богов», нужны были дерзость и художественная сила Булгакова.

Цитаты, которыми он пользовался, были известны всем, хотя бы по книге В. В. Вересаева «Пушкин в жизни», впервые напечатанной еще в 1926–1927 годах. А пьесу о Пушкине, которая не сходилась со сцены в течение многих лет, дописал до конца он один. Ее смотрели, не заглядывая в книгу Вересаева (за исключением некоторых случаев), как совершенно самостоятельное и в высшей степени оригинальное произведение.

У Булгакова есть особенное, почти визионерское чувство сценического пространства, несравненное звание тайн психологического резонанса сценической речи. Перед рампой появляется целая толпа знаменитых и сановных современников Пушкина. Что касается самого Поэта, главного героя трагедии, то он не выходит на авансцену и не произносит ни одного слова.

Поэт остается где-то там, в глубине времен, несомненно ближе к нам, чем к своим современникам, от которых его уже от-

деляет роковая черта. Он проходит в свой кабинет, как тень, никого не потревожив. Является вдруг на балу, где его как будто и не ждут, вызывая у одних жаркое любопытство, а у других такое же горячее раздражение и негодование.

Но уже недосытаем ни для кого, ни для друзей, ни для врагов. Он обрел ту духовную свободу, которая не зависит от «мирской власти». Его враги говорят о нем, как некогда Ксеркс в трагедии Эсхила «Персы» говорил об Афинах, затемняя свои речи предубеждением, но сознавая силу, свежесть и непобедимость стихов поэта: «Никому они не служат и ничьи они не рабы» (Эсхил. Персы. М., 1888. С. 130).

«Последние дни» готовились к постановке в театре Е. Б. Вахтангова к 100-летию со дня гибели А. С. Пушкина. Но ни в 1937 году, ни позднее Булгакову не довелось увидеть у вахтанговцев свою пьесу на театральной сцене.

В последние дни жизни Пушкина всю авансцену заняли какие-то новые люди, не слышавшие и уже не понимающие поэта. Однако это были не какие-нибудь невежды или непосвященные, а просто люди другой эпохи. И не обязательно молодые. Между ними были и почтенные сановники, и знатные аристократы, и даже знаменитые поэты, любимцы публики другого поколения. Были среди них и настоящие библиофилы, которые тоже, что кажется странным, не слышали и не понимали Пушкина.

Но какова эпоха, таковы и библиофилы. Вот, например, Салтыков, владелец знаменитой библиотеки, собиратель раритетов. Любовь к книге была у него родом помешательства. Булгаков создал тип библиофила, для которого книга была дороже всего, дороже здравого смысла. Явись перед ним гений, он не обратил бы на него никакого внимания, потому что был всецело занят очередным антикварным фолиантом. В остроте сценической характеристики Салтыкова в пьесе Булгакова есть некоторая фельетонная нарочитость. Но от этого роль Салтыкова в «Последних днях» становится еще более значительной.

Салтыков появляется на сцене с фолиантом в руках. «Да-с,— говорит он сам себе,— не угодно ли? *Secundus pars! Secundus!* (Смеется сатанинским смехом и выходит.)» (Булгаков М. Пьесы. М., 1987. С. 249; далее цитируется это издание). Еще никто не понял причины его смеха, но уже возникло ощущение какого-то подлога.

Жена великого библиофила пытается загладить неблагоприятное впечатление: «Мой муж,— объясняет она,— страшнейший чу-

дак. Я надеюсь, что это не помешает вам чувствовать себя у нас без церемонии».

И Салтыков тотчас же доказал, что он и сам человек без всяких церемоний. «Книги не для того печатаются,— заявил Салтыков,— чтобы их руками трогать». При этом он строго предупредил жену: «Ежели ты только ее тронешь...» «И не подумаю, и не надобно мне»,— испуганно восклицает Салтыкова.

Книга торжественно была водружена на камин. Она стала натюрмортом, частью интерьера. «Филат! — осликает Салтыков своего камердинера.— Что там на камине?»

«Филат. Книга-с.

Салтыков. Не ходи возле нее.

Филат. Слушаю».

Вот каков этот ценитель книги, великий библиофил. В той книге, которую он установил на камине, была опечатка. Вместо «secunda pars» там было напечатано «secundus pars». Салтыков торжествовал: «Secundus pars. Secundus. Преднамеренная опечатка!» А было ли еще какое-нибудь достоинство в этой книге, того он не сказал. Впрочем, для собирателя раритетов и опечатка — раритет.

И судьба тут же посмеялась над ним «сатанинским смехом». Оказалось, что, любя книгу, он был если не равнодушен, то совершенно глух к слову. Стоило только Кукольникову поставить Бенедиктова «выше Пушкина», как Салтыков тут же произвел весьма важную перемену в своей библиотеке, в которую таким образом вкралась «преднамеренная опечатка», еще более озорчивая, чем та, которая была в старом фоллапте.

«Салтыков. Агафон!

Агафон появляется.

Агафон! Из второй комнаты шкаф зет полка тринадцатая переставь господина Бенедиктова в этот шкаф, а господина Пушкина переставь в тот шкаф».

Так поменялись местами Пушкин и Бенедиктов в святилище библиотеки Салтыкова, где был «тот» и «этот» шкаф. «Не вздумай уронить на пол»,— предостерегает Салтыков Агафона, который уже поставил Пушкина на тринадцатую полку и идет с Бенедиктовым к «этому» шкафу, где хранятся «первые».

Преднамеренная опечатка, замена высших ценностей на низшие, вольное или невольное искажение истины и перспективы, уже изменила расстановку книг в библиотеке Салтыкова, но она вторглась и в дом Пушкина.

«В секретном наблюдении за камер-юнкером Пушкиным проник я даже в самую его квартиру»,— откровенничает Битков на

приеме у шефа жандармов Дубельта. «Ишь, ловкач! — отзывается Дубельт.— По шее тебе не наkostenяляли?»

«Битков. Миловал Бог.

Дубельт. Как камердинера-то его зовут? Фрол, что ли?

Битков. Никита.

Дубельт. Ротозей Никита».

Но вот что замечательно: в квартире Пушкина Битков наслушался стихов, даже в черновики заглядывал, так что мог бы поспорить в звании поэзии Пушкина с самим Жуковским. Обратимся к сцене в гостиной, где Александрина Гончарова с Жуковским гадают по книге первого издания «Евгения Онегина». Битков тут же рядом под видом часового мастера находится в кабинете поэта, откуда ему слышен весь разговор.

«Гончарова (*читает*). „Познал я глас иных желаний...“

Жуковский. Мне? Верно...

Гончарова. „Познал я новую печаль...“

Жуковский. Верно, верно.

Гончарова. „Для первых нет мне упований...“

Битков (*шепотом*). „А старой мне печали жаль“. (*Скрывается в кабинете.*)».

Кто, казалось бы, был ближе к Пушкину, как не Никита, его камердинер. Вот он в зимние сумерки, расположившись в кресле у кабинетного камина, в очках, разбирает тетрадь Пушкина.

«Никита (*читает*). „На свете счастья нет...“ Да, нету у нас счастья... „Но есть покой и воля...“ Вот уж чего нету, так нету. По ночам не спать, какой уж тут покой... „Давно, усталый раб, замыслил я побег...“ Куда побег? Что это он замыслил?..

Входит Битков.

„Давно, усталый раб, замыслил я побег...“ Не разберу.

Битков. „В обитель дальнюю трудов и чистых нег“. Здорово, Никита Андреевич.

Никита. Ты откуда знаешь?

Битков. Вчера в Шепелевском дворце был у господина Жуковского, подзорную трубу починал. Читали гостям эти самые стихи».

Так в пьесе Булгакова, наряду с великим библиофилом, появляется не менее великий знаток и текстолог Пушкина. И действительно, Битков в некотором роде дополняет Салтыкова. У них к тому же есть много общего в отношении к слову. Битков, сыщик по должности и по должности знаток новых проявлений поднадзорного поэта, острый гротескный образ пьесы.

Битков запоминает по строчкам стихи, подбирает и бережно

хранит обрывки черновиков, но при этом он совершенно глух к слову поэта, иначе как бы он мог служить у Дубельта? Он свыкся с ролью завсегдатая в доме Пушкина. И осмеливается даже напомнить Никите о приближении часа обеда. Никита оторопел: «Тебе-то чего беспокоиться? — спрашивает он Биткова. — К обеду он тебя, что ли, звал?»

Пушкин к обеду Биткова не звал, да и вряд ли звал о его существовании. Но Битков, проникнув в квартиру поэта, свое дело сделал. И он внес преднамеренную опечатку в жизнь поэта, так что часы в кабинете Пушкина уже показывали неверное время. Это сразу почувствовал и заметил Никита.

«Н и к и т а. Ты лучше в кабинете на часы погляди. Что ж ты чнил? Час показывают, тринадцать раз бьют.»

Тринадцатая полка, тринадцатый удар...

Последние дни Пушкина.

М. А. Булгаков умер в 1940 году. Пьеса «Последние дни» осталась в рукописи и не увидела света, лампы при жизни ее автора. В стихах, написанных Анной Андреевной Ахматовой на смерть Булгакова, есть «серебряные строки»: «И нет тебя, и всё вокруг молчит / О скорбной и высокой жизни» (Ахматова Анна. Стихотворения и поэмы. Л., 1976. С. 289).

К 1940 году относится начало работы Ахматовой над «Поэмой без героя». Между «Последними днями» и «Поэмой без героя» есть несомненная внутренняя связь. Ведь «Последние дни» — это тоже своего рода «пьеса без героя». В ней так же, как в поэме Ахматовой, речь идет о судьбе поэта.

Передвинув Пушкина «на тринадцатую полку», Салтыков мог сказать в свое оправдание, что таков вкус новой эпохи и нового поколения. Но Пушкин принадлежал не одной конкретной эпохе — он уже принадлежал вечности. И вот почему с такой пронзительной силой, заглушая «маскарадную болтовню» с ее «преднамеренными опечатками», звучит этот крик в «Поэме без героя»: «Героя на авансцену!» Это как голос истории, которая требует «своего»: по крайней мере фактов, без «преднамеренных опечаток».

Ахматова прекрасно знала пьесу Булгакова. Не все в этой пьесе было ей близким. Так, она не разделяла общего взгляда на роль Александрины Гончаровой в судьбе Пушкина, которому отдает дань и Булгаков. Ахматова считала преднамеренным преувеличением рассказы некоторых современников поэта о любви Александрины к Пушкину. И сцена на Мойке у квартиры Пушкина после его смерти, выдержанная в духе театральных «рево-

люционных массовок», с агитатором и жаандармом на авансцене, казалась ей неорганичной в этой строгой по стилю пьесе. «Не верю я, что это Булгаков написал,— говорила Ахматова.— Это или Вересаев или театр придумали» (Об Анне Ахматовой. Стихи, эссе, воспоминания, письма. Л., 1990. С. 324–325).

Но пьеса «Последние дни» была Анне Андреевне гораздо ближе, чем многое другое в пушкинистике ее эпохи. «Прекрасно то, что Булгаков так смело и дерзко решил задачу,— написал пьесу о Пушкине, не выведя его на сцену». Пушкина нет среди действующих лиц пьесы, но его образ незримо присутствует на сцене во все время действия посвященной ему трагедии. По словам Ахматовой, «образ поэта создается отношением к нему врагов, тех, кто ненавидит Пушкина, или немногих бессильных друзей».

Истоки булгаковского замысла Ахматова находила в античной драматургии. «Я знаю только одну драму, ничуть не сходную с булгаковской, где применен близкий прием: это трагедия Эсхила «Персы». Там образ Греции, победившей в морской битве под Саламином, предстает отраженно — какой ее видят побежденные враги. Но это *портрет* собирательный и *портрет победителя*» (Там же).

Пьеса «Последние дни» была поставлена впервые во время войны в 1943 году на сцене МХАТа. Успех этого спектакля был огромным и вполне заслуженным. Потому что «Последние дни» — это одно из лучших произведений, когда-либо написанных о Пушкине. И если признать, что трагедия Эсхила с ее высоким идеалом свободы: «Никому они не служат и ничьи они не рабы», была источником новой «цитаты» Булгакова, то надо признать также и то, что цитата эта была приведена не только «вовремя», но и — навсегда.

Бездомный, Латунский, Рюхин и другие

О. А. Подгаев

Велика роль собственных имен в обобщении идей художественного произведения и в раскрытии авторского замысла. Русская реалистическая литература отказалась от прямо характеризующих наименований действующих лиц еще в XIX веке. На страницах же сатирических произведений они сохраняются, хотя современные фамилии и имена персонажей далеко не так прямолинейны, как у ходульных героев классицизма. В этом смысле благодатное поле для изучения являет собой роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Рассмотрим собственные имена московских литераторов — персонажей булгаковского шедевра. Их можно условно разделить на две группы. Первую составят мотивированные имена, вторую — имена-шифры.

Что же за литераторы изображены в романе «Мастер и Маргарита»? Это окололитературные трутни, поглощенные борьбой за теплое место под солнцем:

«— Я вчера два часа протолкался у Грибоедова». — «Ну и как?» — «В Ялту на месяц добился». — «Молодец!» (Булгаков М. А. Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита. Л., 1978. С. 471; далее цитируется это издание).

Излюбленное место сбора — ресторан «Дома Грибоедова», фактический центр «литературной» жизни. Неслучайно Дом литераторов назван в романе просто «Грибоедов».

«— Ты где сегодня ужинаешь, Амвросий?

— Что за вопрос, конечно, здесь, дорогой Фока!»

Эти коротенькие диалоги довольно полно освещают основной круг интересов литераторов-грибоедовцев, а их самих в достаточной мере характеризуют имена.

В ресторане собираются романист Жукопов (шговорка «еще тот жук!»), литератор Чердакчи («чердак» (жарг.) — в значении «голова», в соединении с турецким суффиксом -чи), сценарист Глухарев, секретарь редакции Лапшённикова со скошенными от постоянного вранья глазами, выдающая однодневные творческие

путевки М. В. Подложная, вероятно, не очень принципиальный поэт Двубратский. Возможно, в номинацию Двубратский трансформировался псевдоним Арк. Бухова А. Братский — это имя было внесено Е. С. Булгаковой в список «Авторы ругательных статей о Мише...» (Булгаков М. А. Письма. Жизнеописание в документах. М., 1989. С. 121).

Интересно, что имена поэта-гурмана Амвросия (амброзия и нектар, как известно, «пища богов») и Фоки (греч. «тюлень, простак») совпадают с именами римских епископов Амвросия и Фоки, причем Фока — неудачник — погиб при императоре Траяне (Гаспаров Б. Из наблюдений над мотивной структурой романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Даугава. 1988. № 11. С. 92). Таким образом, имея «гастрономическую» семантику, попутно имена утверждают связь времен.

Настасья Лукинишна Непременова как будто взята из «темного царства» А. Н. Островского. Такое впечатление усиливается, когда автор называет Непременову «московской купеческой сиротой». Эта «сирота» пишет морские батальные рассказы под псевдонимом «Штурман Жорж» — почти Жорж Санд. Наименование героини построено на целом ряде несоответствий: несоответствие имени и времени, несоответствие имени роду занятий, противоречие между теми ассоциациями, которые вызывают настоящее имя и псевдоним, наконец, расхождение между женским и мужским именем.

Что может написать поэт Павианов? А поэт Сладкий? Низкая семантика имен этих действующих лиц противоречит высокому призванию художника. Интересное замечание находим в «Рассказах о Анне Ахматовой» А. Наймана. Ахматова возмущалась: «„Как может называть себя поэтом человек, выступающий под таким именем?“ <...> И когда я попытался защитить его, мол, спрос с родителей, последовало: „На то ты и поэт, чтобы придумать пристойный псевдоним!“ (Найман Анатолий. Рассказы о Анне Ахматовой // Новый мир. 1989. № 1. С. 166).

«Виднейшие представители поэтического подраздела МАССОЛИТа, то есть Павианов, Богохульский, Сладкий, Шпичкин и Адельфина Буздяк». Здесь Булгаков использует очень интересный прием: он не только дает каждому персонажу «говорящее» имя, но и, расположив фамилии именно таким образом, усиливает сатирическое звучание. Первые четыре фамилии плавно следуют одна за другой, и вдруг пятая выбивается из колеи и разваливает весь ряд. (Сравним у Ильфа и Петрова: Галкин, Палкин, Малкин, Чалкин и Залкинд. И в том и в другом случае конструкция состоит из пяти имен.)

Все эти булгаковские персонажи не нуждаются в дополнительных комментариях, для создания яркого образа автору было достаточно дать им имя, некоторые из которых встречаются в романе только один раз, другие чуть чаще — до пяти раз.

Таким образом, посредством именовании выражается вся сущность действующего лица и авторский суд над ним.

Иначе обстоит дело со второй группой имен литераторов. Эти имена употребляются в тексте гораздо чаще, и персонажи играют значительную роль в повествовании. В номинациях могут быть зашифрованы собственные имена реальных прототипов.

Известно, что приемом зашифровки пользовались многие писатели. Способы кодирования многообразны: звуковые изменения, сохранение формы при замене лексических основ, замена основы на похожую по значению и т. д.

При анализе имен-шифров будем иметь в виду, что одним из прототипов мастера, бесспорно, является сам М. А. Булгаков. Прижизненная литературная судьба писателя, как и судьба его героя, не была счастливой. Произведения Булгакова были запрещены, зато мощным потоком шли в печати разгромные статьи о нем. Михаил Афанасьевич никогда не спорил с прессой, но вырезки из газет аккуратно подклеивал в тетрадь, около трехсот ругательных отзывов расклеил бордюром по стенам (Шварц А. Жизнь и смерть Михаила Булгакова. Нью-Йорк, 1988. С. 21).

Зачинщиком травли мастера в романе выступил критик Ариман. Прототипом его послужил, как отмечают В. Лакшин (Лакшин В. Булгакиада. М., 1987. С. 35) и И. Бэлза (Бэлза И. Ф. Генеалогия «Мастера и Маргариты» // Контекст. М., 1978. С. 224), генеральный секретарь правления РАППа Л. Авербах. Способом зашифровки явились звуковые изменения при сохранении формы фамилии и первой буквы. Кроме этого, как указал Бэлза, в именовании Ариман отразилась греческая форма имени древнеперсидского духа мрака, смерти и зла Анхра-Майнью. Добавим, что Ариман — имя фарисея, встреча и спор которого с любимым учеником Христа Иоанном описаны в апокрифе Иоанна.

В образе литератора Мстислава Лавровича Б. Гаспаров усматривает намек на М. Горького (Гаспаров Б. Из наблюдений над мотивной структурой... // Даугава. 1988. № 12. С. 106). В подтверждение такого толкования американский ученый приводит следующие аргументы. Мстислав Лаврович — обладатель самой роскошной дачи в Перельгино, в то же время он стоит в стороне от общей литературной жизни — не является членом правления МАССОЛИТа. В имени и фамилии Мстислава Лавровича дважды

«запрограммирован» мотив славы, которой был осыпан Горький после возвращения в Москву.

Отметим, что Мстислав Лаврович был одним из врагов мастера, писавшим злобные статейки, а Горький оказывал помощь молодым писателям, доброжелательно отзывался о булгаковских произведениях, сыграл определенную положительную роль в судьбе пьесы «Кабала святош», и Михаил Афанасьевич доверительно и с уважением относился к Алексею Максимовичу.

По мнению В. Лакшина, в номинацию Мстислав Лаврович переплавилось в романе имя Всеволода Вишневского (Лакшин В. Указ. соч. С. 35). Зашифровка произошла путем замены фамилии, похожей по значению (*вишня* – *лавр*), и замены имени близким по происхождению.

Среди гонителей мастера особо зловеща фигура критика Латунского. До сих пор высказывались два мнения по поводу его возможных прототипов. Так, Б. Мягков считает, что О. Латунский – это глава Респерткома О. Литовский (Мягков Б. Булгаковское Варьете – фантазия и реальность // Нева. 1985. № 6. С. 198), сыгравший большую роль в травле Булгакова. В. Лакшин к этому «претенденту» добавляет критика А. Орлинского (Там же): 7 февраля 1927 года Булгаков единственный раз в жизни выступил на диспуте с отповедью зарвавшемуся критикану.

Хочется поделиться новой, третьей версией.

Итак, нам известно, что Латунский обладает властью. В сцене, где мастер спросил редактора, будет ли напечатан роман, происходит следующее: «Тут он засуетился, начал что-то мямлить и заявил, что самолично решить этот вопрос он не может, что с моим произведением должны ознакомиться другие члены редакционной коллегии, именно критики Латунский и Ариман и ли-тератор Мстислав Лаврович».

Несмотря на то, что вместе с Латунским упоминаются Ариман и Лаврович, вся опасность исходит именно от Латунского:

«Уверю вас, что произведения Аримана и Лавровича (критика романа мастера – О. П.) могли считаться шуткою по сравнению с написанным Латунским. Достаточно вам сказать, что называлась статья Латунского „Воинствующий старообрядец“. Я так увлекся чтением статей о себе, что не заметил, как она (дверь я забыл закрыть) предстала предо мною с мокрым вонтиком в руках и с мокрыми же газетами. Глаза ее источали огонь, руки дрожали и были холодны. Сперва она бросилась меня целовать, затем, хриплым голосом и стуча рукою по столу, сказала, что она отравит Латунского».

На Латуновском лежит ответственность за погубленную жизнь мастера:

«— Латуновский! — завизжала Маргарита. — Латуновский! Да ведь это же он! Это он погубил мастера».

Почему же зло остается ненаказанным? Почему только квартира Латуновского пострадала, а не он сам? Почему Маргарита, горевшая желанием отравить критика или стукнуть его молоточком, вдруг отказывается от помощи Волапада? Почему всемогущий маг на этот раз не восстанавливает справедливость? Почему до конца романа мы больше не встречаемся с Латуновским? Почему в эпилоге ничего не говорится о его судьбе?

Ответы на эти (и другие) вопросы знал только Булгаков, а мы можем лишь догадываться с большей или меньшей вероятностью «попадания в цель».

Догадка состоит в том, что в цепи прототипов *Орлинский — Литовский* не хватает главного звена, которое сообщает образу качественно новый смысл.

А. В. Луначарский занимал по отношению к М. А. Булгакову весьма двусмысленную позицию. Так, Булгаков получил от И. Я. Судакова записку следующего содержания: «А. В. Луначарский говорил В. В. Лужскому, что находит пьесу («Дни Турбиных» — О. П.) превосходной и не видит препятствий к постановке». В то же время Луначарский писал в сборнике «Пути развития театра»: «...А о „Днях Турбиных“ я написал письмо, что считаю пьесу пошлой, и советовал ее не ставить» (Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова // Москва. 1987. № 8. С. 52).

Эти два противоположных высказывания Булгаков наклеил на одном листе в своем альбоме.

Луначарский выступал в печати с «ругательными» статьями о Булгакове, называл писателя политическим недотепой и попал в уже упоминавшийся список «врагов Миши».

Однако «дело не в Литовском, а в Реперткоме!», как ответил Михаил Афанасьевич на известие об изгнании Литовского из этой организации. Критик Латуновский в романе — это не один человек, не два и даже не три, а вся наша бывшая система управления культурой, представленная всеми звеньями:

А. Луначарский — нарком просвещения,

О. Литовский — глава Реперткома,

А. Орлинский — критик, «цепной пес Хозяина».

Интересно также разобраться, что за статью написал Латуновский о мастере. Мы знаем, что статья была написана сильно: сочинения других авторов были по сравнению с ней шуткой. Мысли, изложенные в статье, обнаруживали серьезного и мощно-

го идейного противника мастера, иначе он не зачитался бы так, что забыл обо всем на свете. Речь шла о романе мастера, то есть романе об Иисусе Христе. Роман, конечно, был раскритикован, отвергнута сама идея, а автор обруган словами «воинствующий старообрядец».

Примечательно созвучие названия статьи Латунского с названием статьи В. И. Ленина «О значении воинствующего материализма». В ленинской работе говорится о том же самом:

«Наш безусловный долг привлекать к совместной работе всех сторонников последовательного и воинствующего материализма в борьбе с философской реакцией и с философскими предрассудками так называемого „образованного общества“» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 24).

«Журнал, который хочет быть органом воинствующего материализма, должен быть боевым органом, во-первых, в смысле неуклонного разоблачения и преследования всех современных „дипломированных лакеев поповщины“ (<...> Такой журнал должен быть, во-вторых, органом воинствующего атеизма» (Там же. С. 25).

Эта ленинская работа была напечатана в мартовском номере журнала «Под Знаменем Марксизма» за 1922 год. Свою литературную деятельность в качестве сотрудника газеты «Гудок» М. А. Булгаков начал в 1921 году в Москве. Трудно себе представить, чтобы основополагающая статья главы правительства осталась неизвестной тем, кому она была адресована — сотрудникам газет и журналов. Скорее можно предположить, что, как и другие, Булгаков внимательно прочитал статью, и она произвела на него неизгладимое впечатление.

Поэтому невозможно было наказать Латунского в романе. А квартира разгромлена, так как разгрома «достоин» не человек, а система.

Весьма примечательно, что самая полная номинация этого персонажа в романе встречается только один раз и содержится в надписи на двери квартиры: «О. Латунский». Это явно шифр. Предлагаемый способ расшифровки заключается в следующем.

Предполагается, что Булгаков, расположив три фамилии рядом: *Луначарский* — *Литовский* — *Орлинский* — выбрал из них компоненты (буквы, форманты), общие для всех трех, и компоненты, отличающие эти фамилии одну от другой.

Во всех трех фамилиях содержится только буква «л» и суффикс «-ский». Это — начало и конец искомого имени-шифра.

Только в фамилии Луначарский имеются буквы «а» и «у».

Только в фамилии Литовский есть буква «т».

А буквы, входящие в фамилию Орлинский, совсем не обяза-

тельны для образования имени персонажа, так как содержатся в первых двух фамилиях. Но чтобы подчеркнуть, что Орлинский «там» есть, Булгаков дает персонажу инициал: *О. Латунский*. Вот почему нам известна только фамилия и инициал.

Б. Гаспаров высказывает в уже упоминавшейся статье очень интересные мысли, в частности, о поэте Рюхине. По его мнению, имеется параллель между Рюхиным в романе и Маяковским в жизни. С Маяковским ассоциируется сцена разговора Рюхина с памятником Пушкину, возраст Маяковского во время написания стихотворения «Юбилейное» — 32 года, неискренность творчества («Не верю я ни во что из того, что пишу!» — думал Рюхин), а также приводятся некоторые скрытые цитаты из Маяковского в романе «Мастер и Маргарита», не связанные непосредственно с образом Рюхина.

Личность и творчество Маяковского занимали Булгакова, и это нашло свое отражение в произведениях писателя и на страницах «Мастера и Маргариты» в частности. Однако некоторые детали мешают согласиться с параллелью Маяковский — Рюхин.

Во-первых, стихотворение Маяковского «Юбилейное» написано с неподдельной любовью и уважением к Пушкину, а Рюхин ненавидит Пушкина и завидует ему:

«— Вот пример настоящей удачливости (<...> какой бы шаг он ни сделал в жизни, что бы ни случилось с ним, все шло ему на пользу, все обращалось к его славе! Но что он сделал? Я не постигаю... Что-нибудь особенное есть в этих словах: „Буря мглою...“? Не понимаю!.. Повезло, повезло! — вдруг ядовито заключил Рюхин и почувствовал, что грузовик под ним шевельнулся, — стрелял, стрелял в него этот белогвардеец и раздробил бедро и обеспечил бессмертие...»

Во-вторых, сомнительными кажутся обвинения Маяковского в лицемерии. А может быть, Маяковский как раз писал искренне?

В-третьих, Маяковский покончил жизнь самоубийством в 1930 году, а Рюхина мысли о самоубийстве не посещали. Он рассуждал сам о себе:

«— Да, стихи... Ему — тридцать два года! В самом деле, что же дальше? — И дальше он будет сочинять по несколько стихотворений в год. — До старости? — Да, до старости.»

В-четвертых, Маяковский был талантлив (другой вопрос, на что он употребил свой талант), а Рюхин — бездарь.

Выскажем предположение, что в образе Рюхина показан А. Безыменский. В качестве обоснования приведем следующие сопоставления.

Совпадают имена: Рюхина зовут Сашка и Безыменского

Александр Рюхины 32 года. Безыменский 1898 года рождения. 32 года ему было в 1930 году, когда и писались первые главы первой редакции романа. 32 года было Безыменскому в год смерти Маяковского, написавшего «Послание пролетарским поэтам» непосредственно в ответ на стихотворение Безыменского «Ода скромности».

Безыменский входил в организацию РАПП, подхватившую клич футуристов «Сбросим Пушкина с корабля современности!» Особенно свирепствовал в «сбросе» Пушкина журнал «На посту!», активным сотрудником которого был Безыменский. Он же называл Булгакова «новобуржуазным отродьем, брызжущим отравленной, но бессильной слюной на рабочий класс и его коммунистические идеалы» (Чудакова М. О. Указ. соч. // Москва. 1987. № 8. С. 66). Эти слова Булгаков записал в свою тетрадь.

А вот строки из романа:

«Через четверть часа чрезвычайно пораженная публика (<...> видела, как из ворот Грибоедова Пантелей, швейцар, милиционер, официант и поэт Рюхин выносили спеленатого, как куклу, молодого человека (Ивана Бездомного — О. П.), который, заливаясь слезами, *плеваясь, норовя попасть именно в Рюхина*, давился слезами и кричал: „Сволочь!“» (курсив здесь и далее наш — О. П.).

Булгакову вообще был присущ именно такой способ защиты от нападков. Например, после премьеры «Дней Турбиных» его стали называть белогвардейцем, классовым врагом, в ответ на что он вставил в глаз монокль. Увидев это «украшение», старый приятель по «Гудку» В. Катаев тихо спросил: «Вы что, сошли с ума, Миша?»

В сумасшедшем доме врач осведомился у Бездомного, кого он называет Сашкой-бездарностью. Иван указал на Рюхина:

«— Типичный кулачок по своей психологии,— заговорил Иван Николаевич, которому, очевидно, приспичило обличать Рюхина,— и притом кулачок, тщательно маскирующий под пролетария. Посмотрите на его постную физиономию и сличите с теми звучными стихами, которые он сочинил к первому числу! Хе-хе-хе... „*Взвейтесь!*“ да „*развейтесь!*“... а вы загляните к нему внутрь — что он там думает... вы ахнете! — И Иван Николаевич зловеще рассмеялся.»

А вот примеры избранного творчества Безыменского, опубликованного в 50–70-х годах (можно представить, каким было «неизбранное» 20–30-х):

Время посева — сей!
Время летать — рей!
Время ломать — бей!

Время знаменам — *взвей*
Знамя зари алей!

Развевайся, наше знамя!
Мы с заводом, мы в труде.

Развевайся, воинственный стяг!
Мы рванемся в поля электричеством.

Примеры можно приводить еще и еще, *взвигтые* и *развитые* знамена у Безыменского — излюбленный штамп, употреблявшийся им без всякого разбора применительно к чему угодно.

Изображая литераторов на страницах «Мастера и Маргариты», М. А. Булгаков, конечно же, не сводил ни с кем личных счетов. В основе изображения лежит плод «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет». Собственные имена литераторов в романе «Мастер и Маргарита» созданы по существующим в русском языке моделям.

Мотивированные имена у Булгакова создают фон, дают общее представление о «виднейших представителях» МАССОЛИТа.

Имена-шифры содержат размышления и отношение автора ко многим конкретным и одновременно непреходящим проблемам.

И в том и в другом случае имена обладают многозначной семантикой, вызывают богатые литературные, библейские, языческие ассоциации, выражают взгляды автора, помогают, может быть, понять некоторые конкретные факты биографии писателя.

Одесса

«Как оступившийся минёр...»

О сравнениях в поэзии Александра Галича

Л. Г. Фризман,
доктор филологических наук

Что можно сравнить с солнцем в зените? Оказывается — вздор.

И казалось мне, что вздор этот вечен,
Неподвижен, словно солнце в зените...

Для поэзии Александра Галича (1918–1977) характерны сравнения, построенные не на внешнем сходстве сопоставляемых предметов, а сравнения, неожиданно вскрывающие сущность явления.

О, этот серый частокол —
 Двадцатый опус,
 Где каждый день как протокол,
 И ночь как обыск (...)

Памятник Сталину:

И стоит он напролом
 И летит, как конница (...)

Литературный вельможа:

Величественный, как росчерк,
 Он книжки держал под мышкой.

И еще:

В новогодний бедлам, как в обрыве на крутом вираже,
 Все еще только входят, а свечи погасли уже (...)

Не дарите мне беду, словно сдачу,
 Словно сдачу, словно гривенник стертый.

Каждый, кто знаком с поэзией Галича, может оценить по достоинству ее эмоциональное и интонационное многообразие. Здесь проникновенный лиризм соседствует — и сплетается — с сарказмом, ораторский пафос — с неторопливой медитацией. И это многообразие вобрало в себя и отразило сравнения Галича.

В них — тоска по утраченному:

И тогда, как свеча в потемки,
 Вдруг из давних приплыл годов
 Звук пленительный и негромкий
 Тростниковых твоих ладов.

И ладана запах, как запах приютского хлеба,
 Ударит в меня и заплещется в сердце моем (...)

Они выявляют и усиливают насмешливую тональность повествования: «Сипел трубой, как в насморке», «Воздев, как пики, вилочки», «И хозяйка лизнет меня в лоб, как признательный пес». Они заключают в себе иронические гиперболы:

Опоздавшие гости
 Прерывают куплет,
 Их вбивают, как гвозди,
 Ибо мест уже нет (...)

Они контрастируют с контекстом: «Я в пивной сажу, словно лорд...», «Она ж, как леди Гамильтон, / Пила ситро глоточками».

Они обогащают фоннику дополнительными рифмами: «И гогочет, как кочет...», «В том апреле, как в купели, голубели невода».

Во многих стихах Галича именно сравнения выражают нечто самое глубинное и сокровенное, без чего вызывавшее эти стихи чувство не было бы правильно понято. Прощаясь с дорогими ему людьми, готовящимися покинуть страну, поэт говорит:

И плевать, что на сердце кисло,
Что прощанье, как в горле ком...

Сравнение раскрывает подлинное отношение к происходящему: «плевать» ли на него или нет. В «Притче» отчужденность героя от окружающего мира вбирает в себя сравнение, важнейший элемент лирической экспозиции:

По замоскворецкой Галилее,
Шел он, как по выжженной земле —
Мимо светлых окон «Бакалеи»,
Мимо темных окон «Ателье».

Песня «Поезд» обличает трусость, двоедушие, соглашательство, готовность идти на сделки с совестью, тому служит и горько-язвительное сравнение: «Нам недругов лезть — как вода из колдца!»

«Петербургский романс» — стихотворение о восстании декабристов, раздумья о тех, кто нашел в себе мужество выйти «в то роковое утро» на Сенатскую площадь, хотя спокойно мог бы «себя объявить в отъезде». И автор констатирует:

Зачем же потом случилось,
Что меркнет копеейкой ржавой
Всей славы моей лучинность
Пред солнечной ихней славой.

Проблема личной ответственности, гражданского долга, поставленная в стихотворении, многократно обострялась тем, что написано оно было 22 августа 1968 года — на следующий день после вторжения в Чехословакию. Потрясенный происшедшим, Галич пишет:

...Быть бы мне поспокойней,
Не казаться, а быть!
...Здесь мосты, словно кони,—
По ночам на дыбы!

Это сравнение не только живописно, но и многозначно. Оно вызывает в памяти и очертания разгеденных мостов пад Невой, и фигуры, украшающие Аничков мост — коней работы Клодта.

В стихах Галича немало тривиальных сравнений, широко распространенных и в литературе, и в обиходной речи. Зачастую они фигурируют в монологах сатирически обрисованных персонажей, например, Клим Петровича Коломийцева, «мастера цеха, кавалера многих орденов, члена бюро парткома и депутата горсовета». Сравнения эти входят в совокупность тех художественных средств, с помощью которых поэт изображает ограниченность таких людей, трафаретность и примитивность их мышления. «Выхожу я, как дятел, / И весело говорю и сурово»; «Не долдонь, как пономарь поминанье»; «Ты чего, говорят, / Орешь, как пастух на выпасе»; «Проживаю я в Москве, как собака»; «Ну промаялся почь, как в холере, я...»; «Я верчусь весь день, как на вертеле» и т. п.

Но традиционные сравнения Галич нередко использует и в собственной, авторской речи. Так, в поэме «Вечерние прогулки» есть глава, которая начинается словами:

Мы гибли на фронте,
Мы хрипли в комбеде.
А вы нас вели
От победы к победе.

Далее эта оппозиция развита разносторонне, выразительно и гневно. «Мы землю долбили, / Мы грызли железо, / Мы грудь подставляли под дуло обреза... Мы надрывались, долбили, грузили».

И вот уже руки
Повисли, как плети,
И ноги не ходят,
И волосы седы.

А вы нас вели от победы к победе.
И тосты кричали
Во славу победы.

Противопоставляя правду бойцов и тружеников лжи и фальши тех, кто их «вел», а по существу тиранил и прятался за их спины, Галич воссоздает эту правду без прикрас, резко и беспощадно. И именно простое, привычное, разговорное «руки <...> как плети» — то, что требовалось для оптимального воплощения поэтической мысли.

Сравнения Галича вобрали в себя гнев и презрение ко многому, что творилось на его глазах, они выражали то воинствующее несогласие, то непримиримое отрицание, без которых нельзя представить себе ни идеологическую позицию Галича, ни его поэтический облик. О брежневской верхушке в стихотворении «Не-

оконченная песня» он писал:

Старики управляют миром,
Суетятся, как злые мыши.

О расправе с Пастернаком:

И не к терновому венцу
Колесованьем,
А как поленою по лицу -
Голосованьем!

Громкоговорители вколачивают в головы лживую пропаганду. И Галич находит убийственное сравнение: *голосят рупора, как кричит воронье на пожарище*. Иногда обличающий гнев сливается с язвительностью сарказма. «Сержант из милиции» бросается на избранную им жертву, *«как алкаш на посудинку»*. Спортивные вожди поучают футболиста, как надо обходиться с соперником:

Ты же советский, ты же чистый, как кристалл!
Начал «делать», так уж «делай», чтоб не встал!

Грядущим поколениям Галич будет дорог как поэт, обнаживший боли и уродства времени, через которые в недавнем прошлом нам довелось пройти. Времени разлада между словом и делом, между лозунгами и действительностью. Об этом времени Галич писал в «Кумачовом вальсе»:

И себя выдавая за знамя,
Но древко наклонив, как копьё,
Маскировочной сетью над нами
Кумачовое реет тряпье!

Сравнивая древко знамени с копьём, Галич усиливает пафос политического обличения, называя знамя в руках знаменосцев застой «тряпкой», реющей «маскировочной сетью».

Нелегким оказался путь, избранный Галичем. Не довелось ему пуститься в дорогу «налегке, при попутном ветре», шагая, «как вольный цыган». Но жить и писать иначе он не хотел и не мог:

... вела меня в бой судьба,
Как солдата ведет труба!

Следствием была стена отчуждения, которая росла вокруг Галича с каждым его стихотворением, с каждой песней. Он все острее ощущал свое одиночество.

Уходят, уходят, уходят друзья.
Уходят, как в ночь эскадрон на рысях!

И как спятивший трубач, спозарапок
Уцелевших я друзей созываю.

Трагизмом веет и от сравнения, которым Галич завершил свою песню о фестивале в Сопоте, фестивале, проходившем в августе 1969 года, спустя год после того, как потрясенная Чехословакия услышала «кирзовый топот патруля».

А я, крестом раскинув руки,
Как оступившийся минер (...)

Трудно избавиться от мысли, что оно оказалось пророческим. Таким, наверное, 15 декабря 1977 года увидели мертвого поэта в номере парижского отеля.

Харьков

Эссеистика В. Вейдле

Весьма часто эпиграф или цитата — обширные, но взятые почти наугад, — сообщают об интересующем нас художнике много больше, нежели банальная биобиблиографическая справка. Поэтому сначала — фрагмент одной давней статьи.

«Что это такое — Россия?»

Если бы мне задали этот вопрос, разбудив среди ночи, я вероятно ответил бы: Пушкин. После чего пришлось бы мне задуматься и уже не спать, пожалуй, до утра.

Пушкин. Я мог бы также сказать: Толстой, Тютчев; первая страница «Мертвых душ». Или вспомнить «иззябло дитё, промерзла одежонка» и весь сон Мити Карамазова, после допроса в Мокром, о том, «чтобы не плакало больше дитё».

Да и мало ли что еще. Успенский собор. Адмиралтейство. Колеса, откос, плетень по откосу, а за ним уходящая в даль безбрежность волнистых полей.

Образы России неисчислимы. Исчерпывающего нет и не может быть. Не о них и была первая моя мысль. «Пушкин» не о том; и не о литературе. Мысль моя была о языке.

«Шипенье пенных бокалов», а то и разговор Селифана с лошадьми, его напутствие шустрой девчонке: «Эх ты, черноногая!» — это и есть Россия: та, где живу, та, что живет во мне. Говорю, пишу не на этом одном языке, но живу в нем и тем самым живу в России. Довольно мне этой, если нет другой. Ее язык — наш и мой язык. Пушкин, и Толстой, и Тютчев, и Селифан, и московские просвирни, и вы, и я, и все мы в нем одно. Оттого и ответил я на тот вопрос, назвав Россию именем ее поэта.

Правдиво ответил, и от этой правды не отрекусь».

Эти слова из книги «Безымянная страна» (Париж, 1968. С. 5) принадлежат Владимиру Васильевичу Вейдле (1895—1979) — литературоведу, критику, публицисту, историку культуры, видному деятелю Русского Зарубежья. Бывший профессор Пермского университета, ставший в эмиграции профессором Русского богословского института в Париже, активный сотрудник «Современных записок», «Вестника Русского Христианского Движения», «Нового журнала» и других авторитетных изданий, тонкий знаток русско-

его языка и признанный стилист, до сих пор — несмотря на «эмигрантский бум» — почти не известен на родине. Его труды редко появляются в нашей периодике. Причин тому немало, но главных, видимо, все же две. Прежде всего, книги и статьи Вейдле отличаются не просто внешним блеском; они серьезны и глубоки, требуют соответствующего читателя, что, естественно, настораживает многих редакторов. Другая причина не менее важна. Дело в том, что Вейдле, всю жизнь свято хранивший верность России, пытался в своих построениях создать некий сплав из двух знаменитых теорий, некогда разъединивших отечественную общественную мысль. Тем не менее он слыл западником и — объективно говоря — был им (при всей условности этой, как и противоположной, дефиниции). Но есть западничество и — «западничество». Одно из них (взятое в кавычки, обывательское) Вейдле без устали обличал, особенно подчеркивая в нем «поклонение последнему изображению, подмену западной культуры западной газетой». Сам же принадлежал к иной, исторической, подлинно культурной традиции, отрицающей бездумное заимствование и дешевую политизацию. Такой западник плохо вписывается в скоропалительные концепции наших дней, ибо фактически дискредитирует их, а посему он раз за разом отторгается обратно в небытие.

Вышедший недавно справочник «Русская эмиграция. Журналы и сборники на русском языке. 1920—1980. Сводный указатель статей» (Под ред. Т. Л. Гладковой и Т. А. Осоргиной. Париж, 1988) насчитывает более двухсот работ, опубликованных Вейдле за рубежом. Однако на самом деле книг, статей и рецензий было гораздо больше — как на русском, так и на многих европейских языках. Не менее десяти из них были посвящены А. С. Пушкину, которого ученый рассматривал исключительно в контексте истории европейской культуры. Самая принципиальная, программная статья «Пушкин и Европа» была напечатана в крупном русском зарубежном журнале — парижских «Современных записках» — в дни пушкинского юбилея 1937 года, который широко отмечался во всем культурном мире. Теперь, спустя полвека, возможно воспроизвести полный текст работы Вейдле и у нас. Нужно отметить, что ряд теоретических установок автора могут быть оспорены. Но отметим и другое. Непредвзятый читатель без труда обнаружит, что говоря о поэте, Вейдле зачастую понимает и историческую судьбу самой России; указывает (естественно, в силу собственного понимания) пути преодоления ставшей объектом всецелых спекуляций оппозиции «Восток — Запад». Его небесспорные речи о России исполнены «чувствами добрыми», христи-

анскими. И в этом смысле они — достойный подражания пример для полемистов любого лагеря.

Речь идет, разумеется, о тех полемистах, для которых само слово «Россия» еще не превратилось в пустой, надоевший звук.

Пушкин и Европа

Пушкин — самый европейский и самый непонятный для Европы из русских писателей. Самый европейский потому же, почему и самый русский, и еще потому, что он, как никто, Европу России вернул, Россию в Европе утвердил. Самый непонятный, не только потому, что непереводаемый, но и потому, что Европа изменилась и не может в нем узнать себя.

«Европа нам тоже мать, как и Россия, вторая мать паша; мы много взяли от нее, и опять возьмем, и не захотим быть перед нею неблагодарными». Это не Пушкин писал, но это писал Достоевский — незадолго до смерти, вскоре после пушкинской речи, примиренный с Европой Пушкиным. Лучшее, что он в этой речи сказал, относилось к «всемирной отзывчивости» Пушкина, истолкованной им, как высшее выражение общенациональной черты, всеотзывчивости русского народа. С тех пор, кажется, все согласились с ним, да и как отрицать пушкинскую открытость чужому или свойственные русскому человеку восприимчивость, переимчивость, гибкость, умение приспособляться (черты, получающие подчас окраску не такую уж и приятную). В двух отношениях, однако, Достоевский не сказал всего или даже сказал не совсем то, что было бы нужно сказать на эту тему. Хотя и не универсализм, а как раз европеизм Пушкина его отчасти как будто и заразил (что видно и из слов «Дневника Писателя» о народности стремления в Европу), он все же не указал этого особого направления пушкинской отзывчивости, поставившего ей известные цели и пределы; а в отзывчивости самой по себе он не пожелал узнать черту, присущую в той или иной мере всякому вообще гению.

Быть гением, это не значит уметь обходиться без чужого (в том числе и национально чужого); это значит уметь чужое делать своим. Гений не есть призвание к самоисчерпыванию, но дар приятия и преображения самых бедных оболочек мира. Очень часто он состоит в способности доделать недоделанное, увидеть по-новому то, что уже было видно другими. «Буря» — единственная драма Шекспира, чья тема и многочисленные черты ее разработки не заимствованы у одного или нескольких предшественников. Зерно «Фауста» — пьеса для кукольного театра, а последние два сборника Гете — подражания персидской и китайской поэзии. Восприимчивость столь же существенная черта гения, как и оригинальность (не та, которой приходится искать, а та, от которой нельзя избавиться); однако гении узкие и глубокие менее щедро ею наделяны, чем те, что покоряют гармонией и широтой. К ним относится Пушкин; его творчество напоминает Аристо¹, который легко внушает мысль, что он лишь вполне удачно повторил не столь удачно сказанное другими, или Рафаэля, в чьем искусстве терпеливый знаток, совершенно лишенный художественного чутья, нашел бы только полный инвентарь всего, что сделали итальянские мастера за предыдущее столетие.

От гениев ему родственных Пушкина отличает, однако, глубокая осознанность его дара впитывать и преображать, и особенно сознание той роли, которую призван выполнять этот дар не только по отношению к его собственному творчеству, но и к настоящему и будущему его народа. Принимая или отбрасывая ту или иную часть русского литературного прошлого, он знал, что и современники, и потомки последуют его примеру. Отбирая и усваивая все то, что можно было усвоить в литературном наследии Европы, он знал, что усвоение это совершает сама Россия, при его посредничестве. Призвание поэта было ему дорого, но он не забывал и писательского долга перед языком, ему дарованным, и литературой, этим языком рожденной. Долг этот был, разумеется, не насильственным, а любовным, не переходил никогда в докучную обязанность. Им были внушены занятия русской историей, изучение народной поэзии, записи песен, подражания сказкам, но еще более толкал он Пушкина в другую сторону: к приобщению всему тому, что составляло духовную мощь Европы, что принадлежало по праву рождения, как европейской нации, и России, но чего Россия была долго лишена вследствие направления, принятого некогда ее историей. Дело это было прямым продолжением дела Петра, дела Екатерины, перенесенного в область, где оно могло совершаться беспрепятственной, по где оно тоже не могло обойтись без самоотверженного труда. Чем больше

Пушкин жил, тем больше должен был понимать, что это и было его дело. В последние годы после женитьбы он с особенным усердием выписывал в свою библиотеку и читал иностранных авторов по возможности на их собственном языке, вникал в их мысль и в средства ее выражения, переводил их, либо для печати, либо для того чтобы лучше усвоить созданные ими приемы и привить их русскому языку и русской поэзии.

«Переводчики — почтовые лошади просвещения». Вслед за Жуковским не погнушался и он впрячься в тяжкий рыдван западной литературы и тащить его по русским ухабам, даже и выбиваясь иногда из сил. «Мера за меру» — странная и кажется не совсем удавшаяся драма Шекспира, но попытка Пушкина сгустить ее в поэму (что бы ни думал о ней сам Пушкин) удалась еще гораздо менее. Точно также и стихотворное переложение из Бэньюнова² «Странника», несмотря на восторг Достоевского, к лучшим его созданиям отнюдь не принадлежит. Однако сожалеть о затраченном на эти попытки времени было бы близоруко, тем более, что и «Шир во время чумы» — почти перевод, даже больше перевод, чем «Анджело», а здесь в высшей мере совершилось то чудо, которое Пушкину так часто удавалось совершать. Самый выбор переведенного отрывка: лучшего куска в безразличной пьесе посредственного автора³, дословность перевода некоторых стихов и легкая, но решающая переделка некоторых других; замена обеих песен, использующая мотивы уже намеченные у Вильсона, но меняющая окраску целого и дающая ему новый смысл; все это свидетельства именно пушкинского переимчивого и преображающего гения. Неизбежность преображения была такова, что заправским переводчиком, как Жуковский, Пушкин не сделался; ему даже казалось, что и Жуковский переводит слишком много, — сам он больше подражал и переделывал, тем самым продолжая, однако, деятельность того, кого недаром называл учителем. Переделки могли не удаваться, но здесь и намерение важно, не только результат, да и не в отдельных удачах или неудачах дело; дело в том, что Пушкин всю жизнь дышал воздухом европейской литературы и так впитал ее в себя, что вне ее (как, разумеется, и вне России) становится непонятным все, что он написал, все направление его творчества.

Это едва ли не единственный случай в истории литературы, чтобы великий поэт, величайший поэт своей страны, признавался, что ему легче писать на иностранном языке, чем на своем, и действительно писал на этом языке свои любовные письма и письма официального характера, а также предпочитал бы обращаться к нему для изложения мыслей скольконибудь отвлечен-

ных. Когда ему надо было рассуждать, он делал это большей частью по-французски и русское выражение редко приходило ему первым на ум, как это показывают черновики его критических писаний. На французской литературе был он воспитан больше, чем на русской, и не отрекся никогда от иных кумиров своей юности,— Парни, Вольтера, не говоря уже о Шенье, которого любил немного позже. Впоследствии, правда, его отношение к ней резко переменилось; он осуждал и ее традицию в целом, и особенно строго судил современников, продолжая, впрочем, усердно их читать; пощадил он из них в конце концов (если не считать Шатобриана и г-жу де Сталь, которых уважал) только Стендаля, Мериме, Жанена, Сент-Бева и автора «Адольфа»⁴, романа особенно им любимого. Как он однако против французской литературы ни восставал, своей давней с ней связи он порвать не мог и даже Буало не окончательно перестал законодательствовать на его Парнасе, хотя бы в том смысле, что так и не позволил ему оценить до-малербовскую эпоху французской поэзии. Если не его стихи, то его проза до конца свидетельствуют об этой связи, и Мериме был прав, когда по поводу «Пиковой дамы» писал Соболевскому⁵: «Я нахожу, что фраза Пушкина совершенно французская фраза, т. е. французская фраза XVIII века, потому что нынче разучились писать просто».

Как бы высоко ни оценивать, однако, значение для Пушкина той французской литературной стихии, которую он с детства в себя впитал, оно во всяком случае не перевесит того, что ему дало свободное и глубокое увлечение литературой английской. Французское влияние было неизбежным и всеобщим, английское он выбрал сам; французское можно сравнить с тем, что дает человеку рождение и семья, английское — с тем, что ему позже может дать любовь и дружба. Ни об одном французском писателе он не служил панихиды, как о Байроне, через год после его смерти. «Отца нашего Шекспира» он конечно с совсем другим чувством читал, чем на лицейской скамье какого-нибудь Вержье или Грекура⁶, да и то, что он уже в 1824 году думает о Расине, отнюдь не похоже на юношеские восторги Достоевского. «Скупой рыцарь» недаром выдан за перевод с английского, а «Шир во время чумы» с английского переведен. В «Борисе Годунове» больше Шекспира, чем Карамзина; без Вальтера Скотта не было бы «Арапа Петра Великого», «Капитанской дочки», а быть может, и «Повестей Белкина». Притом дело тут вовсе не в том, чтоистики литературы любят называть влиянием, т. е. в использовании подходящих приемов и материалов, а в ощущении внутреннего родства, постепенно идущего вглубь по линии от Байрона к

Шекспиру. Характерно, напр., что единственным литературным направлением современного ему Запада, чьи художественные принципы Пушкин вполне одобрял, была английская «озерная школа»⁷, свое отношение к которой он подчеркнул тем, что подражал Вордсворту, переводил Соути, обратил внимание на близкого к ней Вильсона и заботился о переводах из Барри Корнуола, для «Современника», еще в утро последней дуэли. Всего характернее, однако, отношение его к одному из поэтов этой школы, которого в зрелые годы жизни он любил едва ли не больше всех своих западных современников: к Кольриджу.

Европейскому читателю, не знающему русского языка, очень трудно дать понятие о стихотворной технике и поэтическом стиле Пушкина, но ближайшее, что ему можно на Западе указать, это все же Кольридж. Несмотря на огромное различие интересов, тем и всего вообще внутреннего облика, нет другого великого европейского поэта, чей стих, стиль, чье отношение к слову так напоминали бы Пушкина. «Remorse» и «Zapolya» несравненно слабее «маленьких драм», главным образом благодаря растянутости, но общий тон, окраска диалога, отношение фразы к стиху (то, что французы называют «суре») ⁸ в них совершенно те же. Как насыщенный пушкинский стиль с его утонченной игрой гласных и согласных (типа «Медного всадника»), так и обнаженный (типа «Румяный критик мой...» или «Пора, мой друг, пора...») находят себе подобие в стихах Кольриджа и больше нигде или почти нигде. Объясняется это не влиянием, а родством; не родством души, но поэтической совестью и поэтическим вкусом. Пушкин недаром читал и перечитывал* эти родственные ему стихи, недаром собирался было из «Remorse» взять эниграф для «Анчара», а гораздо позже из материалов для «Панессы Иоанны» «faire un poëme dans le style de Cristabel»⁹. Он должен был чувствовать к Кольриджу нечто вроде братской любви поэта к поэту. Когда вышла книга стихов его сына, он немедленно ее выписал. Смерть его была Пушкину не безразлична, как видно из надписи на сохранившемся среди пушкинских книг экземпляре «Table Talk»: «Купл. 17 июля 1835 г., день Демид. праздн. в годовщину его смерти»**. Уже после смерти Пушкина, вдова его получила счет от книгопродавца на заказанную им книгу «Разговоров» Кольриджа. Этих разговоров он не прочел, но заочно

* «Я занялся моими делами, перечитывая Кольриджа, сочиняя сказочки и не ездя по соседям». 1831 («Заметки о холере»).

** Дата не совсем точна, но близка к верной. Кольридж умер 25 июля 1834 года.

беседу с английским поэтом, с тех пор, как познакомился с ним и пока был жив, он едва ли прерывал надолго.

Теплота отношения к Кольриджу характерна и для этого особого братства, и в то же время для отношения Пушкина к западной литературе вообще. Современников он читал жадно, и всегда с радостью, даже с восторгом отмечал то, что ему у них нравилось, будь то роман Манцони или стихи Сент-Бева. Но еще сильнее тянуло его к предкам. Глубокое преклонение перед Гете, как и чувство, какое испытывал он к Данте, Петрарке, Сервантесу, Кальдерону, Шекспиру, Мильтону и многим другим, не может быть названо иначе, как сыновнею любовью. Их имена были для него священны, как и все прошлое западных литератур; они все, не один Вальтер Скотт, были «нищею души»; они все, не один Шекспир, были его «отцами», в несколько ином, но едва ли и не в более глубоком смысле, чем это можно сказать о Державине, Жуковском или Карамзине. С русской стороны у колыбели Пушкина им противостояли не столько русские писатели, сколько сам русский язык, тот русский язык, в который Пушкин как бы их включил, подняв его на высоту их мысли, их искусства. Язык этот он заставил совершать чудеса, и притом так, что они совершаются как бы сами собой, точно сам язык сделался поэтом. Разве не одной уже прелестью языка даже первая глава «Евгения Онегина» лучше Байрона и «Ифигиния дочька» лучше Вальтера Скотта? По размаху творческого воображения Пушкин не был равен Данте, Шекспиру или Гете, но достаточно прочесть «Сцену из Фауста», «Подражание Данту» и монолог скупого рыцаря, этот несравненный образец прививки шекспировского стиля иной поэзии и иному языку, чтобы убедиться, что в пределах отрывка, образца (что уже немало, так как ткань гения везде одна) он сумел потягаться с ними, стать их спутником, оставаясь в то же время самим собою. Чудо гения во всех этих случаях есть прежде всего чудо самоотверженной любви; но любовь выбирает и не может не выбирать, это не просто «всемирная отзывчивость».

*
* *

«Россия по своему положению, географическому, политическому etc. есть судилище, приказ Европы. — Nous sommes les grands juges». ¹⁰ — «Беспристрастие и здравый смысл наших суждений касательно того, что делается не у нас, удивительны». Слова эти, написанные в 1836 году, свидетельствуют не о нацио-

нальном самопревознесении, которого от Пушкина не приходится ожидать и которому противоречит ирония последней фразы, а о понимании той истины, что русскому легче разобраться в европейских спорах, чем самим европейцам, разделяемым национальными предрассудками и наследственной враждой, к которым Россия долгое время не имела отношения. В области литературы русскому легче, чем французу или англичанину, одновременно полюбить и Шекспира, и Расина, а кроме того — и это еще важнее — ему легче почувствовать то, что несмотря на все различия у них есть общего: их европейство. Немец, француз, итальянец воспринимает друг друга прежде всего, как чужих, и в чужом увидят свое лишь в противоположении чему-либо еще более чужому. Русский же способен в каждом из них воспринять европейца прежде всего, а потом уже немца или француза. Если бы Пушкин продолжил свою мысль (внутреннюю чтением книги Шевырева о западной литературе), он нашел бы, что Европу, как целое, именно глядя на нее из России, всего легче ощутить. Не об этой ли Европе он и думал, когда писал Чаадаеву, в ответ на приглашение пользоваться русским языком: «*Mon ami, je vous parlerai la langue de l'Europe, elle m'est plus familière que la nôtre*»¹¹. Французский язык был для него прежде всего языком не Франции, а европейского образованного общества; он открывал ему отчасти доступ и к другим литературам, но настоящего ключа к ним все же не давал. Французская литература была лишь частью европейской и не могла заменить целого, а к этому целому он и стремился, только оно и могло его удовлетворить.

Не только понятие европейской литературы было Пушкину близко, он употребляет и само это выражение. Оно встречается в наброске предисловия к «Борису Годунову» в том месте, где критикуются те «журнальные Аристархи», что «самовластно разделяют европейскую литературу на классическую и романтическую», т. е. забывают о ее единстве. Замечательно, что слова эти написаны в том же самом 1827 году, когда Гете, в разговоре с Эккерманом и в журнальной статье, создает свое понятие всемирной литературы. Две эти концепции совершенно не равнозначны; с известной точки зрения они даже противоположны, и расхождение их только подчеркивает тот факт, что отношение обоих поэтов к этим вопросам на протяжении их жизни изменялось в противоположном направлении. Гете к старости все более расширял свой кругозор в сторону Индии, Персии, Китая; Пушкин, напротив, приближаясь к зрелым годам, постепенно суживал его, ограничивая пределами Европы. После возвращения с юга он уже не выписывал турецких слов в свою тетрадь; после

1824 года не написано ничего, что могло бы сравниться с «Подражаниями Корану». В апреле 1825 года он пишет Вяземскому: «Знаешь, почему не люблю я Мура? ¹² — Потому, что он чересчур уж восточен. Он подражает — ребячески и уродливо — ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета. Европейец и в упоении восточной роскоши должен сохранить вкус и взор европейца». Впрочем уже и за три года до того он писал из Кишинева тому же Вяземскому о том же Муре, как о «чопорном подражателе безобразному восточному воображению» ¹³. Возможно, что недоверие к Востоку было у Пушкина отголоском классицизма, но дело тут вообще не в недоверии, не в отталкивании, вовсе не таком уж и остром, а в слишком сильном притяжении Европы, которую надлежало России вернуть, в России укоренить. У Гете забот этого рода не было, оттого он и размышлял о всемирной литературе, а Пушкин о европейской.

Но больше того. Даже и внутри европейского литературного предания Пушкин различает как бы два разных пласта, усвоение которых Россией не одинаково неотложно и насущно. В 1830 году он пишет: «С тех пор, как вышел из Лицея, я не раскрывал латинской книги и совершенно забыл латинский язык. Жизнь коротка, перечитывать некогда. Замечательные книги теснятся одна за другой, а никто нынче по латыни их не пишет. В 14 столетии, наоборот, латинский язык был необходим и справедливо почитался первым признаком образованного человека». Чем латинский язык был для Петрарки, тем французский был для Пушкина. Латынь не совсем исчезла с его горизонта, принимался он и за греческий язык, однако центр тяжести был в другом, и об этом, а не только об устремлении личных вкусов сказано с полной ясностью уже в 1825 году, в письме к Бестужеву ¹⁴. «Изучение новейших языков должно в наше время заменить латинский и греческий — таков дух века и его требования»; этим требованиям Пушкин и стремился удовлетворить. Будучи с детства обучен лишь французскому языку, он позже познакомился — хоть и поверхностно должно быть — с итальянским и немецким, усердно изучал английский и достиг вероятно хорошего его знания (только с произношением так и не сладил до конца); занимался испанским, переводя отрывки из «Цыганочки» Сервантеса. Инстинкт поэта помогал ему и там, где знания не доставало, и благодаря этим часам, проведенным над грамматикой и словарем, русский язык «столь гибкий и мощный в своих оборотах и средствах, столь перенчивый и общежителенный в своих отношениях к чужим языкам» получал пищу нужную ему, вступал во владение Европой.

Этим и была прежде всего Европа Пушкина: романо-германским миром средних веков и нового времени, христианским Западом с его пятью главными литературами на пяти великих языках. Конечно, он помнил то, чего не забывал и Гете, несмотря на все свои экзотические увлечения; он знал, что основа и корень Европы в греко-римской древности, что порвав с ней связь, Европа перестанет быть собою; но и тут положение его было не то же, что у Гете: путь к древнему миру пролегал не прямо, а только сквозь новый европейский мир. Пушкин отлично сознавал, что у России есть собственная античная традиция, идущая непосредственно из Греции, через Византию, минуя Рим, традиция неотъемлемая, ибо укорененная в религии и языке, глубочайшем достоянии народа. Разумеется, он совсем и не думал эту традицию устранять, но делу соединения России с Западом она не помогала, скорей ему препятствовала, приводя к тому, что у Запада и у России оказывалось как бы две разных античности, мало чем связанные между собой. Надлежало эти традиции сблизить, утвердить сознание общеевропейского классического наследия. К этому Пушкин и стремился, во многом вполне сознательно, и притом двойным образом: прежде всего в своей работе над литературным языком, добываясь в нем равновесия между элементами западного и церковнославянского происхождения (с преобладанием чисто русских), а затем еще и ведя русскую литературу не прямо к Греции и Риму, а к их живому преданию в западных литературах, ко всему тому, что исходя из этого предания было создано.

Пушкинской отзывчивости им самим были поставлены пределы; пушкинскую Европу он сам очертил уверенной рукой; но знание границ никогда не означало у него узости, и европеизм его совершенно был свободен от основного изъяна позднейшего западничества: поклонения последнему изображению, подмены западной культуры западной газетой. Ему-то уж, конечно, были вполне чужды «невежественное презрение ко всему прошедшему, слабоумное изумление перед своим веком, слепое пристрастие к новизне», эти признаки «полупросвещения», которые он так сурово осуждал в Радищеве. Современностью его Европа не только не исчерпывалась, но и чем дальше, тем больше ей противопоставлялась. Он воспитался на литературе восемнадцатого века, но дальнейшее развитие его заключалось не в том, чтобы он старался поспешать за девятнадцатым, а в том, что он как бы возвращался вспять к семнадцатому, к шестнадцатому, к величайшим векам Европы, и еще к другим, более ранним ее векам, так что современная французская литература представлялась ему вполне

упадочной; Байрона заменил Шекспир, уже не Парни, а «ветхий Данте» у него в руках и даже старофранцузский «Roman de Renart»¹⁵ его так заинтересовал, что он перевел на новый французский язык его начало. Правда, интересы и вкусы такого рода мог воспитывать в нем и сам современный ему европейский романтизм; книга Августа Вильгельма Шлегеля¹⁶ по истории драмы вероятно сыграла немалую роль в образовании его литературного мировоззрения; однако это и есть главное или почти все, что он от романтизма получил, как это видно уже из того, какой он смысл вкладывает в самое это слово.

Так он писал *темно и вяло*
 (Что романтизмом мы зовем,
 Хоть романтизма тут ни мало
 Не вижу я; да что нам в том?).¹⁷

Эти строки, как и многие другие высказывания Пушкина, свидетельствуют о его нежелании называть романтизмом то, что все вокруг него называли этим именем. Ленский — романтик в общепринятом смысле слова и его романтизм Пушкину не нравится, но существует еще другой, настоящий романтизм, с которым у Ленского нет ничего общего; что же он такое? На это у Пушкина легко найти ответ. Для него Гете — «великан романтической поэзии»; «Борис Годунов» — «истинно романтическая трагедия», потому что построена по правилам шекспировой драматургии; Данте для него — зачинатель романтической поэзии, которая, однако, мы это видим, отнюдь не ограничивается (как в ранней английской терминологии) средними веками, — для средневековой поэзии у Пушкина есть особый термин: «готический романтизм». К романтической литературе относятся у него, как это он особенно ясно высказал в известном историко-литературном наброске 1834 года, и Ариосто, и Тассо, и Спенсер, и Мильтон, и великие испанцы, и Монтень, и Рабле, и даже «Сказки» Лафонтена и «Орлеанская девственница» Вольтера*, т. е. вся западная литература от Данте до Гете за исключением французской классической трагедии. Такое словоупотребление тоже могло быть внушено Шлегелем, но в самом понимании дела Пушкин отходит от него и недаром, уже ознакомившись с его книгой, пишет (в 1825 году Бестужеву): «Сколько я ни читал о романтизме, все не то». Различие тут в том, что для Шлегеля он сам и его друзья были прямыми продолжателями Данте, Шекспира и Гете, тогда как

* Два последних произведения очевидно лишь по материалу в них использованному.

Пушкин противопоставлял этим гениям своего Ленского и всех Ленских вместе с ним. В его понимании романтическая литература противопоставлялась не только классической древности, но и романтизму его современников; и если к такому словопотреблению возврата нет, то именно оно окончательно уясняет нам пушкинскую идею европейской литературы.

Пушкин весь обращен не к сомнительному будущему, а к несомненному и великому прошлому Европы. Он ее еще видел целиком такой, как она некогда была, а не такой, как постепенно становилась; именно эту Европу он для России открыл, России вернул, не «просвещение», от которого исцелился, не романтизм, которым так и не заболел, а старую, великую Европу, в ее силе, в ее здравьи, с еще не растроченным огнем ее души. К этой Европе он сам всем своим существом принадлежал, будучи русским, любя Россию и ее одной и той же сыновнею любовью, и если «Европа тоже нам мать», то потому, что Пушкин не на словах, а всем творчеством своим назвал ее матерью. Он был последним ее гением, еще избегнувшим романтического разлада, еще не болевшим разделением личности и творчества, стиля и души. Когда-то это понял Мериме, полюбивший его издали, видевший французское в его прозе, но греческое в его стихах, поклонявшийся в нем последнему божеству своей собственной духовной родины. Другие этому божеству изменили; как же им было понять творения поэта, метко застреленного европейцем, но плохо переведенного на европейские языки? Европа смакует русскую экзотику, но в Пушкине не узнает себя; если же узнает, то узнанного не ценит. А Россия, знает ли она еще, что Пушкин не только Пушкина ей дал, но и Данте, и Шекспира, и Гете, — а потому и Гоголя, и Толстого, и Достоевского, что в его творчестве больше чем во всех революциях и переворотах совершилась судьба его страны; знает ли, что из всех великих дел, начатых или задуманных у нас, ни одно не осуществилось так сполна, как его дело, и что все Россией, за сто лет, возвращенное или подаренное Европе, родилось из его труда и пронизано светом его гения?

Примечания

Печатается по тексту первой публикации: Современные записки. Париж. 1937. Т. 63. С. 220—231.

1. *Ариосто Лудовико* (1474—1533) — итальянский поэт.

2. *Беньян Джон* (1628—1688) — английский писатель.

3. То есть *Джона Вильсона* (1785—1854), английского писателя и

критика (псевдоним — Кристофер Норт), автора драматической поэмы «Город чумы».

4. Речь идет о *Бенжамене Анри Констане* (1767—1830). Первое французское издание «Адольфа» вышло в свет в 1816 году.
5. *Соболевский Сергей Александрович* (1803—1870) — библиограф и библиофил, друг Пушкина. Подробнее об его переписке с П. Мериме см.: *Виноградов А. К. Мериме в письмах к Соболевскому. М., 1928.*
6. *Яков Вержье, Жан-Батист-Иосиф Грекур*, а также Парни упоминаются в пушкинском «Городке» (1815):

Воспитанны Амуром,
Вержье, Парни с Грекуром
Укрылись в уголок.
(Не раз они выходят
И сон от глаз отводят
Под зимний вечерок.)

7. Подробнее об этом см. напр.: *Сайтанов В. Неизвестный цикл Пушкина. — «Пути в пезнаемое». Сб. 19. М., 1986. С. 361—395.*
8. цезура (фр.).
9. Сочинить поэму в духе «Кристабель» (фр.).
10. Мы великие судьи (фр.).
11. Друг мой, я буду говорить с Вами на языке Евроны, он мне привычнее нашего (фр.) (Письмо от 6 июля 1831 г.).
12. *Мур Томас* (1782—1850) — английский поэт.
13. Письмо от 2 января 1822 года.
14. *Бестужев* (Марлинский) *Александр Александрович* (1797—1837) — писатель, критик, издатель, декабрист. Цитируемое письмо Пушкина написано 30 ноября 1825 года.
15. Эта книга сохранилась в библиотеке Пушкина. См.: *Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина (Библиографическое описание). СПб, 1910. С. 323.*
16. Имеется в виду книга А.—В. Шлегеля «Cours de littérature dramatique», французское издание которой вышло в свет в Париже в 1814 году. Она была в составе библиотеки Пушкина (Модзалевский Б. Л. Указ. соч. С. 331).
17. «Евгений Онегин», гл. VI, 23.

Публикация и комментарии
М. Д. Филиппа

Раздел вводит А. Крылов и Вл. Новиков

Борис Савельевич Вахнюк — лирик, один из основоположников туристского направления в авторской песне. Мастер спорта СССР по футболу. Родился в 1933 году на Украине, в селе Гришки Каменец-Подольской (ныне — Хмельницкой) области, живет и работает в Москве. Окончил историко-филологический факультет МГПИ им. Ленина, известный своими богатыми песенными традициями. Песни Б. Вахнюк пишет с 1955 года.

Вся жизнь Б. Вахнюка после окончания института — в журналистике. Работал в многотиражке, в издательстве «Прогресс», на радиостанции «Юность», в звуковом журнале «Кругозор». В настоящее время он — штатный сценарист студии «Центрнаучфильм», пишет песни для своих фильмов. В двух издательствах готовятся его поэтический и песенный сборники. Он член жюри многих фестивалей авторской песни, его произведения входят во все антологии этого жанра.

* * *

Мне говорят: «Какой резон
В твоих палатках на снегу!»
Мне говорят: «Не тот сезон...»
А я иначе не могу.
А я люблю гонять чай
С пахучим привкусом дымка
И всё глядеть в глаза твои,
Зеленоватые слегка.

Проснулся лес, костер погас,
Упал рассвет на тень мою,—
Я это видел столько раз,
А вот сейчас не узнаю.
Как потеплели небеса,
И как весна педалека! —
А всё они, твои глаза,
Зеленоватые слегка.

С веселой елью надо мной,
С двумя палатками в лесу
Прощаться грустно, но домой
Зато я песню припесу —
Про эти первые ручьи,
Еще несмелые пока,
И про глаза, глаза твои,
Зеленоватые слегка.

1963

МАРИШ ДВУЛИКИХ

(Из телеспектакля «Два мира»)

Два солнца горят
Одинаковым светом,
Два бога велят:
«Приходи за советом!»
Ну разве мы страшилки?
Мы не калики —

Мы просто двулики,
Мы просто двулики.

П р и п е в:

Посм мы и вляшем —
И нашим и вашим,
И сеем и нашим —
И нашим и вашим,
И шапками машем —
И нашим и вашим!

Среди тишины
И жестоких баталей —
По две стороны
У монет и медалей.
Зовете на травы? —
Вы правы, вы правы.
Нальете отравы? —
Вы правы, вы правы.

П р и п е в.

Лицо безупречное
Или рьяное —
На наши хоругви
Годится любое.
Глядите: рука
Беззащитно нагая.
Неважно, что нога
Обнимает другую.

П р и п е в.

1971

***

Приятель мой снимается в кино.
Ему гримерша бороду наклеит —
И он с косой кидается на клевер,
А косит неумело и смешно.

На кителе чужие ордена
На съемку выдаются бутафором,
И бутафорским потчует кагором
Чужая — по сценарию — жена.

И если он идет на пережим —
Его фактуре, гордости портновской
Подыгрывает бережно партнерша,
А он с ней спорит голосом чужим.

И роль свою коронную кляня,
Он морщится в кирзовых, полутесных,
И дыма подпускает пиротехник,
Принудренную бледность оттеня.

Приятель мой снимается в кино.
Он жаждет видеть, как парод толпится,
Он жаждет хоть крупинкой закрепиться,
Хоть капелькой упасть на полотно.

Приятель мой снимается в кино.
И все, что мелко в нем и чуть заметно,—
Теперь бесповоротно и бессмертно,
Во весь большой экран укрушено.

1973

Для Бориса Вахнюка характерно стремление к ясности в отчетливости высказывания, в его песнях, как правило, нет скрытых подтекстов и побочных смысловых оттенков. Такая лирическая открытость имеет и свои преимущества, и свои издержки. Возникает опасность растворения в теме, полной зависимости от нее. Туристская песня становится только туристской, студенческая — не выходит за рамки институтской жизни. А песни «военно-патриотической» тематики чересчур сближаются с официально-эстрадным вариантом их разработки.

Пятнадцать произведений Вахнюка вошли в свое время в коллективный сборник (отнюдь не бардовский!) под «красивым» названием «Разноцветные ветры» (М., 1975). Заметим в порядке сравнения, что в том же году в «Дне поэзии» с большим скрипом и цепзурными кунюрами было напечатано одно стихотворение Владимира Высоцкого на военную тему — единственная его прижизненная поэтическая публикация. Случай показательный: он демонстрирует определенную черту, границу между авторской песней и «разрешенной» поэзией того времени. Воспеть Вахнюком «шаданы целины» чересчур приближались к нахмутовско-добронравовским персонажам.

Но, к счастью, известность этого автора среди поклонников авторской песни связана с иными образами и мотивами. Мы перепечатаем из «Разноцветных ветров» песню «Приятель мой снимается в кино...», где за первым, фабульным планом сквозит сложное, неоднозначное раздумье об истинном и ложном, о видимости и подлинной реальности. Здесь есть и гибкая интонация, и нетривиальные рифмы. Четкость стихового рисунка наполняет эмоциональной таинственностью незамысловатую вроде бы строчку «зеленоватые слегка» в известной песне «Мне говорят...». Ну, и, наконец, третья из представленных нами произведений Вахнюка — «Мария двуликих», где автор достигает мужественной ясности мысли, твердости гражданской позиции в сочетании с диалектическим пониманием сложности жизни.

*Из дискуссии
20-х годов
о культуре речи*

В 1925 году на страницах журнала «Журналист» состоялась дискуссия о культуре речи, оставившая глубокий след в дальнейшем развитии науки о русском языке. В обсуждении проблем языка того времени участвовали виднейшие ученые — Л. В. Щерба, Л. П. Якубинский, С. И. Бернштейн, Д. И. Ушаков. В своих статьях они говорили о самом актуальном и важном — об употреблении заимствованной лексики, о путях обозначения русского языка, расширения его лексического состава, о воспитании языковой грамотности населения.

Особое место в этой дискуссии заняла полемика между С. И. Бернштейном, А. Курсом, И. Фоминым о газетном языке, о его месте и роли в формировании, развитии национального языка, о соотношении мысли и языковых средств ее выражения. Об этом вы прочтете в следующих номерах «Русской речи».

С позиций наших дней материалы дискуссии воспринимаются несколько иначе и прочтываются другими глазами. Тем не менее, 66 лет тому назад «Журналист» писал о том, что с печалью констатируют и современные характеристики социального речевого состояния.

Образцы лингвистической публицистики, каковыми, безусловно, являются материалы, опубликованные «Журналистом», поучительны как законченные исследования в области языковой политики.

*О. Л. Дмитриева,
кандидат филологических наук*

Л. В. Щерба, Профессор Ленинградского университета

Не может быть сомнения, что революция сильно отразилась на языке газет и печати вообще. Ярче всего это сказалось на бесчисленных новых словах, вроде *исполком, совнархоз, партработа, нот* и т. д. Ничего особенного в них, конечно, нет, так как на подобных же принципах создавались слова и раньше: *кадеты, эсеры, эсдеки* в русском, *metro, sous-off, U.G.T. (Union Générale de travail)* во французском, разительным является лишь их изобилие.

Толчок к образованию подобных слов в большом количестве дала война, во время которой в служебной переписке в армии широко применялся телеграфный код, являющийся первоисточником такого рода образований. Молодежь, служившая в армии, зачастую оказалась после переворота в рядах революции и сохранила привычку пользоваться принципами телеграфного кода, так что сокращенные слова стали чуть ли не символами революционного языка.

Однако рассуждая трезво, нельзя не признать, что неумеренное пользование подобными словами портит язык, так как зачастую заставляет читателя ломать себе голову над значением каких-нибудь *моссельпрома, фона, ленгиза, санпросвета, укома, крестинтерна, валпа* и т. д. Раз понимание слов хоть немного затруднено или если они возбуждают какие-нибудь посторонние ассоциации (*полпред — половина, ленгиз — Лена и Гизы, санпросвет — Сан-Франциско* и т. д.), *политрук — полить и руки*, что, конечно, задерживает процесс речи-мысли, то такие слова, несомненно, портят язык.

Объясняется это очень просто: все эти слова жаргонного происхождения, т. е. возникли, понятны и зачастую удобны в определенной и ограниченной среде, например, промышленной, учебно-учебной, административной, партийной и т. п.; но как только они выносятся на арену общего языка, они становятся там инородными телами, мешающими целесообразному функционированию этого языка. Ведь нельзя же все население заставить выучить словари всех профессиональных жаргонов.

Однако некоторые из этих жаргонных слов, по разным причинам оказавшихся общепонятными, могут с успехом войти и

действительно вошли в общий словарь. Одним из лучших примеров таких слов является *исполком*, который был усвоен всей Россией, потом *ВЦИК*, *Совнарком*, *Чека*, *РКП* (которое, впрочем, не имеет единой фонетической формы и произносится одними как *эркапэ*, другим как *рыкапэ*) и многие другие.

Не так ярко, но все же вполне заметно революция отразилась на общем уровне печати и в другом смысле: язык стал вообще крайне небрежен, неряшлив и стал пестрить иностранными словами и оборотами больше, чем это было раньше, по крайней мере в некоторых газетах.

Причин этому множество. Во-первых, революция есть прежде всего ломка старых форм, поэтому форма вообще находится в презрении: кажется важным, что, а не как. Далее, революция обуславливает исключительно быстрый темп жизни, поэтому писать хорошо — некогда. Далее, революция почти всю литературу свела к литературе сегодняшнего дня, которая употребляет и язык, рассчитанный на понимание лишь сегодняшним читателем (сколько выражений, образов и слов канули в вечность вместе с обстоятельствами, их породившими, как, например, весь жаргон, связанный с голодом, карточной системой, затруднениями в передвижении и т. п.), и которая вовсе не имеет претензий стать образцом для грядущих поколений. Далее, немаловажную роль играет и то обстоятельство, что в ряды пишущих вступило значительное количество эмигрантов и даже просто иностранцев, которые привыкли к иностранной литературе, к иностранной терминологии, к иностранному языковому мышлению, а из русского языка знают обыденный разговорный язык и жаргон газет, листовок, прокламаций, агитационных брошюр и т. п. Думая образами и оборотами иностранной литературы, они не стараются да, пожалуй, и не могут перевоплотить все это в русскую форму, а пересаживают свой материал на русскую почву в совершенно сыром, необработанном виде, придавая ему лишь русскую внешность. Наконец, люди из вновь поднимающегося общественного слоя, которые начинают выступать на литературном поприще, свое литературное образование, свой литературный вкус создали в большинстве случаев именно на этой повседневной газетной или вообще злободневной прессе, а потому у них обыкновенно просто нет ощущения правильного русского литературного языка.

Все это нельзя осуждать, т. к. происходит по естественным причинам, однако нужно признать, что оправдывающее такое положение вещей презрение к формам является в конечном счете антиобщественным явлением. В самом деле, здесь сказывается вечно существующий в языке антагонизм между индивидуумом и

обществом. Первый желает говорить, как ему удобнее, с затратой минимума усилий, или норовя свести речь свою к какому-нибудь бормотанию, мычанию или неопределенным: *так, ничего* и т. п. или наоборот, облекая без работы задерживающих центров в словесную форму все приходящие в голову мысли. Общество же, имея целью как можно скорее, легче и точнее понять мысль, требует от индивидуума максимума работы над выбором наиболее подходящих средств выражения мысли. Современная обстановка, как это ни странно, поощряет эгоистические стремления индивидуума.

Как делу помочь? По-моему, есть только два средства, которые оба должны быть применены: экономическое, т. е. платить лучше тем деятелям пера, которые пишут лучшим и более удобопонятным русским языком, и педагогическое, т. е. всемерно содействовать основательному изучению лучших представителей русского слова XIX и XX вв., начиная с Пушкина, прозу которого и сейчас нужно считать образцовой. Воспитавшись на этих образцах, взяв из них все живое и хорошее и откинув все преходящее, талантливые писатели создадут стиль XX в., отвечающий обстановке и задачам времени. Так, едва ли мы сможем обойтись без иностранной литературы, но, кроме того, очень полезно уже в школах приучать делать письменные переводы с иностранных языков — это не только гарантирует от бессознательных варваризмов, но вообще обостряет чутье родного языка.

Однако из всего сказанного не вытекает, чтобы все иностранные слова, вполне усвоенные русским языком, подлежали изгнанию (да и кто признает в словах *крест, черешня, школа, аптека, карты* и т. д. и т. п. слова иностранные?) или что мы навсегда должны отказаться от того, чтобы заимствовать слова из других языков. Заимствование слов от соседей, материальных или духовных, является в общем совершенно естественным и здоровым языковым процессом, основанным на общении народов. Вещи или понятия, созданные на почве этого общения или распространяющиеся под его влиянием, склонны получать общее наименование и создают естественную здоровую основу международного словаря, который и теперь уже представляется очень и очень значительным: *физика, электричество, телефон, телеграф, автомобиль, билет, касса, санатория, гипотеза, социализм, индивидуализм* и т. д. и т. д.

Поэтому, конечно, надо осудить, что немцы лет двадцать тому назад переделали такие укоренившиеся и всем известные слова, как *Telephon* и *Billet* на *Fernsprecher* и *Fahrkarte*, и мы лет десять назад пытались, отчасти пытаемся и сейчас переделать

автомобиль или *мотор* на *самокат*, а *санаторию* на *здравницу*. Оправдание, будто простому народу понятнее эти новые слова, едва ли выдерживают критику, так как для человека, не знающего, что такое телефон или автомобиль, ни *Fernsprecher*, ни *самокат* ничего не объяснят. С другой стороны, надо иметь в виду, что человеку, не знающему, что такое *ятерь* или *цепь*, эти чисто русские слова также ничего не скажут, как сами по себе ничего не говорят такие слова, как *вода*, *хлеб* и т. п.

Вообще, требовать от слов, чтобы они были понятны сами по себе, принципиально неправильно; можно даже сказать, что зачастую некоторая непонятность слов мешает их употреблению (например, многие затруднились говорить *паровая конка*) или впускает ложные мнения (как, например, название *гортапы* в применении к звукам *и, э*). Поэтому слово *фон* (факультет общественных наук) не потому худо, что оно непонятно непосредственно большинству русских (хотя очень удобно для нас, деятелей высшей школы), но потому, что оно им не известно, и потому, что они могут выразить то же понятие известными им словами, не отягчая своей памяти. С другой стороны, слово *исполком*, которое следует признать удачным словом, хорошо тем, что его легко, удобно выговаривать, что оно полнозвучно (в этом отношении оно гораздо лучше *вцика*), а главное, тем, что его все знают, хотя наверное большинство русских людей вовсе не знают и во всяком случае никогда не думают о том, что это то же, что «исполнительный комитет».

Итак, для новых понятий, для которых нет своих слов, не следует бояться готовых чужих слов, особенно слов международного характера. Но если есть возможность вноде выразить новое понятие своими средствами или путем словопроизводства, или путем комбинации двух-трех слов, то, конечно, лучше не обременять своего словаря лишними элементами.

Однако граница между этими двумя случаями текуча и подвигается лишь специальным лингвистическим, литературным чутьем. Но это чутье, конечно, не мистического происхождения, а воспитывается и проявляется в результате филологического воспитания, которым у нас, к сожалению, чересчур пренебрегают. Это филологическое воспитание не должно ограничиваться изучением произведений мастеров русского слова, но должно дать понимание основ развития русского языка, его основных стихий, из которых он может почерпнуть силы для необходимого обогащения словаря, если не всегда непосредственно, то всегда в смысле методов и направления. Это стихии, которые должен изучать каждый русский человек, желающий хорошо писать

по-русски, — русский фольклор, песни, сказки, частушки для конкретного словаря, с одной стороны, русско-югославянская письменность для отвлеченного словаря, с другой, и я бы сказал — романские языки, носители международного словаря, с третьей.

Здесь выступает очень важный вопрос о стилях, который боюсь, однако, углублять в краткой заметке: впрочем, несколько примеров, может быть, пояснят мою мысль. Отвлеченное слово *вливание* (в-ли-яние) есть не что иное, как перевод на наши традиционные книжные формы французского *influence* (in-flu-ence), а конкретное *литье* (медь) и отсюда *литейщик* являются более народными формами. Надо сказать *Общество «Здоровье детей»* и *Комиссариат здравоохранения*, а не *Ассоциация «Здравие детей»* и *Комиссариат здравоохранения*, как с этим, подумав, каждый согласится. Понятие *комиссариат* = *министерство* принадлежит, конечно, не обыденной жизни, а потому требует возвышенного, приподнятого стиля, иностранных слов и старых книжных форм: понятие *Общество* и «Здоровье детей» гораздо интимнее и ближе, и действительно, — *здоровье* — форма народной речи, а *здравие* — форма нашего старого книжного языка, отца нашего современного литературного, *комиссариат* же и *ассоциация* — слова международного романского словаря.

«Журналист», 1925, № 2.

«ТЕРМИНОТВОРЧЕСТВО» ТОТАЛИТАРНОГО ПРАВОСУДИЯ

Т. А. Яцюк,
кандидат филологических наук

Среди процессов, происходивших в нашем языке в 30-е — 40-е годы, особенно поражает активное внедрение практически во все сферы речи политической фразеологии тоталитарной системы. Е. Гизбург в повести «Крутой маршрут» вспоминает: «Скольку глазами по „пreamбуле“ обвинительного заключения. Тут не во что вчитываться. Все та же газетная жвачка... Повторенные миллионы раз, эти формулировки, которые вначале потрясали, стерлись и стали восприниматься именно как тошнотворная жвачка, как некая „присказка“...» (Юность. 1988, № 9. С. 64). Цитируем «Судебный отчет по делу антисоветского „право-троцкистского блока“» (М., 1938. С. 551): «Троцкисты и бухаринцы, т. е. „право-троцкистский блок“, верхушка которого сидит сейчас на скамье подсудимых, это — не политическая партия, не политическое течение, это банда уголовных преступников и не просто уголовных преступников, а преступников, продавшихся вражеским разведкам, преступников, которых даже уголовники третируют, как самых падших, самых последних, презренных, самых растленных из растленных». Этот отрывок из правового документа в то время мог бы быть частью и газетной передовицы, и текста популярной пьесы, и даже заметки из детского журнала «Пионер». Фактически весь язык «подвергался обработке ненавистью и устанавливал в сознании человека прямую связь между убийством ближнего и своей жизнью» (Велехова Н. Укрощение языка // Сов. культура. 1989, 14 янв.).

Язык юриспруденции как социально детерминированная система, испытал сильнейшее воздействие сталинской идеологии. Непосредственным объектом идеологического манипулирования стала юридическая лексика — совокупность терминов, употребляемых в законодательстве, юридической науке и практике. В 20-30 годы происходило «переосмысление» терминов, обозначающих основополагающие юридические понятия: *презумпция невиновности, преступление, виновность, прикосновенность (причастность) к преступлению, составительность судебного процесса* и т. д. При этом многие термины либо исключались из терминологической системы как «устаревшие» или «политически вредные», либо содержание их выхолащивалось, искажалось. Так, уже в судеб-

ных речах Н. В. Крыленко, изданных в 1923 году, заявляется «...Потому не нужны юридические тонкости, что не приходится выяснять — виновен подсудимый или не виновен: понятие *виновности*, это старое буржуазное понятие, вытравлено теперь» (цит. по: Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ // Новый мир. 1989, № 9. С. 75).

В обвинительной речи на судебном процессе по делу так называемого «право-троцкистского блока» прокурор А. Я. Вышинский произнес: «Есть мнение среди криминалистов, что для наличия соучастия требуется общее согласие и умысел каждого из преступников, из сообщников на каждое из преступлений. Но эта точка зрения — неправильная... Она узка и схоластична. Жизнь шире этой точки зрения...» (Судебный отчет... С. 612). Таким образом исключался обязательный признак или компонент значения термина *соучастие*: *участие в конкретном преступлении* — что позволяло привлекать к ответственности за соучастие широкий круг лиц по сфабрикованному обвинению.

Одним из нормативных признаков термина является его эмотивная нейтральность, т. е. отсутствие оценочного компонента, выражающего отношение, положительное или отрицательное, говорящего к означаемому (см.: Прохорова В. Н. Семантика термина // Вестник Моск. гос. университета. Сер. 9. Филология. 1981, № 3. С. 24). Однако большинство юридических терминов генетически восходит к общеупотребительной лексике. Поэтому элемент оценки, как правило отрицательный, часто сохраняется, например, в таких словах: *банда*, *преступник*, *убийство*, *грабитель* и т. п. Характерно, что некоторым из них современные правоведы отказывают в терминологическом значении, например: «Нигде в уголовно-процессуальном законодательстве мы не встретим термина *преступник*... [он] содержит не только юридическую оценку, но и огромный отрицательный заряд социально-политического характера... не приспособлен для определения правового статуса лица в уголовном процессе» (Кашанина Т. В. Правовые понятия как средство выражения содержания права // Сов. государство и право. 1981, № 1. С. 163).

Показательно, что в юридических текстах 30-х годов именно термины с ярко выраженным эмотивным содержанием составляли основу правовой лексики. В обвинительном заключении и в ходе всего открытого процесса по делу П. И. Бухарина и др. подсудимые именуются *головорезами*, *отрбьем*, *наймитами буржуазных разведок*, *двурушниками*, *погаными псами*, *кровавыми шакалами* и т. п. Причем употреблялись такие «термины», как правило, в сочетании с определениями-эпитетами, выражающими не-

гативную оценку: *злусное, чудовищное, злодейское, кошмарное, дьявольское, подлое, неслыханное преступление; презренный, подлый преступник, беспринципная, оголтелая, безыдейная банда; коварный, подлый убийца* и т. п. Передко за счет привнесения в семантику слова элемента оценки негативного характера искажалось значение термина. Например, термин *эмигрант* до сих пор в нашем сознании связан с чем-то отрицательным: «это слово в нашем политическом словаре давно и прочно равнозначно словам „изменник“, „предатель“, „отступник“. Означает же оно только одно: эмигрант — это человек, переехавший на жительство из одного государства в другое» (Ваксберг А. Термины, которые решают всё... // Лит. газета. 1989, № 39. С. 10). То же самое произошло и с терминами *оппозиция, плюрализм, забастовка* и др., которые после искажения содержания были и вовсе исключены из терминосистемы советского права.

Одновременно с разрушением традиционной терминологической структуры юриспруденции шел активный процесс создания и внедрения в юридическую теорию и практику новых терминов, являющихся по сути псевдотерминами, имеющими крайне расплывчатые значения. Справедливо замечено, что «точный термин — неперемный атрибут правового государства: как раз неправовому и нужна размытость стертых понятий, допускающихвольное их истолкование» (Ваксберг А. Указ. статья).

Чаще всего псевдотермины представляли собой наименования лиц по политической, партийной и любой другой групповой принадлежности: *троцкист, меньшевик, эсер, бухаринец, правый, буржуазный националист, автономист* и т. д. Близки к ним, но обладают более высокой степенью эмотивности такие «термины», как *кулак, подкулачник, шпион, вредитель, отравитель, предатель, невозвращенец, враг народа, организатор голода* и т. д.

Рассмотрим вторую группу слов. Эти термины не одинаковы по степени семантической определенности. Так, по мнению экономиста Н. Шмелева, «для определения кулака все же существовали весьма зыбкие имущественные показатели, но для категории подкулачников, весьма расхожего обозначения части крестьян того периода, вообще никаких определений не существовало. Так можно было пазвать любого единоличника, не пожелавшего вступить в колхоз...» (цит. по: Крючкова Т. В. Особенности формирования и развития общественно-политической лексики и терминологии. М., 1989. С. 75). Подобные «термины» выполняли скорее функцию политического ярлыка, а не юридического понятия. Точность определения заменилась произвольным толкованием. Так, А. Я. Вышинский, «разъясняя» значение тер-

мива невозвращенец, уточняет: «...когда советский гражданин превращается в невозвращенца, этим самым он изменяет своей родине» (Судебный отчет... С. 47). Употребление подобных псевдо-терминов в правовых документах предварительного следствия противоречило принципу презумпции невиновности и избавляло от необходимости юридического доказывания вины подсудимого.

Сталинская репрессивная машина, лицемерно именуемая органами правосудия, нуждалась в терминах-эвфемизмах (благозвучных иносказаниях), которые бы служили словесным камуфляжем истинной сути творимого беззакония. Если на начальной стадии формирования сталинской терминосистемы были распространены прямые номинации понятий (*внесудебная расправа, смертная казнь, каторжные работы, репрессия, террор, карательные меры, заложник*), то постепенно эвфемизмы начинают занимать главенствующее положение, в результате чего возникает система «двойных» юридических понятий: *высшая мера социальной защиты — смертная казнь, трудовое перевоспитание — каторжные работы, социальная профилактика — репрессивные меры, воспитательное учреждение — тюрьма, секретный сотрудник (сексот) — осведомитель* и т. д.

Создается беспрецедентная система так называемых «литерных» статей уголовного обвинения: *ППШ (подозрение в шпионаже), НШ (недоказанный шпионаж), СВППШ (связи, ведущие к подозрению в шпионаже), ТН (террористические намерения), КРМ (контрреволюционное мышление), ВАС (вынашивание антисоветских настроений), ЧСИР (член семьи изменника родины)* и т. д. (см.: Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ // Новый мир, 1989, № 9. С. 29, 86–87).

Противоправность приведенных формулировок очевидна — ведь они позволяли выносить обвинительные приговоры, основываясь лишь на подозрении, без доказательства вины, подвергать репрессиям не за преступное деяние, а за политические убеждения или намерения, и, наконец, за родственные связи с «врагом народа».

Бесчеловечность тоталитарного режима выразилась в дегуманизации лексики законодательных актов сталинской эпохи. Известный юрист, народный депутат СССР А. М. Яковлев, анализируя Закон о паспортном режиме и прописке от 27 октября 1932 г., обратил внимание на выражения: «в целях разгрузки населенных мест от лиц, не связанных с производством.., очистки этих населенных мест от укрывательства кулацких, уголовных и иных антиобщественных элементов». При этом он заметил: «„Разгрузка“ — слово, которое столетиями относилось к неодошевлен-

вым предметам. „Очистка“ – санитарный термин – применен к наряду... А происходило это зимой 1932 года, когда люди, гонимые голодом, ринулись в города» (Огонек. 1988, № 43. С. 15).

В качестве универсального наименования человека широко использовалось неодушевленное существительное *элемент*, приобретающее в сочетании с различными прилагательными определенное терминологическое значение: *антиобщественный, контрреволюционный, кулацкий, уголовный, социально вредный, чуждый, враждебный элемент; общественно полезный, трудовой элемент*.

Ярким свидетельством антигуманности сталинской идеологии являются слова из печально известного коллективного писательского «труда» о строительстве Беломорско-Балтийского Канала: «Человеческое сырье обрабатывается неизмеримо труднее, чем дерево, камень, металл» (Беломорско-Балтийский Канал им. Сталина. 1934. С. 609). Соответственно целям «обработки» это «сырье» подвергалось *чистке, ликвидации* или *перековке*: «Все почти в той или иной мере получили положительную перековку» (Беломорско-Балтийский Канал... С. 494). Показательно то, что отглагольные существительные *ликвидация, разгрузка, чистка, перековка* получили в 20–30 годах статус юридического термина.

Наследие сталинского «терминотворчества» в области юриспруденции, не изжитое и до сей поры, препятствует обновлению общественного правосознания. Демократизация общества и утверждение принципов правового государства требуют формирования юридической терминосистемы, в полной мере отражающей эти принципы. Ныне широко употребляются бывшие ранее «крамольными» термины: *альтернатива, оппозиция, плюрализм мнений, ротация, референдум, презумпция невиновности, право свободного передвижения* и др. Терминам возвращается их общемировое значение, очищенное от привнесшего негативного оттенка.

Фактически мы становимся свидетелями того, как борьба идей находит свое выражение в борьбе терминологий. В этой ситуации актуальное значение приобретает всестороннее осмысление процессов, деформировавших терминологическую систему советского права в годы сталинского произвола.

Ташкент

Подвижка с подпиткой

И

всплеск с проработкой

Эр. Хан-Пира,
кандидат филологических наук

В последние годы в газетах, журналах, по радио, телевидению эти не первой молодости слова стали встречаться очень часто и в значениях, до той поры не известных.

Откроем толковые словари. Вот что прочтем о слове *подвижка*. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (далее ТСУ): «Подвижка (спец.). Движение, перемещение». В академическом «Словаре современного русского литературного языка» (далее БАС) *подвижка* толкуется так: «Небольшое смещение, продвижение (льда, почвы)». Это толкование проиллюстрировано примерами из М. Горького (рассказ «Ледоход») и Л. Леонова (роман «Русский лес»): «Ночью была *подвижка* льда, речная полиция уже со вчерашнего утра не пускает на реку лондадей». (Отметим кавычки, в которые одел Горький слово: видимо, как сигнал его принадлежности языку специалистов.) «Было странно слышать в такую пору глухих, без зарниц, раскаты грозы, похожие на отдаленные *подвижки* почвы». Академический «Словарь русского языка» в четырех томах (далее МАС) указывает на два значения этого слова: «несколько, немного придвинуть или передвинуть» (к сожалению, примеров, подтверждающих такое толкование, нет) и «смещение, небольшое перемещение ледяного или почвенного покрова». Помета «спец», как и в БАС, отсутствует. В последнем 22-м издании «Словаря русского языка» С. И. Ожегова (далее Словарь Ожегова) дано толкование: «слегка двинуться, переместиться» и стоит помета «спец.». Примеры употребления: «*Подвижка* льда. *Подвижка* морского дна».

Итак, согласно словарям, это слово отражает процессы, происходящие в ледяном покрове (ср. *торошение*) или в почве, и относится к специальной лексике, к терминологии специальной отрасли деятельности.

А теперь познакомимся со случаями, когда это слово относится не ко льду и не к почве. «Ведь та политика хороша, которая на второй, ну пусть на третий год дает *подвижку* к лучшему» (Правда. 1989. 18 дек.); «От мальтийской встречи ждут не только *подвижек* в решении проблем, общих для Москвы и Вашингтона, но и гарантий на будущее со стороны СССР и США насчет отсутствия у них намерений решать глобальные и региональные проблемы „за чужой спиной“» (Московские новости. 1989, № 48); «Дальнейшее сокращение, *подвижки* в аппарате, если эта информация справедлива, будут усугублять ситуацию» (Правда. 1990. 7 февр.) и др. Перед нами то, что называется детерминологизацией.

Что же произошло со словом? Будучи термином, оно имело фразеологически связанное значение: рядом с этим словом могли стоять только *лед, почва, дно* и другие слова из этого ряда (например, *грунт*). В общем языке оно разорвало эту связанность, получило как свободу сочетаемости, так и возможность абсолютного употребления. При этом присутствие значения меры («небольшое», «слегка») в семантической структуре факультативно, зачастую это просто «перемещение, движение, изменение».

Если вновь заглянем в словари, чтобы проследить за толкованием слов *подпитка, подпитывать*, то обнаружим их отсутствие в ТСУ, БАС, МАЕ и Словаре Ожегова. Одно из этих слов истолковано в словаре «Новые слова и значения» (М. 1984): «Подпитка. Добавочное, дополнительное питание, заправка, снабжение чем-либо». И примеры употребления: «Закомчена заправка ракеты топливом, идет *подпитка* испаряющегося топлива», «Раньше малые реки были подпружены мельничными и бобровыми плотинами, паводковые воды задерживались, лес имел хорошую корневую *подпитку*».

И вот это существительное и глагол, от которого оно произведено (ср. *подкармливать* – *подкормка*), возникшие и бытовавшие в языке специалистов, появились в общей речи: «И главное – в недопустимости замалчивания негативных тенденций в развитии международных отношений, которые, как показала жизнь, были отнюдь не беспроблемными и *подпитывались* общей атмосферой застоя, групповым и национальным эгоизмом, диктатом центра и местничеством...» (Правда. 1989. 11 июля); «Не пора ли отказаться от финансовой и материальной *подпитки* правительств, которые не имеют широкой народной опоры и не в состоянии содержать себя?» (Огонек. 1989, № 43); «Тяжелое положение в экономике и социальной сфере является дополнительной *подпиткой*... критики» (Аргументы и факты. 1990. № 5) и др.

Если в речи специалистов *подпитывать*, *подпитка* применялись, лишь когда имелось в виду нечто жидкое (вода, жидкое топливо), то теперь можно «подпитывать» чем угодно (атмосферой застоя, положением в экономике, жушлом, людьми) и что угодно (ксенофобию, страсти, правительства, критику). Произошла детерминологизация посредством метафорического переноса. В общем языке *подпитывать* означает «осуществлять дополнительную, добавочную помощь, поддержку чем-либо и кем-либо чему-либо или кому-либо; дополнительно стимулировать чем-либо или кем-либо что-либо или кого-либо». Если верно истолковано это новое значение, то плеонастично сочетание *дополнительная подпитка* в приведенной цитате: сема «дополнительно, добавочно» входит в смысловую структуру *подпитывать*.

Стало очень частотным слово *определиться*. По моим наблюдениям, его популярность началась с трансляции телевидением заседаний I съезда народных депутатов СССР. Но дело не только в необычной для этого слова частотности. Как мне кажется, есть «подвижка» и в его смысловой стороне. Обратимся к показаниям словарей. ТСУ обнаруживает в *определиться* три значения: 1. «Выясниться, проявиться, стать ясным, определенным». 2. «Определить свое местонахождение, положение (спец.)». 3. «Поступить куда-нибудь (устар.)». БАС находит в этом слове (он толкует его в форме несовершенного вида) больше значений: 1. «Стать видным, заметным; вырисовываться». 2. «Выясниться, отчетливо проявляться». 3. «Формироваться, складываться. О человеке, личности, характере». 4. «Обусловливаться, предопределяться чем-либо». 5. «Поступать на какую-либо работу, должность; устраиваться куда-либо на работу». 6. «Определять свое местонахождение, ориентироваться (в 1-м знач.)». *Ориентироваться* (в 1-м знач.) БАС толкует так: «Определять собственное местонахождение в отношении стран света и окружающей местности». МАС: 1. «Принять ясный, отчетливый характер, отчетливо проявиться». 2. «Полностью сформироваться, сложиться». 3. «Спец. Определить свое местонахождение». 4. «Устар. и прост. Поступить, устроиться куда-либо, кем-либо». Словарь Ожегова: 1. «(1 и 2 л. не употр.) Стать ясным, определенным. *Цели определились*». 2. «Определить свое местонахождение, положение (спец.)». 3. «Устроиться, поступить куда-нибудь (устар. и прост.)». 4. «Сложиться, сформироваться (разг.)».

Соотнесем свидетельства словарей с живой сегодняшней речью.

«Кто за то, чтобы принять предложение товарища Дмитриева, а именно: без обсуждения доклада... сразу *определиться*

по вопросам об избрании или неизбрании Президента и учреждении института президентства... Мы *определились* с повесткой дня, но товарищи хотят, не открывая прений, решить главные вопросы... Итак, прошу *определиться*; кто за рассмотрение предложения товарища Дмитриева, рассматривать его или идти по повестке дня?» (М. Горбачев. Стенограмма III Съезда народных депутатов СССР // Известия. 1990. 13 марта); «...нужно четко *определиться* с многопартийностью» (Правда. 1990. 8 февр.); «Формируя платформу ЦК КПСС ... мы должны *определиться* по наиболее принципиальным моментам» (Правда. 1990. 8 февр.) и др.

Здесь *определиться* употребляется в смысле «принять определенное решение, сделать выбор, выяснить для себя, определить, найти свою позицию, свое место в чем-либо, свое отношение к чему-либо или к кому-либо, разобраться с чем-либо или с кем-либо».

Значение этого слова, приводимое как первое словарями, а также то, которое они называют специальным, близко к только что сформулированному, но это разные смыслы. И если слово в первом словарном значении не имеет форм 1 и 2 лица, то *определиться* в новом значении имеет их («Мы *определились* с повесткой дня»). Возможно, новое значение порождено детерминологизацией *определиться* в специальном значении (в итоге метафорического переноса).

Перейдем к наблюдению за словом *всплеск*.

Что показывают словари? ТСУ: «Действие по глаг. *всплескивать* и *всплескиваться*» (*всплескивать* — «плескать, вскидывая воду с шумом вверх»). БАС уже разделяет воду (волну) и шум ее при *всплеске* и, видимо, учитывает существование слов *рукоплескать*, *рукоплещущий*, *рукоплескания*: «1. Подъем плещущей волны; шум плещущей воды... Образно. *Со слободы доносятся всплески смеха, отрывки песен*. М. Горький. В людях. 2. Удар в ладоши». МАС не говорит об ударе в ладоши, но тоже разделяет волну и ее шум: «1. Действие по знач. глаг. *всплескивать* и *всплескиваться*» [от этих глаголов МАС отсылает к глаголу *всплеснуть*, так поясняя его: «плеснуть, взметнуть вверх (воду, жидкость)» — Э. Х.]. 2. Взмстнувшаяся, плеснувшая вверх волна, а также звук, шум плеснувшей волны». В Словаре Ожегова остается от *всплеска* только звук, шум: «Звук, шум плеснувшей воды». Полагаю, что БАС и МАС вполне могли расценить первое значение на два, первое из которых имело бы опорную сему «подъем, движение вверх», а второе — «звук, шум». Одно отражало бы зрительное, визуальное восприятие, другое — слуховое, акустическое.

Рассмотрим некоторые примеры употребления нашего слова в современной речи: «*Всплески* митинговой демократии есть и у нас, но пащупываются и пути консолидации» (Аргументы и факты. 1990. № 7); «И ничего! Никакого *всплеска* негодования и щемящей тоски по сбитню, лаптям, ходикам и гуслиям» (Известия. 1990, 8 марта); «Второй период (с середины 50-х гг. до начала 60-х) был отмечен резким *всплеском* неуставных взаимоотношений во всех родах войск... Третий этап (с середины 60-х до середины 80-х гг.) — это время *всплесков* и спадов проявлений неуставных отношений» (Аргументы и факты. 1989. № 44).

Всплеск во всех этих случаях и в сотнях подобных — это «резкий подъем, резкое усиление, резкое количественное увеличение чего-либо». Поэтому представляется плеонастичным сочетание *резкий всплеск* в последнем примере.

Остается подумать над словами *проработать*, *проработка*, частотность которых в сегодняшней речи заметно возросла не без содействия, по-моему, трансляция заседаний Съездов и сессий народных депутатов.

Вот показания словарей. ТСУ: «**Проработать...** 1. Провести какое-н. определенное время, работая... 2. что. Употребляется неправ. вм. детально изучить, всесторонне ознакомиться с чем-н. (простореч., нов.). Слово «проработать» часто воплощает в себе *верхоглядство, спешку, скольжение по поверхности, непонимание сущности вопроса* // Подвергнуть обследованию, рассмотрению, уточнению (нов.). *П. вопрос. П. план работы.* 3. кого-что. Подвергнуть суровой или недоброжелательной критике (ирон. шутл. пов.)».

Несколько замечаний к процитированному. Во-первых, пример употребления *проработать* не выявляет одного из его смыслов (т. е. не служит подтверждению предлагаемого толкования этого смысла), а лишь отражает отношение составителей словаря к этому, новому для того времени, значению. Во-вторых, вряд ли можно согласиться с пометами «иронически, шутливо», сопровождающими толкование третьего значения. Мрачная фигура проработчика не располагала к иронии и шутке. Кетати, ни один из наших словарей не заметил слова *проработчик*.

По ТСУ, *проработка* — это «действие по глаг. проработать во 2 и 3 знач.».

БАС: «**Прорабатывать...** 1. перех. Основательно изучать что-либо, всесторонне знакомиться с чем-либо. За два года был проработан третий том «Капитала». Н. Островский. Как закалялась сталь. // Разг. Обсуждать.— *Товарищ Парусинов, на одну минуту... как раз я хотел проработать с вами один вопросик.* Ильф и

Петров. Золот. теленок. // Подготавливать к исполнению (роль, сцену и т. п.). Л. Б. Яворская проработала со мною большое количество ролей в пьесах своего репертуара. Горин-Горлийпов. Мой театр. опыт...

2. Перех. В скульптуре, живописи — тщательно отделявать, обрабатывать в деталях. Хорошо проработанные формы составляют вернейший признак хорошего мастерства. Юон. О живописи.

3. Перех. Разг. Подвергать суровой критике.

4. Обычно сов. Неперех. Работать в течение какого-либо времени».

БАС толкует слово *проработка* как «действие по 1–3 знач. глаг. проработать».

МАС приводит три значения: 1. «(несов. нет) Провести какое-л. время, работая где-л.». 2. «перех. Подробно изучить что-л., всесторонне ознакомиться с чем-л.». 3. «перех. Разг. Подвергнуть суровой или недоброжелательной критике».

По МАС, *проработка* — «действие по глаг. проработать — прорабатывать (во 2 и 3 знач.)».

Словарь Ожегова: «1. Провести какое-п. время, работая. 2. что. Изучить, ознакомиться с чем-п., подвергнуть рассмотрению (разг.). П. статью. П. план занятий. 3. кого (что). Подвергнуть критике (разг.)».

Словарь Ожегова соотносит значения существительного *проработка* со 2 и 3 значениями *проработать*.

А сейчас проследим за некоторыми контекстами нынешнего употребления этих слов: «Группа специалистов НПО... в течение двух месяцев *проработала* технические аспекты организации запуска» (Известия. 1989. 26 нояб.); «Не знаю, как получилось, что правительство СССР сочло вопрос сбалансированности плана полностью *проработанным*» (Известия. 1990. 26 янв.); «Не встретил понимания депутатов предложение о повышении розничных цен, многие ... отмечали недостаточную *проработку* механизма социальной защищенности людей от последствий такого повышения» (Веч. Москва. 1990. 5 июня).

Эти и подобные им контексты дают основание считать, что *проработать*, *проработка* начали употребляться как синонимы к *разработать*, *разработка*. А это привело к тому, что в ряде случаев возникает смысловая неясность, неопределенность. Например: «*Прорабатывается* и вариант подключения к операции АП-28, имеющего лыжные шасси» (Правда, 1990. 9 февр.); «Постоянное запаздывание с анализом, *проработкой* перспектив обновления общества и партии лишает нас ясных ориентиров в

идеологической и организаторской работе» (Правда. 1990. 8 февр.).

Что тут значат *прорабатываться*, *проработка*? «Разрабатываться», «разработка»? Или «обсуждаться, изучаться, рассматриваться», «изучение, рассмотрение»?

Что можно сказать о новом в семантике этих старых слов? И как отнестись к этому новому? Смысловая новизна возникла здесь по семантическим законам (метафоризация, расширение значения). В частности, в употреблении этих слов в новых смыслах сыграла, возможно, свою роль языковая (точнее, речевая) мода — явление известное, но неизученное. Вспомним движение в семантике слов *эпицентр*, *однозначно*, *отслеживать*, *слежение* и не будем спешить с нормализаторскими выводами. Пусть поработает время. А тем, кто ныне пользуется словами *проработка*, *прорабатывать*, остается посоветовать помещать эти слова в такое словесное окружение, в такой контекст, чтобы ясен был смысл, в каком их хотят употребить.

Надо ли писать *каратэ?*

Н. А. Еськова,
кандидат филологических наук

«Валентин Петрович спрашивает:

– Хотите чаю? – и, загадочно улыбувшись: – Или, может быть, бурдуне?

Простодушно выбираю бурдуне. Наверное, марка французского вина. И, похоже, редкого. Никогда не слышал такого названия.

На столе появляется кофе. Отлебнув глоток, Валентин Петрович болезненно морщится.

– Разве ж это кофе? Какая-то паршивая бурда. Чистейшее бурдуне. В переводе с хорошего русского на плохой французский».

(Б. Галанов. Давайте мчать болтая... // Огонек. 1988. № 5. С. 23).

Читатели уже догадались, что длинная цитата приведена ради придуманного Валентином Катаевым «для смеха» слова *бурдуне*.

Как вы его произнесете? Думаю, что с твердым [н]: *бурду* [нэ]. Хотя вообще по «правилам чтения» на месте согласных букв перед буквой *е* произносятся мягкие согласные звуки. Произношение твердых согласных в таком положении характеризует определенные слова, и у разных людей круг таких слов различен. Лингвистам хорошо известно, как трудно установить для этого произносительного явления литературную норму. Трудно именно потому, что здесь нет возможности опереться на какую-либо закономерность общего порядка, и решения подчас оказываются чисто «вкусовыми».

Но все-таки одна частная закономерность существует.

Вернемся к слову *бурдуне*. Почему вы произнесли это не существующее в русском языке слово с твердым *н* – как *бурду* [нэ]? Потому, что из контекста совершенно ясно, что это неизменяемое существительное, по своему облику заимствованное, «иностранное».

Вот ряд заимствованных неизменяемых слов, кончающихся на письмо согласными + *e*: *бебэ, граве, атанде, безэ, шимпанэ, экспозэ, мёрзе, буримэ, реномэ, резюмэ, сюзанэ, ногабэне, пралинэ, мулинэ, магинэ, койнэ, портмонэ, чичеронэ, кабернэ, турнэ, пенснэ, кашнэ, кананэ, купэ, кабарэ, карэ, кураре, суарэ, амбрэ, пидре, мизерере, тирэ, кюрэ, пюрэ, фрикасэ, медресэ, шасэ, плиссэ, шоссэ, эссэ, мачёте, варьетэ, моралитэ, андэнте, сотэ, экартэ, фёрте, рутэ, декольтэ, фуэтэ, аутодафэ, кафэ, галифэ, подшофэ* (перечень дан по «Грамматическому словарю русского языка» А. А. Зализняка с сохранением «обратного алфавита», как условно называют расположение по алфавиту конца слова; здесь этот порядок как раз очень к месту, поскольку слова с одинаковыми согласными, предшествующими *e*, оказываются рядом). Возможно, некоторые слова окажутся для кого-то непонятными. Предлагаем читателю самостоятельно выяснить их значение по словарям.

Все эти слова произносятся с твердыми согласными перед *e*: *бе[зэ], тур[нэ], ти[рэ], медре[сэ], варье[тэ]* и т. д. (см. рекоммэндацию «Орфоэпического словаря русского языка»). И можно с уверенностью сказать, что любые новые заимствования с такими конечными сочетаниями будут произноситься с твердыми согласными перед *e*. Подтверждение тому — эксперимент» со словом *бурдуне*.

Можно поэтому сформулировать такое «правило»: «неизменяемые заимствованные слова, кончающиеся на письмо на *бе, ве, де, зе, ме, не, пе, ре, се, те, фе*, произносятся с твердыми согласными: [дэ], [зэ], [нэ], [рэ] и т. д. (На слова с конечными *ге, ке, ле, хе* правило не распространяется; см. такие слова, как *коммунике, тике, реле, филе*, которые произносятся с мягкими согласными перед *e*.)

Есть только одно исключение — слово *кофе*, которое следует произносить с мягким звуком [ф']; это объясняется, скорее всего, влиянием склоняемого варианта *кофий* (или *кофей*), теперь устарелого, но в прошлом веке очень распространенного.

А теперь речь пойдет об орфографическом правиле. Оно сформулировано в п. 3 § 9 раздела III «Буква э» «Правил русской орфографии и пунктуации» 1956 г. Эти правила до сих пор должны сохранять силу «орфографического свода законов»; печать должна следовать этому своду даже в тех случаях, когда то или иное правило представляется не вполне удовлетворительным (как должны соблюдаться в судебной практике даже несовершенные законы, пока не приняты новые, более совершенные). Правило такое: «После согласных пишется *e*, кроме слов *пэр, мэр, сэр,*

а также некоторых собственных имен, например: *Улан-Удэ, Бэкон, Тэн*».

Но практика печати в отношении этого правила оказывается не слишком «законопослушной»: написания с *э* после согласных вопреки правилу (т. е. не в указанных трех словах, а в других) не так уж редки. Самое распространенное отступление — написание *мэтр* в значении «учитель, мастер». Встречаются также написания *бэби, стэк, сэндвич, истэблишмент, мэдисон, хунвэйбин, брэнди, гамэн* и др.

Отступают от правила 1956 г. и словари. Так, «большой» академический словарь дает написание *сэт*, словарь иностранных слов — *скрэб, сямисэн* и др., узаконил несколько отступлений от орфографического свода и орфографический словарь. В 5-е издание (1963 г.) включено слово *пленэр*, в 13-е (1974 г.) — *рэкет* и *каратэ*.

Правило 1956 г., конечно же, должно быть изменено. Следует увеличить количество исключений — написаний с *э* после согласных, а также разрешить писать таким образом новые заимствования, для которых еще не существует правописной нормы, рекомендуемой орфографическим словарем.

В число исключений следует включить *пленэр* и *рэкет*, но... не *каратэ*. Как только что было показано, для неизменяемых заимствованных слов произношение твердых согласных перед конечным *е* является закономерным. И именно поэтому нет смысла писать их с *э*. Написание *каратэ* создает нежелательное отличие письменного облика этого слова от слов *варьете, декольте, фуэте* и др. (в «обратном» словаре оно уже не окажется рядом с ними).

Учет этих соображений привел к решению дать в новом — исправленном и дополненном — издании орфографического словаря (находящемся в печати) написание *карате*.

---

*Беседы о языке рекламы ***Ассоциации в рекламе*

Н. Н. Кохтев,
кандидат филологических наук

Как мы уже говорили, реклама — это искусство. Поэтому и ее создание — дело творческое, сугубо индивидуальное. Но составителю текста всегда необходимо иметь в виду психологию воздействия рекламы на ее получателя (получатель — тот, кто пользуется рекламой: читатель, слушатель). Реклама достигает цели лишь в том случае, если при ее составлении учитываются особенности человеческой психики. Каковы же эти особенности? Остановимся лишь на некоторых. Прежде всего реклама воздействует на сознательную и бессознательную сферу психики человека. Что это за сферы? Если коротко и упрощенно, то ответ можно свести к следующему. Наше сознание — не простой наблюдатель происходящего вокруг, а активно действующее лицо, которое выбирает нужную ему информацию. Сознательное восприятие информации связано с ее переработкой, с ее осознанием в каждый данный момент. Скажем, наше внимание направлено на какой-либо предмет, и мы воспринимаем и оцениваем его сейчас же.

Бессознательное — это совокупность психических явлений, не осознаваемых человеком. Это интеллектуальная деятельность, осуществляющая переработку информации без отражения этого процесса на уровне переживаний человека. Иными словами, вы можете что-либо видеть, неосознанно оценивать это и не проявлять никакой реакции. Однако при необходимости вы вспомните это и оцените. Таким образом, происходит переход информации из бессознательной сферы в поле сознания. Человек как бы раздваивается. С одной стороны, активное восприятие, связанное с сознательным процессом, с другой, — пассивное, на уровне подсознания.

Разберем две ситуации. Первая ситуация. Вам пужеп выходной, вечерний костюм, и вы просматриваете рекламную газету в надежде найти объявление о продаже таких костюмов. Вам

* Начало см.: Русская речь, 1991, № 2.

встречается реклама сковородок улучшенного качества, которую вы пробегаете, как будто машинально, глазами: сковородки вам не требуются. Однако через несколько месяцев вам все-таки понадобилась такая сковорода. И в вашем сознании всплывают фрагменты текста, на который вы не отреагировали раньше. Но чтобы этот текст отложился в памяти, он должен быть написан ярко, с использованием опорных смысловых слов.

Вторая ситуация. Вы все-таки нашли рекламу вечерних костюмов. И здесь может возникнуть такое положение: произойдет как бы расщепление текста на две смысловые части. Одна часть, видимая, влияет на вашу сознательную сферу. Это образ рекламируемого объекта, который формируется словами, вызывающими определенные ассоциации, скажем, описание фасона, цвета, других достоинств костюмов.

Вторая смысловая часть влияет на вашу бессознательную сферу. Это рекламная идея, которая формируется одним, двумя словами, их вы можете даже не заметить. Но они могут быть в этом тексте. Скажем, бессознательная ассоциация с респектабельностью человека, одетого в этот костюм. То есть возникает своеобразный рекламный подтекст.

Итак, яркое слово помогает запомнить содержание текста. Ученые отмечают, что слово оказывает на человека влияние во много раз сильнее, чем какие-либо другие факторы. Особое значение имеет смысловое содержание слова, вызывающее у человека ассоциации. Цель рекламы — повлиять на потребителей, убедить их в правоте сказанного с помощью таких слов, которые способны вызвать нужные мысли и чувства.

От чего зависит эмоциональное воздействие рекламы на читателя? От ряда факторов, которые находятся в тесном взаимодействии. Во-первых, от материальных и духовных потребностей людей. Во-вторых, от содержания, фактической стороны рекламы, ее информативности. В-третьих, от новизны и конкретности рекламной информации. В-четвертых, от действенности выбранных аргументов, их доказательности и логичности. В-пятых, от эмоциональной насыщенности рекламного текста, его живости, оригинальности. В-шестых, от речевой целесообразности, то есть от точного выбора слов и правильной композиции для создания необходимого рекламного образа.

Большую роль в процессах запоминания играют ассоциации. Составитель рекламного текста так подбирает слова и организует рекламу, чтобы она могла вызвать у читателя и слушателя конкретные представления, воздействовать на их воображение, фор-

миру у потребителя рекламы зрительные образы, открывая ему какие-то новые стороны рекламируемого объекта.

В образовании ассоциаций большую роль играют образные, изобразительно-выразительные средства. Это прежде всего тропы. Напомним, что троп — это оборот речи, в котором слово или выражение употреблено в переносном значении. В основе тропа лежит сопоставление двух понятий, которые представляются нам близкими в каком-либо отношении. Мы не будем разбирать здесь использование в рекламе всех тропов, а проанализируем лишь наиболее распространенные.

Усиливают выразительность рекламного образа эпитеты. Они обогащают содержание высказывания, подчеркивают индивидуальный признак объекта. Напомним, что эпитет — это слово, определяющее, характеризующее предмет или действие и подчеркивающее в них какое-либо характерное свойство или качество. Например, песня может быть интересной, но может быть и веселой, беззаботной, задорно-звонкой, грустной, лихой, пламенной, чарующей и т. п.

Определения товаров или услуг должны вызывать конкретные ассоциации. Подумайте сами, какую информацию несут слова «хороший», «вкусный», «замечательный», «необычный», «своеобразный», «интересный». Вы приходите к выводу, что эти слова не несут конкретной информации, не вызывают предметных ассоциаций. Что значит «хороший на вкус»? А вот если мы употребим определения, характеризующие конкретные особенности объекта, то у читателя возникнут уже вполне ощутимые ассоциации. Например: вязущий, горьковатый, соленый, кисло-сладкий, пряный, терпкий (вкус), жасминовый, ландышевый, хвойный, смолистый, сладко-приторный, чесночный, яблоневый (запах).

Довольно часто в рекламе используется сравнение — сопоставление двух явлений, с тем чтобы пояснить одно из них при помощи другого. Оно может выражаться оборотами с разными союзами, творительным падежом, формой сравнительной степени прилагательного или наречия, при помощи слов «подобный», «похожий» и др. Например, в рекламном объявлении В/О «Медэкспорт»: «Лазер, как скальпель». Или реклама дистанционного управления радиосторожа: «И нюх как у собаки, и глаз как у орла. Этими качествами обладает миниатюрный дистанционный радиосторож, который обеспечивает сохранность автотранспорта, гаража, квартиры, дачи.

Установив предлагаемую систему, можете быть спокойны: о любом покушении на Ваше имущество Вы получите сигнал по приемному устройству...»

В рекламных текстах нередко употребляются фразеологизмы, поговорки, крылатые слова, которые привлекают внимание читателей, вызывая у них различные ассоциации. Например, в рекламе ружей В/О «Разноэкспорт» используется такой рекламный лозунг: «Охотники! А есть ли порох в пороховницах?» Мы с вами знаем, что фразеологизм «есть еще порох в пороховницах» значит: кто-либо полон сил, энергии для того, чтобы сделать что-либо, способен совершить что-либо. В приведенном рекламном лозунге произошло наложение двух смыслов: прямого и переносного. Такой прием встречается довольно часто, особенно в публицистике, в заголовках.

Привлекаются для создания рекламного текста мифологические и сказочные образы: «Щедры дары Посейдона» (далее — перечень рыбы и рецепты приготовления блюд из этой рыбы). Как известно, Посейдон в греческой мифологии — бог морей, всех источников и вод. В римской мифологии ему соответствует Нептун.

«Почему молочные реки в кисельных берегах? Этот сказочный образ не случаен. Киселем издавна лакомились — он традиционный и незаменимый десерт на нашем столе. Попробуйте, как нежен, приятен на вкус сливовый или яблочный кисель.

Целый год будет на вашем столе аппетитное блюдо, если вы купите брикеты этого концентрата. Его удобно использовать как в домашней кулинарии, так и в путешествии — плодово-ягодный концентрат прекрасно сохраняется, из него быстро готовится кисель. Убедитесь — это вкусно...»

Ассоциации могут возникать и при использовании логических доводов. Это логический тип рекламы. Он основан на логических доводах, доказательствах, убедительной аргументации. Напомним, что аргумент — это мысль, истинность которой проверена и доказана практикой и которая поэтому может быть приведена в обоснование истинности или ложности другого положения. Один из самых доказательных аргументов — факт, который можно определить как действительно, реально существующее, невымышленное событие, явление, как то, что произошло на самом деле. А доказательство — логическое действие, в процессе которого истинность какой-либо мысли обосновывается с помощью других мыслей. Например: «Чтобы обувь служила дольше, сдавайте ее в ремонт своевременно! Заменить набойку — дело нескольких минут. Но если вовремя не зайти в мастерскую, починить туфли будет намного сложнее. Адреса...»

Пожалуй, наиболее удачный текст рекламы возможен при совмещении логических и эмоционально-образных элементов, которые составляют его единую стилистическую систему.

В ПОИСКАХ ЕДИНСТВА *

III

«А кто там идёт?»

Взгляд на этногенез белорусов

О. Н. Трубачев,
член-корреспондент АН СССР

Вот уже третий год я продолжаю серию «В поисках единства», которая посвящена мною светлому кирилло-мефодиевскому празднику славянской письменности. Кирилло-мефодиевская идея славянского духовного единства помогает и нашим поискам единства языка славян восточных, поискам проявлений языкового и культурного единства всех славян. Нам казалось уместным замолвить слово об исконности древненовгородского диалекта и русского культурного наддиалекта, о преемственном единстве древней, еще языческой, культуры славян и новой их, уже тысячелетней, христианской культуры. Потом встали и другие вопросы, и среди них один — «откуда есть пошел Киев?» — оказался вопросом всех славян и их единства. А время властно подсказывает нам, кажется, совсем новые темы, но их общую природу помогает увидеть память первоучителя славян святого Кирилла. Готовясь к празднествам в столице Белой Руси, я вновь обратился к древним судьбам языка и народа этой земли (должен сказать, что

* Начало см.: Русская речь, 1990, №№ 1, 2, 5, 6.

уже тридцать лет, как я начал работу по сбору материалов для нового «Этимологического словаря славянских языков» и начал я ее тогда, в марте 1961-го года, с реконструкции праславянского словника специально для белорусского языка, потом последовали такие же словники для других славянских языков, но тот первый белорусский мой опыт памятен для меня, и он продолжает возвращаться ко мне в обороте словарных данных) и вот сейчас вновь испытал на себе очарование этого материала. Предмет оказался чрезвычайно интересен, и он много говорит чувству и уму, отрадно укрепляя наше понимание единства. Еще раз — кратко — возвращаясь вспять, нелишним считаю напомнить, что нам ведь полезно представлять себе не только «откуда пошел Киев», но и — куда он пошел. При этом, если на Украине Киев один, а в Белоруссии можно насчитать уже добрый пяток малых Киевов и еще больше их дальше на север, на Верхней Волге, в Псковской и Новгородской земле, то опытный глаз видит, что это и есть магистраль древней русской истории, русского движения — с юга на север, от Киева к Новгороду.

Важно видеть движение и его направление, но часто бывает, что факты известны — все или почти все, — а механизм их нем, а значит, неясна динамика, и взамен нее господствует удобная, устраивающая многих статика воззрений. Или — еще хуже, когда все, кажется, знают все обо всем, и предмет почти до конца исчерпан... Это верный признак, что мы в плену заезженных истин и что пришло время освобождаться от них, чтобы взглянуть свежим взглядом на привычный предмет.

А предмет того стоит, и время пришло, ибо речь — о генезисе языка и этноса, и нам отрадно — и тревожно — сознавать, что сейчас это уже вопросы не только науки, но и пытливого самосознания самих народов. Мы знаем, что сегодня кризис обострения коснулся и этих вопросов и, быть может, в первую очередь — именно их. Но кризис кризисом, а мысль о единстве в ходе поисков крепнет, как мы это кратко уже напомнили, и было бы неверно нынешней остротой дать себя сбить с этих позиций. Поэтому лучше сразу о главном — о том, как шел народ. Этим портретом снявшегося с места и идущего всего народа белорусов, народа, который, по общим представлениям, никогда не покидал одних и тех же мест, мы обязаны поэтическому образу Янки Купалы, чье имя недаром этимологизируется как **И о а н н К р е с т и т е л ь**, или — в нашем случае вернее сказать — **Иоанн Предтеча**. Ибо трудно найти более емкий образ, чем тот, что заложен в этих простых словах, которые знают, конечно, все — в Белоруссии и вне ее:

«А хто там ідзе, а хто там ідзе
У агромністай такой грамадзе?
— Беларусы...»

Поэт-предтеча, таким образом, достаточно давно предварил то, что способна, как мы думаем, разгадать наука наших дней, — не одну статику фактов, но и их динамику, их ход. Эти в простоте души сказанные великие слова помогают нам преодолеть неизбежную уверенность тех, кто знает — думает, что знает — все обо всем.

Ведь, что, казалось бы, добавить к прочному школьному знанию о том, что белорусский народ и язык начинается с XIII—XIV века, что жизнь его протекала в тесном соседстве с Польшей (а по большей части — и в зависимости от нее), бок о бок с балтами, Литвой, и всему перечисленному обязана своим возникновением немалая часть белорусских отличий. Существует, к тому же, тенденция считать основные, так сказать, параметры белорусского языка и этноса «молодыми» и довольно поздними. Если говорить о литературном языке, то моложе него, пожалуй, среди славян один только македонский литературный язык. Курьеза ради упомяну, что наши осторожные обществоведы датируют «формирование белорусской нации» временем после 1861 года! [1, с. 3], а то, что имелося до 1861 года, они называют другим кабинетным словом — «белорусская народность» да и то только с XIII—XIV веков, оставляя нас в недоумении насчет того, чем же был (и был ли вообще?) народ и его язык раньше, хотя при этом порой смешиваются такие, в сущности, разные вещи, как первое письменное упоминание и первое появление, а жизнь политическая прямолинейно накладывается на собственную жизнь языка и этноса. Короче, если говорить о стереотипах, которые нынче принято ломать, то один из них перед нами. Больше того, стереотипность и рутинность воззрений коснулась суждений науки о белорусском языке и этносе куда сильнее, чем о русском или украинском, хотя общая недосказанность и рутинность характеризуют их единство и близость, пожалуй, еще и в этом — негативном — смысле.

В дальнейшем нам предстоит кратко обозреть: (1) проблему соотношения славянского и балтийского в белорусском и (2) реакцию на нее части славистов, (3) проблему соотношения политической истории и собственной истории языка и этноса, (4) белорусский язык в контексте общевосточнославянского языкового развития, (5, 6) белорусский язык и восточный, среднерусский генезис акапья, а также (7) дзеканья и цеканья, (8) средневеликорусские говоры и проблема центра общевосточнославянского

ареала, (9) этот центр – вблизи водораздела Верхнего Дона и Верхней Оки, (10) проблема заселения Белоруссии, (11) дреговичи и их имя, (12) радимичи и их имя, (13) вятичи в Центре России, (14) готы и одно из названий белорусов, (15) терминология корчевания у белорусов и их соседей-славян, (16) кривичи – белорусы и великорусы, (17) откуда заселялась Белоруссия, (18) татищевская «Белая Русь», (19) почему Белая Русь – «белая», (20) почему Великая Русь – «великая», (21) Великая и Малая Русь, (22) Белая Русь и Великая Русь, (23) белый – западный, черный – северный, красный – южный, (24) самая западная Русь, (25) самобытность белорусского славянства.

Остается добавить, что способность видеть чуть дальше других дает возможность смотреть на проблему с вершины рукотворного кургана, имя которому – Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд). Речь при этом идет не только о фактах и не только о лексике, хотя именно ее в собственной практике «перелопачено» особенно много, но и о пространственной истории, и о лингвистической географии, наконец, о методологии науки. Есть мнение, что древние возводили курганы не столько как памятники, но и – как модель мира и способ видеть вдаль. Вид с кургана дает право на обобщение. Итак –

1. Конечно, уже давно и справедливо обращено внимание на особую близость белорусского и великорусского; выдающийся белорусский филолог-славист Е. Ф. Карский специально указывал на то, что «в основу белорусского языка легла западная ветвь среднерусских говоров» [2, с. 193]. Другим несомненным достоянием науки о белорусском языке – достоянием также уже по крайней мере столетним – является констатация, что непосредственными предшественниками белорусских славян в их нынешних местах обитания были другие народы – балты, предки нынешних литовцев, латышей и исчезнувшие балтийские племена [2, с. 199]. Столь же стары и воззрения, согласно которым ассимилированный балтийский субстрат стал основой этнических особенностей белорусов. В своей законченной формулировке этот последний тезис принадлежит уже нашему времени (см. В. В. Седов [6] и критика в его адрес: [1, с. 35; 3, с. 154]). Появились у этого взгляда и другие сторонники, которые с немалым жаром, хотя подчас с меньшей основательностью, стали толковать начало ряда восточнославянских племен как «славянизацию балтов» [4, с. 98]. И несмотря на то, что такие опыты интерпретации, по-видимому, не прекратятся и в будущем, внимательный глаз все же видит, что их продуктивность не прогрессирует, она

пошла на убыль. Определенную дискредитацию серьезных сторон этой линии исследований можно, пожалуй, уже сейчас прогнозировать по отдельным утрированным концепциям. Думаю, что о высоком уровне нынешней славистики по-своему свидетельствует и тот факт, что сегодня нельзя, наверное, без риска подвергнуться дискредитации выносить на суд читательской критики безапелляционно однозначные утверждения вроде того, что «белорусы могут считаться народом смешанного, балто-славянского происхождения» [5, с. 2]. А в 60-е годы это звучало довольно авторитетно, как в только что процитированной тогдашней формулировке из работы польского археолога в Лондоне. Балтийский субстрат и его воздействия приписываются, собственно, всем прабелорусским племенам — полоцко-смоленским кривичам, радимичам, дреговичам [6, с. 118; 7, с. 83: вслед за Седовым]. По мере падения продуктивности, или, как еще иногда говорят, «объяснительной силы», особенно давала себя знать жесткость этой схемы — «всё от балтов», тем более, что конкретное языкознание накапливало материал, говоривший, что как раз далеко не «всё» от балтов. Как и нужно было в таких случаях ожидать, серьезные специалисты заговорили о преувеличениях этих ассимиляционных процессов в истории восточных славян и их языка [8, с. 357]. Словом, так или иначе сказывалось все еще недостаточное наше проникновение в специфику того, «как это было» в действительных отношениях между тогдашними балтийскими племенами и тогдашними нашими предками. Ясно, что и те и другие селились преимущественно по рекам и селились достаточно редко. О характере отношений балтов с восточными славянами косвенно свидетельствует хотя бы археологический материал, обобщенный В. В. Седовым на тему: «Распространение укрепленных поселений восточных славян в VII—IX вв.» [6, с. 244—245, карта 37]. Судя по карте, огромное большинство этих укреплений приходится на Среднеднепровское Левобережье, Сейм, верховья Дона, то есть на степные рубежи, где с очень раннего времени воспринималось военное давление Степи. Для внутренних районов обитания ранних восточных славян и мест предполагаемых балто-славянских контактов укрепление поселений нехарактерно: речь идет о Правобережном Поднепровье, Верхнем Поднепровье и Поочье. Укреплений не было, значит, они не требовались; соседство с балтами носило мирный характер (войны с ятвягами и Литвой — более поздние и локальные конфликты). А соседство есть соседство, оно предполагает общение и знание друг друга, по вместе с тем — отсутствие перехода за известную грань. Литовские языковые и этнические островки на современном белорусско-литовском языко-

вом пограничье (ср. о нем также работу [8-а]) позволяют судить, насколько стабильно даже сейчас подобное мозаическое сосуществование и одновременно — усомниться в том, правомерно ли из факта соседства в пору древнеплеменных отношений прямолинейно заключать, что обязательным следствием являлась ассимиляция одного этноса другим. Реальных вариантов было гораздо больше.

Неслучайно ведь антропология приходит к совершенно иному выводу, а именно — что «дославянский субстрат сыграл значительно меньшую роль в этногенезе белорусов, чем в этногенезе других восточных славян» (В. П. Алексеев у: [1, с. 37]). Вообще неореоценка роли субстрата в формировании восточнославянских языков и народов, особенно же — русского народа, продолжает оставаться популярной. По-прежнему некоторые исследователи уверены, что «...среди носителей русского языка значительную часть составляют люди, имевшие предками носителей финно-угорских языков...» [9, с. 81]. Хотя спрашивается: кто это подсчитал и можно ли относить «значительную часть носителей» на счет заведомо малочисленных ископных жителей, редко населявших эти регионы.

2. Не стоит поэтому удивляться, что ответом явилась встречная тенденция в науке; ее представляет концепция славянской (а не балтийской) принадлежности большинства археологических культур древней Белоруссии железного века, разработанная известным белорусским археологом Л. Д. Поболем (Побаян). Мы не намерены касаться здесь и трудного вопроса, были ли «земли современной Белоруссии одной из главных территорий, на которой формировались славянские племена в разные периоды железного века и в более ранний период» [10, с. 14]. Действительно, квадратные землянки и полужемлянки, встречаемые археологами довольно широко на белорусской территории, — это признанный древнеславянский тип жилья. Но правда и то, что в Верхнем Поднепровье распространены были также совсем другие жилища — наземные столбовые постройки, и эти последние устойчиво характеризуют древнее балтийское население [11, с. 69].

3. Уметь найти действительное взаимодействие между своими ископными и взаимодействующими компонентами чрезвычайно важно для понимания этногенеза. И хотя изучать образование народа невозможно без учета также государственных форм его существования, ясно, что развитие государственности и развитие языка и народа, к каким бы кажущимся совпадениям они ни приходили, идут своими путями. Измерить одно масштабами другого, очевид-

но, нельзя, несмотря на ту кажущуюся удобопонятность, которой почти все соблазняются. Именно политическая история подсказывает здесь обычно якобы простые решения, именно лингвисты совершают при этом довольно крупные ошибки. Так родилась дата «XIV век» — эта хрестоматийная вежа в образовании трех ныне здравствующих восточнославянских языков. Серьезность исследования как раз требует, чтобы неустанно акцентировалась условность этой даты, что равносильно тому, чтобы открыто сказать, что такой даты, строго говоря, не было, да и в принципе она вряд ли возможна в жизни самих языков, если чрезмерно не преувеличивать чисто внешние моменты. Названные выше три языка на народной основе зрели и складывались давно (с другой стороны, справедливо мнение исследователя, что по языковым признакам «грамоты и договоры с белорусской территории вплоть до первой половины XV в. ... правомерно относить к древнерусскому литературному языку» [41-а, с. 31]). В XIV веке совершилось возвышение Великого княжества Литовского и вся Юго-Западная Русь оказалась в его пределах. Но ведь тогда следовало бы ожидать образования единого югозападнорусского языка. Что-то подобное действительно имело место на уровне литовской княжеской канцелярии, но этот продукт все-таки слишком отдаленно связан с народным белорусским и народным украинским языком. При ближайшем рассмотрении и тут делается ясно, что решала не политика, решало собственное развитие самих языков, вещь гораздо труднее уловимая, а в ней-то вся суть. Очень кстати звучит мнение исследователя, что если бы формирование трех восточнославянских языков к XIV веку «определялось политическими границами того времени, то белорусский язык не должен был бы существовать, а должен был бы образовать единство с украинским к востоку от польской границы» [8, с. 375]. Единства в смысле бесследного слияния не произошло, как мы знаем, а есть два, хотя и близких, но четко различных языка с собственной самобытной физиономией: белорусский и украинский. Тут мы подходим к вопросу о внутренних причинах, в которые, надо сказать, не очень верили даже крупнейшие лингвисты. Вот почему при разделении и формировании языков охотнее всего искали внешний импульс; отсюда популярность теории субстрата в таких случаях. Но это опять будет соблазн простых решений, а не само адекватное решение. Уподобившись польско-английскому археологу Сулимирскому, мы объясним тогда белорусский как смесь с балтийским субстратом, а украинский — смесью с фракийским субстратом! [5, с. 17]. Как все просто! Давайте уж тогда и великорусский из меряно-мордовского субстрата объяснять, если кто

настолько не верит в потенции собственного языкового развития. Так кажущаяся простота решения приводит к абсурду.

4. Решение вопросов формирования языка определяется знанием условий формирования ближайше родственных языков и диалектов. Это совсем не так просто, хотя мысль и кажется самоочевидной и даже банальной. Дело в том, что знание механизма, как это нередко бывает, подменяется механическим перечислением фактов. Простое перечисление их неспособно дать объяснение сути интересующих нас явлений. Отсюда — тот замечательный разброд и главное — та безысходность, когда остается объективно неясным, почему плох самый невероятный вариант объяснения и чем, собственно, хорош наиболее привлекательный из них? Знаменитый русский филолог А. А. Шахматов представлял себе образование белорусского языка как объединение части южнорусских говоров с частью восточнорусских говоров. Воззрения Шахматова одними традиционно критикуются (ср. [12, с. 111]), другими охотно поддерживаются, и то и другое, правда, делается часто малоубедительно. Далеко ли мы ушли от ученых первой половины XIX века, которые задавались вопросами: не является ли белорусский великорусским диалектом? а может быть, сам великорусский возник позже белорусского? [1, с. 12, 14]. С высоты сегодняшней науки эти вопросы, поставленные на заре науки, могут оказаться не такими уж наивными и отбрасывать их на эмоциональных основаниях во всяком случае не стоит. Только после разрешения в первую очередь этих органических вопросов станет видно, в какой степени иллюзорны ходячие представления о польском вкладе в белорусский язык, начиная с мнения о том, что ляшские черты заложены еще в основу белорусского языка, как представлял это себе Шахматов, и кончая «попоячиванием», к которому белорусы будто бы пришли к XIX веку [1, с. 12].

5. Замечательной и чрезвычайно гармоничной особенностью белорусского языка является то, что это акающий язык, пользующийся акающим письмом. Русский литературный язык тоже имеет в принципе акающее произношение и в нем тоже гласный [о] не сохраняется без изменения, если на него не падает ударение. Почему же тогда столь близкий русский не пользуется принципом аканья на письме? Все ли дело при этом в традиции и насколько иррациональна эта последняя? Кажется, совсем нетрудно и даже демократично — взять и начать записывать порусски все, «как говорим». Ну, например, тот же перевод из Янки Купалы, выполненный М. Горьким:

А кто там идёт па балотам п лесам
Агромнай такою талпой? —
Беларусь...

Всем понятно, что предложенный эксперимент сознательно бесперспективен, но чем это неприятно мотивируется и достаточно ли для этого мощной культурной традицией и привычкой, — тут споры возможны. Правда, уже на уровне описания ясно, что в белорусском произношении закономерно не только акацье, но и родственное ему «яканье» (и практическое отсутствие редукции безударных гласных, см. [12-а, с. 63]), значит, белорусский — сугубо акающий язык, а в русском литературном произношении яканье отсутствует, к тому же, если писать по-русски, «как говорим», сразу встает вопрос, как передавать безударное *e*, ибо четко произносит его вне ударения только человек, не вполне владеющий культурным произношением, литературной же нормой будет как бы ослабленная, нечеткая артикуляция. Вот здесь и заключена кардинальная разница между, так сказать, образцовым русским и образцовым белорусским. Белорусский — сильно артикулирующий язык, русский — язык с ослабленной артикуляцией (и там и тут речь идет только о безударной артикуляции). Реформы письма, ориентированные на сближение письма с произношением, имеют перспективу только для языков с сильной артикуляцией; языки с ослабленной артикуляцией оправданно придерживаются традиционного (старого) принципа письма как наиболее инвариантного. Таков принцип русского письма и — типологически — таков же, например, принцип английского письма.

6. А теперь несколько слов об исторической характеристике явления, столь явно выделяющего белорусский язык, — о его акацье. Интересно, что, при всей его типичности для белорусского литературного языка и большинства его народных говоров, стоит вопрос о вторичности белорусского акацья в общем контексте распространения акацья на запад с востока, где локализуется предположительная первичная область возникновения акацья, по мысли Шахматова — на (Верхнем) Дону [12, с. 122, 132]. Как и почему возникло акацье? — Неплохо бы знать причины этого любопытного явления. Разумеется, ссылка на «большую простоту» «принципа акацья» сравнительно с «принципом оканья» не может быть признана даже отдаленным объяснением. Акацье распространялось и побеждало (в случаях встречи с оканьем), потому что оно было инновационным процессом, а инновационные процессы всегда говорят о наличии центра, из которого они идут. Некоторая недоговоренность, все еще преобладающая, признаем это, в части, касающейся акацья, связана в немалой

степени с тем, что проблема аканья и его разновидностей, безусловно, сложнейшая в диалектологии и истории восточнославянских языков. Если центр, из которого вообще исходит аканье, был достаточно устойчив и влиятелен (а так оно, видимо, и было, если судить по тому, что именно аканье возобладало в двух из трех восточнославянских языков), то он должен был продолжать посылать новые импульсы в форме новых явлений. То, что это в действительности было так, видно по судьбе диссимильтивного аканья (яканья). На диалектологических картах диссимильтивного аканья [13, с. 301, рис. 2; 14, с. 44, карта] видно, что явление это занимает выразительно центральный ареал между Могилевом на западе и Калугой на востоке, включая на севере Смоленщину и Витебск, а на юге — Брянщину. Внимательный взгляд на эти данные, очевидное наличие ареала и его центра убеждает в том, что мы имеем дело с органическим по природе развитием славянского языкового явления и что нет оснований соглашаться с тем, что будто причина аканья коренится в балтийском субстрате [7, с. 93–95, с литературой; 12-а, с. 46, 86] или — в древнемордовском субстрате [9, с. 89–90]. Сторонники субстратной теории оставили, кажется, без внимания то обстоятельство, что восточнославянское аканье органически связано с восточнославянской же утратой количественного различия гласных, когда на смену древнейшей оппозиции долгих и кратких пришла более новая оппозиция ударных и безударных гласных. Балтийский как источник русского и белорусского аканья бесспорно отпадает, потому что для балтийского как раз характерно наличие количества гласных и политоии, несовместимых с аканьем.

7. В этой связи представляет интерес мнение, что даже такие черты белорусского происхождения, как дзеканье и цеканье, нередко охотно зачисляемые в старые «ляшские» (польские) особенности белорусского языка, в действительности нарастают лишь вторично и тоже, вероятно, идут с востока, из районов с сильным смягчением зубных согласных, на которое могли лишь вторично наложиться собственно польские влияния [12, с. 121, 134]. Тут естественно задаться вопросом: а какой способ происхождения согласных древнее? — дабы видно было, куда, собственно, идет все наше развитие в этом плане. Здесь тоже велись споры между теми, кто постулировал в древности максимальную палатализацию (смягчение) согласных, и теми, которые, наоборот, предполагали в праславянском языке, общем предке всех наших языков, первоначальное отсутствие мягкости согласных. Я думаю, что типологически все-таки безусловно вероятно последнее и что едва ли праславянское состояние характеризовалось

максимальной аккомодацией, тем своеобразным слиянием гласного и согласного начал, которые существуют, например, в великопольских говорах с их дзеканьем и цеканьем [15, с. 37 и сл., и *rassim*]. Дзеканье и цеканье — не начало, а итог длительного развития. Что же касается древнейшего праславянского состояния, то я думаю, что первоначально согласные перед передними гласными не смягчались, произносились твердо, как это имеет и, по видимому, издревле имело место в украинском [8, с. 375]. Украинский с этой древней своей чертой представляет интереснейшую архаичную периферию не только в отношении всего восточнославянского, но и всего вообще славянского языкового ареала, наряду с аналогичной особенностью южнославянских языков и диалектов. Белорусский же, как мы видели, наоборот, залила волна сильного смягчения согласных, вышедшая из некоего эпицентра на востоке от собственно белорусской территории и на север от украинской языковой территории. Кажется, эти факты приближают нас к пониманию центра всего восточнославянского ареала, а через это — и динамики его частей.

Здесь самое время обратиться к понятию средневеликорусских говоров, но об этом — в следующем номере.

Продолжение следует

Литература

1. Бандарчык В. К., Чаквін І. У. Праблемы этнагенезу беларусаў у працах славянскіх вучоных. IX Міжнародны з'езд славістаў. Мінск, 1982.
2. Булахов М. Г. Е. Ф. Карский. Жизнь, научная и общественная деятельность. Под ред. В. И. Борковского. Минск, 1981.
3. Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. Отв. ред. К. В. Чистов. М., 1987.
4. Хабургаев Г. А. Становление русского языка (пособие по исторической грамматике). М., 1980.
5. Sulimirski T. Ancient southern neighbours of the Baltic tribes.— Acta Baltico-Slavica V. Bialystok, 1967.
6. Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982.
7. Півторак Г. П. Формування і діалектна диференціація давньоруської мови (Історико-фонетичний нарис). Київ, 1988.
8. Shevelov G. Y. Между праславянским и русским.— Russian linguistics 6, 1982.
- 8-а. Гринблат М. Я. К вопросу об участии литовцев в этногенезе белорусов.— Вопросы этнической истории народов Прибалтики

- по данным археологии, этнографии и антропологии (=Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции 1). М., 1959, с. 523 и сл.
9. Ткаченко О. Б. Очерки теории языкового субстрата. Киев, 1989.
  10. Побаль Л. В. Проблемы славянского этногенезу (на данных археологических кривид). IX Міжнародны з'езд славістаў. Мінск, 1982.
  11. Третьяков П. Н. По следам древних славянских племен. Под ред. Б. А. Рыбакова, Э. А. Сымоновича. Л., 1982.
  - 11-а. Жураўскі А. І. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Т. I. Мінск, 1967.
  12. Аванесов Р. И. Вопросы образования русского языка в его говорах.— Вестник Московского университета, 1947, № 9.
  - 12-а. Šerech Y. Problems in the formation of Belorussian (=Supplement to Word, Journal of the Linguistic Circle of New York, vol. 9, Monograph No. 2). December 1953.
  13. Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. Часть I. М., 1949.
  14. Русская диалектология. 2-е изд. под ред. Л. Л. Касаткина. М., 1989.
  15. Мартынов В. В. Славянская и индоевропейская аккомодация. Минск, 1968.

ФЛОРИЛЕГИИ

Ю. Л. Воротников,
кандидат филологических наук

После принятия христианства на Руси широкое распространение получили так называемые флорилегии (от лат. *florilegus* — «собирающий цветочный нектар») — переводные сборники изречений, приписываемых древним мудрецам или отцам церкви. Было таких сборников великое множество, среди русских читателей они пользовались огромной популярностью и активно переписывались вплоть до XVIII века.

На славянскую почву флорилегии были принесены из Византии, где этот вид литературных произведений имел давние традиции. Первые сборники изречений возникли в эпоху эллинизма (IV—III в.в. до н. э.) и предназначались в первую очередь для использования в школах — для изучения грамматики, творчества различных авторов и ознакомления с теми или иными философскими системами.

В римскую эпоху эти сборники все более и более превращаются в своего рода справочники для специалистов. Типичным образцом такого имеющего ярко выраженную утилитарную направленность флорилегия была составленная Катонем Старшим для своего сына энциклопедия, содержащая сведения о земледелии, военном деле, праве, нравственности, риторике и даже практической медицине.

Римская эпоха привнесла во флорилегии еще одно новшество, имевшее огромное значение для их последующей литератур-

ной жизни. В сборниках все чаще начинают встречаться так называемые апофегмы — исторические анекдоты из жизни знаменитых мужей прошлого.

К исходу античности завершилось формирование флорилегия по содержанию и форме. Он представлял собой определенным образом (по темам, по именам, по алфавиту) организованное собрание изречений выдающихся поэтов, философов, ораторов и исторических анекдотов, предназначавшееся для изучения в школах, а также служившее справочником для ученого писателя.

Византийские христианские флорилегии по своей форме явились продолжением флорилегиев языческих. Однако по содержанию они, конечно, претерпели существенные изменения, становясь все в большую зависимость от христианской литературы: на первых местах теперь помещались изречения из Священного Писания, отцов и учителей церкви. Изречения же языческих авторов адаптировались к требованиям новой религии, подвергаясь при необходимости некоторым изменениям. Например, вместо языческого *боги* употреблялось христианское *Бог* — и цитата из Менаандра приобретала вполне приемлемый для церковного книжника вид.

Подводя итог очерку истории византийских флорилегиев, М. Н. Сперанский писал: «Являясь по происхождению прямым наследником античного флорилегия, византийский и по форме и по значению продолжает эту роль в позднейшее время, служа школе и способствуя сохранению античной традиции в мировоззрении и литературе византийского христианства, насколько последнее могло воспринять эту традицию» (Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности. М., 1904. С. 67. История флорилегиев в античную и византийскую эпохи излагается с опорой на это фундаментальное исследование).

На русской почве роль переводных сборников была несколько иной. Они не стали учебным пособием в школах, потому что школ типа византийских на Руси не было. Не способствовали они и прививке античного мировоззрения на почве, не затронутой ранее классическим влиянием. По мнению М. Н. Сперанского, «флорилегий с античным прошлым превращался у нас в типичный *четый* сборник в небогатой не строго церковной группе этого сорта поучительной литературы» (Указ. соч. С. 572). Но, тем не менее, значение переводных сборников изречений для истории русской литературы и русской образованности трудно переоценить. Они знакомили древнерусского читателя с именами античных авторов и сюжетами их произведений, углубляли его исторические и естественнонаучные познания и способствовали

тому, что уже с первых своих шагов становление древнерусской культуры осуществлялось на мощном фундаменте богатейшей античной традиции.

Одним из важнейших византийских флорилегиев был огромный по объему и чисто христианский по составу вошедших в него изречений сборник «Священные параллели», приписываемый традицией Иоанну Дамаскину и созданный, очевидно, в Палестине, в лавре святого Саввы не позднее 756 года н. э. Первоначально он состоял из 3 частей, трактовавших соответственно о Боге и божественных вещах, о человеке и человеческих отношениях, о пороках и добродетелях. Позже все три части были переработаны в одну книгу и получили общее название от третьей части «Параллели», в которой пороки и добродетели описывались по принципу антитезы, то есть параллельного противопоставления определенной добродетели соотносительного порока.

«Священные параллели» Иоанна Дамаскина оказали большое влияние на позднейшие византийские флорилегии. В зависимости от них стоит двухтомный сборник Антония Мелиссы (XI–XII в.), так называемая Максимова «Пчела» и ряд других флорилегиев. Популярность «Параллелей» вышла за границы Византии. Известны их армянский и славянский переводы.

Анализируя русский список «Параллелей» XVI века, М. Н. Сперанский высказывал предположение, что на славянский язык они были переведены в Болгарии «не ранее XIII века предположительно, но и не позднее XIV наверное» (Указ. соч. С. 154). Из Болгарии перевод «Параллелей» был перенесен на Русь, однако широкого распространения здесь не получил. Влияние «Параллелей» сказывалось опосредованно, через многочисленные списки популярнейшего на Руси флорилегия — «Пчелы».

На византийской почве списки сборников, получивших общее название «Пчела», тянутся с X по XVII век, что говорит об их огромной популярности у читателей.

Древнейший русский перевод «Пчелы» был сделан в XII–XIII веке с поздней и сокращенной версии сборника Максима Исповедника. Эта редакция состоит из 71 главы и включает цитаты из Священного Писания, Иоанна Богослова, Василия Великого, Иоанна Златоуста и других отцов церкви. Здесь же древнерусский читатель мог познакомиться с высказываниями и анекдотами из жизни Аристотеля, Сократа, Пифагора, Плутарха, Софокла, Александра Македонского, Дария, Креза и других античных философов, писателей, правителей.

«Пчела» на протяжении почти семи веков являлась излюбленным чтением древнерусского книжника и оказала заметное

влияние на оригинальные русские произведения. Заметны следы такого влияния в «Молении» Даниила Заточника. Цитаты из «Пчелы» встречаются в летописях. Обращался к ней в своих произведениях писатель XV в. Вассиан Рыло.

Выборка из «Пчелы», уже переработанная на русской почве, опускающая все леммы (то есть указания на авторов изречений), вошла в «Мерило праведное» — сборник юридического характера XIII в., включающий как русские, так и византийские переводные памятники. Здесь читаются следующие фрагменты «Пчелы»: «Избрано о клеветѣ (л. 21 об.), «О храненъи языка» (л. 23), «Избрано о законѣ» (л. 24), «Избрано о княженъи» (л. 27), «О власти» (л. 29), «О судьяхъ» (л. 30), «Избрано о мьздоиманъи» (л. 31), «О божий промыслъ» (л. 67) (см.: Мерило праведное. По рукописи XIV в. М., 1961).

Флорилегии приходили на Русь не только из Византии или из православных славянских стран. В более позднее время известно их заимствование и с католического Запада (правда, при посредстве молдавских и греческих переводов). Таким западным по происхождению флорилегием являются «Цветы дарований». Этот сборник был написан на итальянском языке в Венеции. Средневековая Венеция представляла собой многонациональный город. Здесь обосновались и греки, и сербы, и армяне. Этим фактом можно, очевидно, объяснить и популярность сборника «Цветы дарований» в греческой, юго-славянской и восточных литературах. Известны новогреческие, румынские, хорватские, армянские издания этого памятника.

На русский язык «Цветы дарований» были переведены, очевидно, в XVI веке в южной России с румынского подлинника. На румынский же язык памятник, скорее всего, был переведен непосредственно с итальянского. Об этом свидетельствует заглавие рукописи XVIII века: «Книга флоресъ дарованиямъ и злобамъ; переведена з влоскаго [итальянского.— Ю. В.] на волоски, албо богданский [румынский.— Ю. В.] черезъ Германа волошина, а потомъ в волошкаго [румынского.— Ю. В.] на словянский черезъ Вениамина иеромонаха Русина».

Первый русский перевод послужил, в свою очередь, источником для полного сербского текста.

В 1733 году в Петербурге с греческого издания 1675 года был сделан еще один перевод памятника, озаглавленный «Книга, именуемая Цветъ добродетелей». Автором перевода в заглавии назван Степан Писарев, государственной иностранной коллегии переводчик. С некоторыми изменениями этот перевод напечатан в

1785 году в типографии Московского университета под названием «Книга цвѣтъ добродѣтелей и терние пороковъ».

В отличие от восточных флорилегиев, «Цветы дарований» содержали множество изречений из западных писателей и знакомили русского читателя с творчеством таких авторов, как Фома Аквинский, Блаженный Августин, Сенека и другие.

Таков краткий, далекий, конечно, от исчерпывающей полноты очерк истории флорилегиев в русской литературе. Понятно, что их функция в русском обществе за период с XII века (перевод на русский язык «Пчелы») до века XVIII (издание «Цветов дарований») претерпела существенные изменения. Однако та, выражаясь современным языком, «экологическая ниша», которую они занимали в структуре древнерусской литературы и — шире — в здании всей древнерусской культуры, в принципе не изменилась. Флорилегии оставались своеобразными этическими энциклопедиями и содержали не только глубокие размышления о смысле человеческого бытия, но и входили в мелочные подробности быта, что известный исследователь древнерусской литературы Ф. И. Буслаев объяснял «свойственной нашей старине наивностью» (Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. I. СПб., 1861. С. 577). Однако только ли в детской наивности наших предков тут дело? Ведь для средневекового человека мировой порядок и бытовой уклад были как бы приравнены друг другу. Для него, как пишет С. С. Аверинцев, «строй бытия от Бога, но уклад быта — тоже от Бога» (Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977. С. 154).

Флорилегии возникли первоначально как собрания цитат из поэтических произведений. В дальнейшем эта традиция была нарушена. На русскую почву они перешли уже как сборники прозаические. Даже высказывания поэтов были переданы прозой. Здесь не место анализировать причины «прозаизации» фрагментов античной поэзии в славянских переводах. Однако надо отметить, что поэтический потенциал флорилегиев не был утрачен. Более того, даже никогда не имевшие поэтической формы изречения, включенные в них, тем не менее с поразительной легкостью и, если можно так выразиться, филологической готовностью ложатся под перо перелагающего их на язык поэзии интерпретатора. И если флорилегии не устарели тематически, то и их поэтические переложения, думается, могут быть небезынтересными для современного читателя, тем более что подобных попыток, как кажется, ранее не предпринималось.

Из «Священных параллелей» Иоанна Дамаскина

О не имущих властелина

Григорий Богослов: Бывает бесчинью
Безвластье причиной.
А от многовластия
Другое несчастье.
О многовластье так скажу:
Оно — дорога к мятежу.

Из «Пчелы»

Сирах говорит, что в пернатых мала
Гудящая в травах цветущих пчела,
А сладости всякой начало дает:
Из сот золотых истекающий мед.
Но слаще пчелиного меда златого
Святого писания мудрое слово.

О мудрости

Дион Римский: Пусть выскажется каждый, кто желает.
Коль мудро скажет — пользу обретешь.
А если будет вздор молоть — ну что ж,
Ущерба в том большого не бывает.

О женах

Менандр: Триада подобных вещей нам дана:
Гнев, бурное море и злая жена.
Варнава: Как в утлом корабле по морю плыть,
Так злой жене секреты говорить.

О чистоте и целомудрии

Василий Великий: Коль целомудрен ты на склоне лет,
Твоей заслуги в этом вовсе нет.
Тот праведника сан не заслужил,
Кто, немощью томим, безгрешно жил.
Чтоб обрести спасение души,
Ты в возрасте цветущем не грешил.

О богатстве и убожестве

Сирах: Не забывай о голоде тогда,
Когда ты сыт и далека беда.

Не забывай о бедности тогда ты,
 Когда кошель твой переполнен злата.
 Знай: от утра до вечера
 Время переменчиво.

О власти и начальстве

Иоани Дамаскин: Лишь тот может истинным стать властелином,
 Кто совесть поставил своим господином.

Демокрит: Что может быть печальней для людей,
 Чем добрыми властвующий злодей?
 И что еще достойно смеха так,
 Как мудрецами правящий дурак!

Из «Мерила праведного»

О хранении языка

Кто даст устам моим замок,
 Чтоб запереть уста я мог,
 И чтоб не вышла никогда
 Из уст душе моей беда?

О клевете

Меч уязвляет наше тело,
 Ум уязвляет злое слово.
 Жестокое и злое дело
 Рождается от слова злого.

Из «Цветов дарований»

О даровании любви

Блаженный Августин: Мир — как стол, убрусцем что покрыт:
 Каждый из сидящих норовит
 На себя убрусец тот стянуть.
 Скорбен в этом мире смертных путь,
 Но дана к спасению дорога:
 К ближнему любовь во имя Бога.

О скупости

Григорий Святой: Всему, что создал Бог-творец,
 Даны начало и конец.
 Но, воле вопреки творца,
 Нет нашей скупости конца.

(перевод Ю. Л. Воротникова)

Литератор-вольнодумец

Иван

Андреевич

Хворостинин

Н. В. Анашкина,
кандидат филологических наук

Иван Хворостинин родился в годы Великого разорения. Новые веяния царствования Бориса Годунова не могли, разумеется, не сказаться на воспитании подростка, учившегося иностранным языкам (польскому, латыни), знакомившегося в кругу своих сверстников с культурой западноевропейских стран. Впрочем, патриархальная домашняя жизнь Хворостининых менялась мало.

Шел 1604 год... Слухами о царевиче Дмитрии, убиенном в годы малолетства Ивана Андреевича, полнились города и веси. Страх

перед гневом Бориса не мог остановить весть, что посланные в Углич убийцы «промахнулись», зарезали другого мальчика, что царевич жив и идет из Литвы с поляками добывать прародительский престол. Побеждаемый верными Борису воеводами, Лжедмитрий после смерти Годунова триумфально вступил в столицу.

Впоследствии, размышляя над причинами Смуты, потрясшей Российское государство, Хворостинин видел в ослеплении москвичей праведный божий гнев: «Яко согрешихом пред ним, и не имуща исправления, и падоша мечем злости нашей, и неправдою нас посече, различными страстьми гибнуще».

Работая над «Словесами дней и царей и святителей московских, яже есть в России» (в 1619—1623 гг.), Хворостинин, один из немногих современников, отдавал себе отчет в том, что Лжедмитрий был вознесен на царство всеобщим недовольством властью. Казалось, князю не на что было жаловаться: семья его к концу царствования Годунова располагала значительными земельными угодьями и крестьянами, была «в чести». Хворостинин имел высокий придворный чин стольника и вполне мог рассчитывать на повышение в окошничие, а при благоприятных условиях — и в бояре. Он принадлежал к золотой московской молодежи, из которой формировалась правящая верхушка. Но твердокаменные идеалы семьи и давящая определенность всего уклада московской жизни вызвали стихийный, поначалу бессознательный протест юноши.

Старший Хворостинин защищал престол от самозванца. Младший стал ближайшим спутником нового царя Дмитрия; он поднялся над толпой его новоявленных царедворцев. Новый царь отрицал традиции. Этот молодой человек с быстрым умом и пылким темпераментом, легко увлекающийся, став царем, перешагивал через самые заветные обычаи московской старины. Созыв действительно представительного земского собора и введение в Думу неродословных людей, равное общение с представителями разных христианских церквей и полемика на заседаниях Думы с боярами, мягкость к политическим противникам и смелые внешнеполитические планы своей необычностью привлекали к Дмитрию придворную молодежь.

Хворостинин с восторгом принимал участие в забавах нового царя, он сделался наперсником Дмитрия в интриге с царевной Ксенией Годуновой, спутником в удалых прогулках царя по женским монастырям и прочих «резвостях». За столь вольное поведение не замедлила воспоследовать кара. Вслед за убийством Лжедмитрия I схвачен был и его кравчий (виночерный) князь Хворостинин. «Как ты был у него близко,— говорили Ивану Анд-

ресвичу обвинители,— и ты впал в ересь, и в вере пошатался, и православную веру хулил, и постов и христианских обычаев не хранил».

На долгие четыре года юноша был заточен в Иосифо-Волоколамский монастырь, знаменитый своей неукротимой борьбой с ересями. Лишь недостаток восначальников, вызванный длительной борьбой с восставшими крестьянами и Лжедмитрием II, вынудил нового царя Василия Шуйского призвать Ивана Андреевича в Москву. Но не успел Хворостинин вступить на службу, как Шуйский был свергнут, а изменники-бояре избрали на русский престол королевича Владислава. Мужественный патриарх Гермоген призвал русский народ к сопротивлению иноземцам.

В своем эссе о Смутном времени Иван Андреевич высоко оценил подвиг Гермогена, пожертвовавшего жизнью, но не предавшего своих убеждений. Князь сам откликнулся на патриотический призыв. Вместе с Мининым и Пожарским Хворостинин участвовал в боях и вступил в освобожденную Москву. Смятение вольнолюбивой мысли не мешало князю верно нести службу. В начале 1613 г. он выехал на воеводство в Мценск — город на юго-западной окраине, где еще продолжались бои. По воле государя и земского собора Хворостинин противостоял польским войскам, не утратившим надежду прорваться на Русь. В 1614 г. в числе «больших воевод» Иван Андреевич возглавлял оборону границы в Новосили. Когда в 1618 г. королевич Владислав, поддержанный гетманом Сагайдачным, вновь двинулся на Москву, Хворостинин во главе гарнизона Переяславля-Рязанского отразил нападение неприятеля. За этот подвиг 13 марта 1619 г. князь был «у стола» царя Михаила Федоровича пожалован собольей шубой и серебряным кубком.

Еще более важной наградой за ратные труды стали годы спокойной жизни в Москве, когда князь пытался построить быт согласно своим убеждениям. Он водил дружбу со свободомыслящим литератором и политическим деятелем князем Семеном Шиховским и, видимо, с другими образованными москвичами. Среди его знакомых было немало иностранцев, прежде всего выходцев из Речи Посполитой.

В своем доме Иван Андреевич завел латинские книги. В его библиотеке были и сочинения южнорусских авторов: ученых из Киевских collegий. Хворостинин имел осторожность держать дома и свои стихи, не выражавшие почтения патриархальным московским нравам и обычаям. Работы западноевропейских художников висели в его доме наравне с греко-русскими иконами. Нет сомнения, что князь был верующим, но он не придавал

большого значения разногласиям в ритуале главных христианских церквей: православной и католической.

Важнейшая мысль о мелочности разноречий в обычаях, разделяющих христианские народы и способствующих кровавой вражде, нашла отражение в «Словесах дней, и царей, и святителей московских», сочинении, которое Хворостинин начал писать, но которое ему не позволено было окончить. Обозревая с патристических позиций страшные события Смутного времени, Хворостинин восставал против несправедливого и бессмысленного кровопролития, которого народы могли бы, по мпению князя, в значительной мере избежать, если бы их отношения не были омрачены религиозным фанатизмом. Отсюда вытекало неоднозначное отношение к проповеднику священной освободительной войны патриарху Гермогену.

Можно поверить князю, что он действительно плакал после освобождения Москвы над гробом глубоко почитаемого им патриарха, замученного иноземцами. Но раз зародившаяся критическая мысль не могла не толкнуть Хворостинина к вопросу об этичности для духовного лица призывать к кровавой войне.

Москвичи, считал Хворостинин, безусловно, имели право защитить свои дома, имущество и жизнь. Но была ли резня неизбежной? Могут ли вообще различия в церковном ритуале служить поводом к беспощадному взаимному истреблению? Позволиительно ли духовному лицу, на основании малой разницы в ритуалах, культивировать в народе неутолимую ненависть? Сочинение Хворостинина не содержит доказательных ответов на эти вопросы, но сама их постановка знаменательна.

Полагаем, что князь ответил бы на них со свойственной ему смелостью суждений, но его спокойные литературные занятия продолжались недолго. Отец царя Михаила Романова взшел на патриарший престол. По отзыву близко знавшего его человека, он «священное писание отчасти разумел, правом был опальчив и мнителен, а владетелем таков был, что и самому царю бояться его!» Церковные процессы над образованными справщиками Государева печатного двора стали первой ласточкой развернутых Филаретом гонений на свободомыслие.

Весной 1622 г. опальный князь Семен Иванович Шаховской уже писал Хворостинину, сетуя на то, что тот не навещает друга в беде (литератор подвергся домашнему аресту под предлогом незаконности его четвертой женитьбы). Но Иван Андреевич и сам не избежал в это время преследований. По воле церковных властей в доме Хворостинина был произведен обыск, изъяты «подозрительные» книги и иконы «латинского письма». На первый

раз князь сумел оправдаться. Молодой царь принял объяснения Ивана Андреевича, что он «образы римское письмо почитал с греческим письмом с образы за один». Прощенному князю был дан «заказ крепкой, чтобы с еретики не зпался и ереси их не перенимал, а латинских у себя образов и книг не держал».

Лишенный своих книг и общения с друзьями, под постоянной угрозой опалы Хворостинин тщетно искал выхода. Он то подумывал отъехать в Литву, то просился у царя на посольский съезд с комиссарами Речи Посполитой, то умолял о разрешении совершить вояж в Италию, то являл московскую жизнь в укориженных виршах, то, исчерпав более разумные средства, пил и «величался перед слугами», подчеркнуто отказывался исполнять обязательные церковные обряды.

Арест Хворостинина не заставил себя ждать. В начале 1623 г. церковный суд вынес ему жестокий приговор. Ивана Андреевича обвинили в ереси. При обыске у него «опять выняты были многие образы латынское письмо и книги латынския ереси многия», а главное — рукописи! Малограмотность не помешала судьям разобратъся, что в стихах Хворостинина имелись «многие на православную христианскую веру непригожие слова и про всяких людей Московского государства многие укорижны и хульные слова...». Разумеется, рукописи, попавшие в лапы доморощенных инквизиторов, не сохранились. Из множества стихов князя в тугие мозги судей врезалась лишь одна афористически звучащая строчка: что-де «московские люди землю сеют рожью, а живут все ложью».

Хворостинин не отрицал, что в его жизни «многое к христианской вере неисправление и к измене патость... объявилась».

Как на тяжчайший грех князя судьи указывали, что в страстную неделю он не соблюдал пост, до света за два часа «съел мясную яству и пил вино преж» Пасхи, «и, ко государю на праздник светлаго воскресенья не поехал, и к заутрени, и к обедни не пошел». По сообщениям осведомителей, князь «в разговорах» упоминал, «что будто на Москве людей нет, все люд глупой», так что и «жити... не с кем».

Зато тот факт, что литератор понимал причины такой обстановки в Москве, прошел мимо сознания судей. Лишь среди мелких грехов, в конце приговора упоминалось, что в «его письме сыскано», будто князь называл царя «не по достоинству: *деспотом Русским*, — а деспота слово греческой речью владыка или владетель, а не царь и самодержец».

За перечисленные провинности, сказано в приговоре, «довелось было тебе учипити наказанье великое, потому что посползнов-

вение твое в вере не впервые и вины ссыскались многие, и по государевой милости за то тебе наказанья не учинено никоторого, а для исправленья твоего в вере послан ты был под начало в Кириллов монастырь».

Но Иван Андреевич вскоре свискал расположение кирилловской братии. В том же 1623 г. монастырские власти без ведома патриарха допустили ссыльного литератора к причастию. Выбрав мягкосердечных монахов, патриарх в ноябре 1623 г. подтвердил это «ослабление», но ошибся, думая, что книжные способности Хворостинина будут пропадать в Кирилловском монастыре втуне. Видимо, по заказу братии князь написал там стихотворное «Изложение на еретики», обличающее католические, а отчасти и протестантские обряды. Источником «Изложения» послужил украинский стихотворный трактат, известный ныне в двух редакциях: «Скарга нищих до Бога» и «Загоровский сборник». По Хворостинину не просто перевел и значительно изменил стихотворную форму трактата. Он значительно расширил его оригинальными текстами, изменяющими сам смысл сочинения.

Если в украинском источнике обличались обычаи иноверцев, то Хворостинин, не преуменьшая недостатков католичества и протестантизма, перенес огонь критики на отрицательные черты церкви и духовенства в целом, без различия христианских учений. С особой горечью писал автор строки, характеризующие положение в русской православной церкви. Хворостинин ополчается на невежество:

Пресвященныя архиепископы,
И вы, начальныя священныя епископы!
Яко вы, церковныя столпы,
Зрением своим пасите неистовые попы,
Явственно учите их доброму лобомудрию,
И да наказани будут благоверию.
Вси верейстни чини науачени,
Тем убо они и уничижени!

Часто «овцы» значительно благочестивее своих «пастырей», погрязших в «злом треволнении», жадности, беззаконии и «злом шептании», присвоивших себе право распоряжаться со всеми инакомыслящими, — писал князь.

Вы, священныя Христовы церкви учителя,
Не будите прежде суда Божия мучители!
Прогоните духи злосмрачныя,
Почтите мужи благородныя,
Не избирайте сребра, ни злата,
Да не пожрут вас греховныя блата,

Да не сожжет вас огонь геенский,
Яко древле град Содомский.

«Правители неразумные», творящие суд и расправу на Руси, «праведный закон по своей воли изображают». Они опираются на самых «злочестивых», готовых поступиться совестью, «лестными и злыми бедами погубляют нас, яко супостаты». Духовная власть давно забыла, что «лучше бы ему биты быти, а не бити», а вместо мудрости уповает на силу. Некоторые строки Хворостинина читаются как приговор разума его гонителям:

Егда бывают смерти наши —
Тогда обретаются корысти ваши,
Даром вы приясте учительскую маду!
Яко бессловесных скотов нас имеют,
Коварствы неправедными укоряют.
Но мнози убо на себя клятвы наложили,
Яко злыми, лукавыми нас обложили.
Злой прибыток себе утверждают,
На нас души злостыми вооружают!

Горько сетует князь на доносы, которые столь любят слушать духовные власти, на предательство, проникшее в дома. Он не признает за своими судьями права судить писателя, старавшегося служить исправлению нравов.

Обличитель бых ереси издавна..
Прострох руку мою на спасение,
На еретическое известное истребление,
И вместо чернил быша мне слезы,
Зане окован бых того ради в железы, —

писал Хворостинин.

Писанием моим многие обличишася,
А на меня, аки на еретика, онолчишася.

Иными словами, автор утверждал, что понимает истинные причины религиозных гонений в Москве как гонений на критическую мысль. Настоящей ересью писатель считал косное, нерассуждающее верование. И в заточении Хворостинин продолжал отстаивать права разума, обличать фанатизм и воинствующее невежество.

Между тем знатная родня в Москве энергично добивалась освобождения Ивана Андреевича. В ноябре 1623 г. в монастырь пришла грамота патриарха. Этот «Учительный свиток», специально предназначенный для «поучения от божественных писаний Ивану Хворостинину», требовал от литератора торжественного отрече-

чения от прежних «сресей». Князь вынужден был подписать свое отречение. Только после этого 11 января 1624 г. княжий холоп Иван Михайлов привез в монастырь грамоту царя Михаила Федоровича об освобождении Ивана Андреевича из заточения. В сопровождении приставов Хворостинин был доставлен в Москву и после доклада властям восстановлен в своем придворном звании.

Но заточение и унижительное для вольнолюбивого поэта отречение пошатнули здоровье князя. Он тяжело заболел и спустя год, предвидя свою кончину, принял постриг под именем Иосифа. Помня доброе отношение к себе кирилловской братии, 9 февраля 1625 г. он сделал вклад в монастырскую казну — 190 рублей, записанных в Кормовой книге. 28 февраля 1625 г. русского литератора-вольнодумца не стало. Он похоронен в Троице-Сергиевой лавре.

По определению крупного знатока русской истории XVII века С. Ф. Платонова, И. А. Хворостинин «был первой ласточкой московской культурной весны, жестоко пострадавшей от холодного дуновения московской косности», он был предвестником петровских перемен задолго до эпохи Петра.

Тольятти

*Христианские традиции: праздники,
обычаи, обряды*

**ВЪЯНЕНИЕ
СИМВОЛА ВЕРЫ,
МОЛИТВ И ЗАПОВЕДЕЙ**

Цари.

*20. Избрание и помазание Саула на царство;
отвержение его Богом и помазание Давида.*

У одного человека из колена Вениаминова, по имени Киса, пропали ослицы. Он послал сына своего Саула отыскать ослиц. Саул взял с собою одного из слуг и долго искал ослиц, но нигде их не нашел. По совету своего слуги он зашел к пророку Самуилу, чтобы спросить его, не скажет ли он им, где ослицы. Самуил сказал, что ослицы сами придут домой, а на Саула, по повелению Божию, возлил священный елей и чрез то помазал его на царство; при этом Дух Святый сошел на Саула. Когда народ собрался для выбора себе царя и стали кидать жребий, кому быть царем, то жребий пал на Саула, сына Кисова. Сначала Саул царствовал хорошо. Но потом он сделался горд и непослушен. Однажды Самуил от имени Божия сказал ему, чтобы он не начинал войны с Филистимлянами до тех пор, пока не придет Самуил и не принесет жертвы Богу. Но он не послушался и, не дождавшись Са-

---

* Начало см.: Русская речь, 1991, № 2.

муила, сам принес жертву. Тогда Самуил объявил ему от имени Божия, что за такое непослушание царский престол отнимется от его рода и отдан будет другому.

Самуил, по повелению Божию, пошел в город Вифлеем и там помазал на царство Давида, сына Иессеева, из колена Иудина. Дух Божий сошел на Давида, а от Саула отступил, и на него напали тоска и уныние от действия злого духа. Саулу советовали развлекать себя музыкой и сказали, что в городе Вифлееме у Иессея есть сын Давид, который хорошо играет на гуслях. Давид был призван во дворец, и, когда он играл на гуслях, тогда Саулу становилось отраднее и лучше, и злой дух отступал от него.

21. Победа Давида над Голиафом.

Однажды у евреев была война с филистимлянами. Из войска филистимского вышел великан, по имени Голиаф, вооруженный с головы до ног, и сказал еврейскому войску: «Зачем нам всем сражаться? Пусть лучше кто-нибудь один из вас выйдет против меня, и если он меня убьет, то филистимляне будут рабами евреев, а если я одолею и убью его, тогда евреи должны быть рабами филистимлян и служить им». Никто не соглашался идти против него, несмотря даже на обещанные царем большие награды. Видя это, Голиаф начал смеяться над трусостью евреев и над их Богом. В это время Давид пришел навестить своих братьев, которые были на войне, и принес им пищу. Услышав слова Голиафа, Давид вызвался сразиться с этим великаном. Саул сказал ему: «Ты еще молод, а он силен и с малолетства привык к войне». Давид отвечал: «Когда я пас овец у своего отца, то случалось, что приходил лев или медведь и уносил овцу; я договял его, вырывал из пасти овцу, а его самого умерщвлял; если Господь прежде спасал меня от льва и медведя, то спасет и теперь от этого филистимлянина и поможет мне победить его». Саул согласился. Давид положил пять гладких камней в свою пастушескую сумку, взял пращу и пошел против Голиафа. Голиаф сказал ему с насмешкою и презрением: «Разве я собака, что ты идешь на меня с камнями и палкой?» Давид отвечал ему: «Ты идешь против меня с мечом, копьем и щитом, а я выхожу на тебя с одной только надеждою на помощь Божию!» И вот, когда Голиаф стал приближаться, Давид поспешил к нему навстречу, вложил камень в пращу и пустил его в великана. Камень попал ему прямо в лоб. Он упал без чувств на землю. Давид подбежал к Голиафу и его же мечом отсек ему голову. Филистимляне, видя

это, обратились в бегство, а евреи погнались за ними и — победили.

Когда Саул и Давид возвращались с победы, еврейские женщины и девичьи с пением выходили к ним навстречу и прославляли их в своих песнях; но при этом они прославляли Давида гораздо более, чем Саула. О Сауле они пели, что он победил *тысячи*, а о Давиде, что он победил *десятки тысяч*. Это Саулу было неприятно; он стал завидовать славе Давидовой и задумал его убить. Давид удалился от Саула в пустыню и скрывался от него до самой его смерти.

22. Воцарение Давида и завоевание Иерусалима; устройство новой скинии и перенесение в нее

ковчега завета.

По смерти Саула царем еврейским сделался Давид и царствовал 40 лет. Бог любил его за кротость и благочестие и был к нему всегда милостив. Он помог Давиду победить многих врагов и завоевать город Иерусалим, который после того сделался его столицей. Здесь Давид построил новую скинию, вместо старой Моисеевой скинии, и перенес в нее ковчег завета с большим торжеством при множестве жертвоприношений и пении священных песней, или псалмов. Кроме того, вместо скинии, он хотел построить великолепный храм Богу; но Бог сказал ему, что этот храм построит не он, а его сын, потому что ему самому пришлось пролить на войнах слишком много человеческой крови. При этом Бог обещал ему, что из его рода произойдет Спаситель мира. — Давид составил и написал много священных песней, или псалмов. Псалмы Давидовы часто читаются, а ивны и поются, в церкви. Священная книга, в которой находятся все эти псалмы, или песни, называется Псалтирю.

23. Соломон, его мудрость, построение и освящение храма иерусалимского.

По смерти Давида сделался царем сын его Соломон. Его царствование было мирным и счастливым. Особенно он прославился мудростью, которой удивлялись все цари и народы. Эту мудрость Соломон испросил себе у Бога молитвою и показал ее в управле-

нии царством и когда ему приходилось производить суд, а также в священных книгах, какие он написал. Вскоре же по воцарении его пришли к нему на суд две женщины. Они жили вместе и только вдвоем. У одной женщины родился сын. На третий день родился сын и у другой. Но ее сын вскоре же умер ночью, и она своего мертвого сына подложила к другой женщине, когда та спала, а ее живого сына взяла себе. Утром начался у них спор о том, чей живой младенец. И вот, чтобы найти правду, они обратились к царю. Царь велел принести меч и сказал: «Рассеките живое дитя надвое и отдайте той и другой по половине!» Обманщица со злобною радостью согласилась на это, а мать слезно просила цари не разрубать младенца, а лучше отдать его живого другой женщине. Тогда царь сказал: «Отдайте живое дитя той, которая не хочет, чтобы умертвили его; она его мать!». И все увидели, какую мудрость дал ему Бог для того, чтобы производить суд.— Соломон прославился также построенным великолепного храма в городе Иерусалиме. Всем нравились величина, красота и богатство этого храма. Когда он был готов и освящен, в него с торжеством перенесли ковчег завета из Давидовой скинии, после чего слава Господня в виде облака осенила и наполнила храм, а на приготовленные жертвы ниспал с неба огонь.— Но, при всей мудрости, Соломон был не всегда осторожен и верен Богу: некоторые из его жен были язычницы; в угодность им он построил капища (то есть языческие, или идольские храмы) и юд старость иногда сам заходил в них. Бог объявил ему, что за это после его смерти царство еврейское разделится на две части, и сыну его, Ровоаму, достанется самая малая часть, а над большею частию воцарится его подданный, Иеровоам. Так потом и случилось.

24. Разделение царства еврейского на два царства: израильское и иудейское (за 980 лет до Рожд. Хр.)

По смерти Соломона только два колена, иудино и вепиаминово, пожелали, чтобы у них был царем сын Соломонов, Ровоам. Остальные же десять колен выбрали себе в цари Иеровоама. Таким образом царство еврейское разделилось на два царства. То царство, где было два колена и где сделался царем Ровоам, стало называться царством *иудейским*. Другое же царство, где было десять колен и где сделался царем Иеровоам, стало называться царством *израильским*.

25. Царство израильское и его падение.

Царю израильскому Иеровоаму не понравилось, что его подданные ходили в царство иудейское для поклонения и приношения жертв истинному Богу в иерусалимском храме. Он думал, что если израильтяне не перестанут ходить туда и при этом общаться с иудеями, то мало-помалу полюбят царя иудейского Ровоама и затем признают своим царем, а его самого лишат не только царства, но и жизни. Поэтому Иеровоам решил вовлечь израильский народ в идолопоклонство, сделал двух золотых тельцов, поставил их на двух концах своего царства и сказал народу: «Не нужно вам ходить в Иерусалим, вот ваши боги, которые вывели вас из земли Египетской, поклоняйтесь им!». Народ послушался и, вместо истинного Бога, начал поклоняться тельцам.

После Иеровоама и другие цари израильского царства были столь же нечестивы. Они сделали нечестивым и весь народ израильский.

За такое нечестие Бог наказал царство израильское, и оно совсем погибло. Ассирийский царь Салманассар разрушил царство израильское и большую часть израильтян отвел в свою страну, а на их место поселил язычников из своего царства, которые после стали называться *самарянами*, по имени Самария, главного города погибшего израильского царства. Самаряне приняли истинную веру, но не вполне, потому что не оставляли и своих языческих обычаев и из пророков почитали только одного Моисея.

26. Царство иудейское и его разрушение.

В царстве иудейском все цари происходили из рода Давида и некоторые из них были очень благочестивы. Из царей, бывших после Соломонова сына Ровоама, особенно прославился своим благочестием Езекия. За это Бог оказал Езекии много милостей. Так, например, во время Езекии ассирийский царь Сеннахирим хотел покорить иудейское царство и уже с большим войском подступил к Иерусалиму. Пророк Исаия от имени Божия объявил Езекии, что Бог спасет его. И действительно, ангел Господень в одну ночь умертвил 185 тысяч ассирийцев, а остальные со стыдом убежали в свою землю. Однажды Езекия сделался очень болен. Пророк Исаия пришел и сказал ему от имени Божия, что он скоро умрет. Езекия со слезами начал просить Господа продлить его жизнь. Господь тотчас же услышал его молитву и чрез того же пророка Исаию объявил ему, что он чрез три дня выздоровит.

веет и проживет еще 15 лет. Таких благочестивых царей, как Езекия, было очень мало в царстве иудейском. Нечестивых царей было гораздо более, и эти нечестивые цари сделали также нечестивым и весь народ иудейский. Чрез пророка Иеремию Бог ясно предсказал, что за свое нечестие народ Иудейский будет побежден и отведен в плен вавилонянами и будет находиться в плену 70 лет. Так и случилось. Царь вавилонский Навуходоносор пришел с большим войском, покорил царство иудейское, разрушил и сжег город Иерусалим вместе с храмом Соломоновым, а народ иудейский отвел в Вавилон (за 585 лет до Рожд. Хр.).

27. Пророки.

После разделения царства еврейского на два царства, израильское и иудейское, Бог особенно часто посылал пророков. Это были такие святые люди, которые, по внушению Духа Святого, возвещали всем волю Божию, учили всех правде и истине, нечестивых людей они старались исправить, а благочестивых укрепляли в вере. Иногда они предсказывали будущее, поэтому и назывались пророками, или предсказателями. Одни из них проповедовали только устно, а другие, кроме того, оставили после себя священные книги, написанные ими по внушению Духа Святого. Из пророков израильских замечательны: Илия, Елисей и Иона, а из пророков иудейских замечательны: Исаия, Иеремия, Михей, Иовиль и Даниил.

Пророк Илия.— Илия жил во время нечестивого израильского царя Ахава. Кроме золотых тельцов, Ахав поклонялся еще Ваалу, под которым разумелось солнце, и принуждал к тому весь народ. Илия предсказал Ахаву, что за нечестие его и всего израильского народа Бог накажет их бездождем и голодом. Так и случилось. Три года с половиною не было ни дождя, ни росы, на полях ничего не родилось,— и настал голод. Илия по воле Божией поселился в пустыне у одного ручья, куда вброды приносили ему хлеб и мясо, а воду он пил из ручья. Чрез год ручей высох, и Бог повелел пророку идти в Саренту Сидонскую к одной вдове и жить у нее.

Илия подошел к городу Сарепте и увидел, что одна женщина собирает дрова. Он попросил у нее воды и хлеба. Но она сказала, что у нее ничего нет печеного, а есть только горсть муки в кадке и немного масла в кувшине, и вот теперь она пойдет и приготовит из этого что-нибудь для себя и для сына своего, а по-

гом сами они должны умереть с голода. Илия сказал ей, чтобы она сначала испекла ему лепешку, а мука и масло у нее не убавятся во все время голода. Она поверила ему и сделала по его желанию. Он поселился в ее доме и жил у нее в продолжение голода. Мука и масло у нее, действительно, не убавлялись. Сын этой вдовы захворал и помер, но по молитве Илии воскрес.

Через три года с половиной от начала засухи Илия пришел к Ахаву и сказал ему и всему израильскому народу, что нужно поклоняться одному только истинному Богу. А чтобы узнать, кто именно есть Бог истинный, принесем жертву: вы своему богу, а я своему, но огня не будем подкладывать, и Кто пошлет с неба огонь на жертву, Тот и есть истинный Бог. Все согласились. Сначала жрецы вааловы устроили жертвенник, положили на него дрова, а на них заколотого тельца, и целый день кричали: «Ваал, Ваал, услыши нас!» Но огня не было. Потом Илия устроил жертвенник, положил на него дрова, а на дрова тельца, и помолился Богу об огне. Огонь сошел с неба и сжег жертву. При виде такого чуда народ прославил истинного Бога. Жрецы же вааловы за свой обман были схвачены, по приказанию Илии, и преданы смерти. Потом Илия помолился Богу о дожде, и Бог послал дождь на землю; земля стала приносить плоды, и голод прекратился.— Иезавель, жена Ахавова, узнав об убийстве жрецов вааловых, хотела за это самого Илию лишить жизни. Но Илия скрылся в пещеру горы Хорива. Там Бог открыл ему, что он скоро будет взят на небо, а вместо себя он должен помазать в пророки Елисея.

Однажды Илия шел вместе с Елисеем. Илия сказал ему: «Пока я с тобою, проси меня, о чем хочешь». Елисей сказал, что он желал бы иметь в себе того духа, который в Илии, вдвое более. Илия отвечал, что Елисей слишком много себе просит, а, впрочем, получит, если увидит, как Илия будет взят от него. Вдруг явилась огненная колесница с огненными конями, и Илия взят был на небо. Елисей увидел это и воскликнул: «Отче, Отче, колесница Израилева и кони его!» К ногам его упала Илиина мантия, то есть верхняя одежда,— как бы в знак получения просимого,— и Елисей взял ее себе.

Чудеса пророка Елисея.— Бог прославил Елисея многими чудесами. По взятии Илии на небо, Елисей подошел к реке Иордану и ударил Илииною мантиею по воде; вода расступилась, и он свободно перешел на другой берег.

Около города Вефиля увидели Елисея дети и начали смеяться над ним. Он сказал им, что за такое непочтение к старшим

они будут наказаны Богом. Вдруг выбежали из леса две медведицы и растерзали до 40 детей.

Однажды пришла к Елисею вдова и сказала, что муж ее умер и остался должен. За долг хотят взять обоих сыновей ее в работники, а заплатить долга нечем, потому что у нее ничего нет, кроме одного только сосуда с маслом. Елисей сказал ей, чтобы она заняла у соседей как можно больше порожних сосудов и разлила бы по ним масло. Она послушалась. Масло из ее сосуда лилось до тех пор, пока не наполнились все сосуды. Так у нее оказалось много масла. Она продала его и получила столько денег, что не только уплатила весь долг, а еще осталось у нее довольно денег и на прожитие со своими детьми.

У одной женщины умер сын и по молитве Елисея опять ожил.

Восначальник царя сирийского, Неемап, покрылся проказою (заразительными гнойными ранами). Никто не мог его вылечить. Он поехал в землю израильскую к пророку Елисею. Елисей велел ему окунуться в реке Иордане семь раз. Неемап сделал это и тотчас выздоровел.

Через год после смерти Елисея положили одного умершего в то место, где был погребен Елисей. Умерший от прикосновения к костям Елисея воскрес.

Иона.— Пророку Иона Бог повелел идти в Ниневию, столицу Ассирийского царства, и там проповедовать о скором разрушении этого города. Но Иона знал милосердие Божие, и ему, может быть, не хотелось предупреждать будущих врагов земли израильской о грозившей им беде. Он сел на корабль и отправился совсем в другую сторону. Вдруг поднялась сильная буря, и кораблю грозила гибель. Все бывшие на нем пришли в большой страх и решили бросить жребий, чтобы узнать, из-за кого постигло их такое несчастье. Жребий пал на Иону. Иона признался в своем грехе и сказал: «Бросьте меня в море, и буря утихнет». Его бросили, и буря тотчас же утихла. По изволению Божию, Иона был поглощен китом. Во чреве кита он был три дня и три ночи, молясь о своем спасении. Господь повелел киту извергнуть Иону на сушу. Иона после того отправился в Ниневию для исполнения воли Божией. Ниневитяне, узнав от него о грозившей им беде, оставили свои злые дела, наложили на себя строгий пост, стали каяться и молиться. И Господь помиловал их. Иона возрощал на такое милосердие Божие. Но Господь вразумил Иону, который в то время жил в шалаше близ Ниневии и страдал от сильного зноя. В одну ночь около этого шалаша выросло большое растение и стало защищать Иону от палящих лучей солнца. Через

день это растение засохло. Иона очень горевал о том. Тогда Господь сказал ему: «Вот ты сожалеешь о растении, которое не ты посадил и не ты вырастил; как же Мне не пожалеть такого большого города, в котором более 120-ти тысяч младенцев, не умеющих отличить правой руки от левой?»

Трехдневное пребывание Ионы во чреве кита служило прообразом трехдневной смерти и воскресения Христова.

Пророки иудейского царства.— Из пророков иудейского царства особенно замечательны: Исаия, Иеремия, Михей, Иоиль и Даниил.

Исаия предсказал, что иудейское царство будет разрушено прагами, иудеи будут отведены в плен, а потом опять возвратятся в свое отечество. Особенно ясно Исаия предсказал о Спасителе, что Он произойдет из рода Давидова, родится от Девы и будет не простой человек, но вместе и Бог; что Он просветит всех людей Своим учением, примет на Себя грехи всего мира, пострадает за них и спасет всех верующих в Него от вечной гибели.

Иеремия с особенною ясностью предсказал, что за свое нечестие народ иудейский будет побежден и отведен в плен вавилонянами и будет находиться в плену 70 лет.

Михей предсказал о рождении Спасителя в городе Вифлееме, а Иоиль о сошествии Святого Духа на людей, то есть на апостолов и всех верующих в Спасителя.

Пророк Даниил, находясь в плену вавилонском, предсказал о Спасителе, что Он явится в мир чрез семьдесят седмин, или семилетий, после возвращения иудеев из плена вавилонского, то есть чрез 490 лет.

28. Воспитание Даниила, Анании, Азарии и Мисаила.

Навуходонсор, царь вавилонский, велел набрать отроков из знатных иудейских семейств, воспитывать их при своем дворце и учить разным наукам. В том числе были Даниил, Анания, Азария и Мисаил. Им назначил царь пищу со своего стола и вино, какое сам пил. Но Даниил и три его товарища боялись оскверниться при этом чем-нибудь, съев запрещенное законом Моисеевым, и просили своего надзирателя давать им в пищу только овощи, а для питья воду. Надзиратель не соглашался, думая, что они похудеют, и за это царь прогневадается на него. Они упросили его сделать пробу в течение десяти дней. Оказалось, что они не

похудели, а сделались даже полнее и здоровее своих товарищей. Тогда надзиратель позволил им есть и пить, что они хотели. За такое воздержание и благочестие Бог наградил их хорошими способностями и успехами в ученье, так что на испытании они оказались лучше всех своих товарищей, а особенно Даниил, которому, сверх того, Бог дал умение объяснять сны. По окончании ученья царь оставил их на службе у себя во дворце, а потом Бог прославил и возвеличил их еще более. Такое возвышение их послужило на пользу пленным иудеям: Даниил, Авания, Азария и Мисаил имели силу и возможность защищать иудеев от притеснений и улучшить их жизнь в плену. Кроме того, чрез них и язычники могли познавать истинного Бога и прославлять Его.

29. Даниил объясняет сон Навуходоносору.

Однажды Навуходоносор видел сон и, когда проснулся, позабыл его. Он созвал всех мудрецов и снотолкователей и велел им напомнить ему этот сон и объяснить его значение. Они не могли угадать, что снилось царю, и сказали ему, что такое дело выше сил человеческих. Царь разгневался на них и приказал всех их казнить. Но Даниил упросил царя дать ему время, и он скажет, какой сон приснился царю и что этот сон означает. Придя домой, Даниил усердно молил Бога открыть ему эту тайну. Бог услышал его молитву и открыл Даниилу сон и его значение. Даниил пришел к царю и сказал ему, что когда он, царь, ложился спать, то все думал о том, что будет на земле после него; потом он заснул и во сне увидел большого истукана, у которого голова была золотая, грудь и руки серебряные, чрево и бедра медные, ноги частью железные, частью глиняные. Потом от горы отвалился камень и ударил истукана по ногам. Истукан рассыпался, а камень так увеличился, что покрыл собою всю землю.— Царь вспомнил, что он видел точно такой сон. Даниил объяснил ему, что голова золотая означает царство вавилонское и что теперь Навуходоносор владеет другими народами; после этого настанет другое царство (мидийско-персидское), а потом третье царство будет владычествовать над всею землею (македонское, или греческое) и, наконец, четвертое (римское). Камень означает Христа-Спасителя. Когда будет четвертый народ владычествовать над другими народами, явится Христос, и царство Его будет по всей земле и нечю.— Навуходоносор прославил Бога истинного, Который открыл Даниилу сон и его значение, сделал Даниила начальником мудрецов, то есть ученых людей, и оставил его при своем дворце

в большом почете, а трех его друзей назначил правителями страны Вавилонской.

30. Анания, Азария и Мисаил

в разожженной печи вавилонской.

Навуходоносор поставил на поле большую золотую статую, собрал парод и всех важнейших лиц своего царства и объявил, чтобы все, как только услышат звук музыкальных орудий, пали на землю и поклонились этой статуе, как Богу, а кто не падет и не поклонится, тот будет брошен в разожженную печь. Анания, Азария и Мисаил не хотели исполнить этого повеления. Они сказали царю, что нужно поклоняться только одному истинному Богу. Навуходоносор разгневался на них, велел разжечь печь всемерно жарче обыкновенного и бросить их туда. Но Бог послал ангела в печь остудить пламень огненный, и они остались невредимы, так что даже одежда и волосы их не были опалены. Видя такое чудо, царь прославил Бога истинного, полюбил еще более этих трех человек и сделал их начальниками над всеми пленными иудеями, бывшими в его царстве.

31. Даниил во рве львином.

Вскоре после смерти Навуходоносора мидяне с персами овладели вавилонским царством. Новый царь, Дарий Мидянин, очень полюбил Даниила и сделал его одним из трех главных начальников в своем царстве, а потом хотел даже одному Даниилу поручить управление своим царством. Многие вельможи завидовали славе Даниила и досадовали, что пленный иудеец занимает такое важное место и может возвыситься еще более. Они искали случая погубить Даниила. Однажды они упросили царя выдать такое повеление, чтобы в течение тридцати дней ни к кому, кроме царя, не обращаться со своими просьбами, а кто не исполнит этого повеления, того бросить в львиный ров. Даниил, как и прежде, не переставал каждый день молиться Богу и просить себе у Него милостей. Враги Данииловы донесли об этом царю, и царь принужден был бросить его в ров ко львам. На другой день царь подходит к львиному рву и, к своему удивлению, находит Даниила целым и невредимым, потому что ангел Господень защитил его от львов, и они не коснулись его. Царь велел вы-

вуть Даниила из рва и бросить туда его обвинителей, которых львы тотчас же растерзали. Дарий прославил Бога Даниилова, а самого Даниила еще более полюбил.

32. Возвращение иудеев из плена вавилонского и построение ими второго храма в Иерусалиме.

По смерти Дария сделался обладателем вавилонского царства Кир, царь персидский. Он дозволил иудеям возвратиться в свое отечество и опять построить в городе Иерусалиме храм Божий. Иудеи с радостию возвратились в свою землю и выстроили на прежнем месте храм. Старцы, помнившие великолепие прежнего храма, стали плакать о том, что этот второй храм беднее и меньше прежнего. Но пророк Аггей утешал их и говорил, что этот храм, хотя беднее и меньше прежнего, но зато будет славнее его, потому что в этот самый храм придет Спаситель мира.

33. Состояние иудеев после плена вавилонского.

Иудеи под властью греков.— По возвращении из плена вавилонского иудеи оставались долгое время под властью персидских царей. Потом персидское царство было разрушено Александром Великим, царем македонским, бывшим также повелителем Греции, Египта и Сирии. Иудеи находились сначала под властью этого царя, обходившегося с ними милостиво, а после его смерти под властью его преемников, сперва египетских, а затем сирийских царей, которые были родом греки.

При египетском царе Птолемеи Филадельфе были переведены священные книги ветхого завета с еврейского на греческий язык, самый употребительный в то время. Это принесло тогда ту пользу, что и язычники могли читать священные книги на знакомом им языке и чрез то мало-помалу познавать истинного Бога.

Мученики за веру и отечество (Маккавеи).— Находясь потом под властью сирийских царей, иудеи претерпели много горя. Антиох Епифан, царь сирийский, заставлял их поклоняться идолам, а тех, которые не слушались, он казнил. Так, например, им были замучены семь братьев Маккавеев, их мать Соломония и учитель их Елсазар. На защиту истинной веры и своего отечества восстал священник Маттафия с пятью своими сыновьями. Из его сыновей

особенною храбростию отличался Иуда, прозванный Маккавеем. С небольшим войском Иуда Маккавей много раз побеждал сирийцев. Но раз его окружило многочисленное войско сирийское (22 тысячи), а у него было только 800 человек. Иуда погиб геройскою смертию, но не согласился бежать от врагов и помрачить своей славы. Брат его Симон совершенно очистил землю иудейскую от сирийцев. В благодарность за это иудеи постановили, что на будущее время до самого пришествия Спасителя старший из рода Симолова должен быть у них первосвященником и правителем народа.

Иудеи под властью римлян.— Пред Рождеством Христовым римляне, завоевав весь свет, овладели также и Палестиною. Они поставили в ней правителем Ирода, родом идумеянина. Ирод носил название царя, но в то же время был в подчинении у римского царя, или кесаря. При этом Ироде родился Спаситель, Иисус Христос. По сметри Ирода правителями Палестины были три его сына. Северною и восточную часть се правили Ирод-Антиппа и Филипп. Правителем же Иудеи и Самарии, а также Идумеи, был Архелай, но — не долго. За свою жестокость он был лишен римлянами власти. Вместо него этими областями стали управлять римские наместники, которые часто сменялись. Пятым из них был Понтий Пилат. При нем был распят Иисус Христос.

34. Исполнение обещания Божия о пришествии в мир Спасителя.

Обещание Божие о пришествии в мир Спасителя исполнилось чрез 5508 лет от сотворения мира. Бог Отец послал едиnorodного Сына Своего на землю для спасения людей. Сын Божий шел с небес, вселился в пренепорочную Деву Марию и, при паитии Святого Духа, воплотился и вочеловчился от Нее, то есть принял тело и душу человеческие, кроме греха, и как человек родился и стал жить на земле, не переставая быть в то же время всездесущим Богом. Воплотившийся Сын Божий, как Богочеловек, называется Иисусом Христом, а пресвятая Дева Мария достойно именуется Богородицею, или Матерью Божией, потому что родившийся от Нее Спаситель Иисус Христос — не человек только, но вместе и Бог, одним словом *Богочеловек*.

Вопр. Кого Бог послал на землю для спасения людей?

Отв. Бог Отец послал на землю для спасения людей Своего единородного Сына, — второе Лицо Пресвятыя Троицы.

Вопр. Почему Сын Божий называется *единородным*?

Отв. Потому что Он есть единственный Сын у Бога Отца, и у Него нет другого такого же Сына, как Он.

Вопр. Как понимать то, что Сын Божий *сшел* с небес, когда Он, как Бог вездесущий, всегда был и есть на небе и на земле?

Отв. Прежде Он был невидим на земле, но когда воплотился и вочеловечился, то явился людям видимым образом, как Богочеловек. В этом смысле и говорится, что Он *сшел с небес*.

Вопр. От кого воплотился и вочеловечился Сын Божий?

Отв. От Духа Святого и Марии Девы.

Вопр. Простой ли человек родился от Нее?

Отв. Родившийся от Нее был в одно и то же время человеком и Богом, одним словом — Богочеловеком, почему и Дева Мария называется Богородицею, или Матерью Божиею.

Вопр. Что значит имя *Иисус*, которое получил родившийся от Нее Богочеловек?

Отв. Оно значит: *Спаситель*.

Вопр. Почему прилично воплотившемуся Сыну Божию имя *Спасителя*?

Отв. Потому что Он пришел на землю *спасти* всех людей от греха, проклятия и смерти.

Вопр. Как Он еще называется?

Отв. Христом.

Вопр. Что значит имя *Христос*?

Отв. *Помáзанник*.

Вопр. Почему Иисус называется Христом, то есть *помазанником*?

Отв. Потому что Бог Отец помазал Его Духом Святым, то есть сообщил Его человеческой природе все дары Святого Духа.

Вопр. Как называется все время после рождения Христа Спасителя?

Отв. Новым Заветом, или, иначе сказать, новым союзом Бога с человеками.

Вопр. В чем состоит Новый Завет?

Отв. В том, что Бог даровал людям Божественного Спасителя, воплотившегося Сына Своего, Господа Иисуса Христа, в Которого мы веруем и должны верить, чтобы получить спасение.

Заимствование имен*

А. В. Суперанская,
доктор филологических наук

Именованье жителей нашей страны на всей ее территории едино: *имя+отчество+фамилия*. Но у многих народов Советского Союза до революции не было ни фамилий, ни отчеств. К их личным именам могли добавляться родовые имена и родо-племенные названия. Чукотский писатель Рыхэу, например, когда он еще не был писателем, а только собирался ехать учиться в Ленинград, имел одно личное имя — Рыхэу. Когда ему стали оформлять документы для поездки, возник вопрос, как же его зовут, ведь Рыхэу — особое именное слово, не полностью соответствующее нашему имени или фамилии. Выручил его школьный учитель, Юрий Сергеевич, который «подарил» ему свое имя и отчество. Так юридический вопрос был улажен.

Имена часто переходят из одного языка в другой. В истории мировой культуры известны массовые заимствования личных имен, связанные с распространением мировых религий. Так, христианство несло с собой на Восток и на Запад значительный массив личных имен, изначально единый. Но, переходя из одного языка в другой, те же самые имена менялись.

Единый у всего человечества «речевой аппарат» в каждом языке «настроен» несколько иначе. Любой, казалось бы, самый простой звук, например [а] или [о], в каждом языке произносится по-своему: в одних — более открыто, в других — более закрыто, продвинуто вперед или отодвинуто назад. Специфично и произношение каждого согласного, распределение звуков в группах гласных или согласных и т. д. Вот почему, усваивая иностранный язык, люди, как правило, привносят в него акцент своего родного.

Совершенно естественно, что этой закономерности не избежали и заимствованные имена. В каждом языке они перестраиваются на свой лад в соответствии с нормами последнего. Но существует и еще одна общая закономерность: каждый язык постепенно меняется. На протяжении одного-двух поколений это незаметно. Но мы говорим сегодня не так, как в эпоху Ломоносова или Державина. А ведь тогда употреблялись те же имена,

* Начало см.: Русская речь, 1991, №№ 1, 2.

что и у нас. И задолго до их времени были те же самые имена.

В каждом языке наблюдаются периоды более или менее незаметного накопления элементов нового качества, после которых наступают резкие изменения и разрыв с устаревшими элементами. Так было в греческом языке около VII в. н. э., когда накопившиеся в среднегреческий или византийский период его развития явления привели к его превращению в новогреческий язык. А древнегреческий и новогреческий — это фактически два разных языка, сохраняющих единство написания, но резко отличающихся друг от друга произношением.

Мы так подробно останавливаемся на этих фактах, потому что они имеют прямое отношение к нашей теме: заимствование имен и изменение их при заимствовании. В частности, именно этими причинами объясняется отличие русских имен от западноевропейских, многие из которых также пришли в Европу из Византии.

Византийские имена заимствовались в Западную Европу через посредство латинского языка. При образовании из него новых языков Европы они подверглись всем звуковым перестройкам, какие происходили в этих языках. Так образовались, например, имена *Теодор*, *Текла*, *Марта*, *Барбара*, *Базиль* (*Базилло*, *Базилиус*), *Веньямин*. В нашей стране имена часто заимствовались из новогреческого, отражая преобразования, которые в нем произошли. Исторически те же имена звучат по-русски: *Феодор* и *Фёдор*, *Фёкла*, *Марфа*, *Барвара*, *Василий*, *Вениамин*. Итальянское имя *Джузеппе* соответствует нашему *Иосиф*. Немецкое *Йозеф* — тоже *Иосиф*. По-французски это имя звучит *Жозеф*, а по-английски — *Джозеф*. Нашему имени *Иван* соответствует французское *Жан*, английское *Джон*, немецкое *Йоханнес* и более краткая форма *Ханс* (или *Ганс*), скандинавское *Юган*, испанское *Хуан*, итальянское *Джованни*. Английское и голландское *Питер*, французское *Пьер*, немецкое *Петер* — не варианты русского имени *Пётр*. Это результат преобразования одного и того же греческого имени *Петрос* в разных языках.

В 20-е — 30-е годы в нашей стране стали модными иностранные имена. У многих было остро развито чувство интернационализма, стремление к единому международному сообществу. И вот появились русские дети с именами *Генрих*, *Эрик*, *Альфред*, *Рудольф*, *Джон* и даже *Джонрид*, *Эмма*, *Элла*, *Элеонора*, *Джемма*, *Эрна*, *Эрика*, *Эльвира*, *Мануэлла*, *Генриетта*, *Мариэтта* и т. д. Обратите внимание на значительное число имен, содержащих э. Этой буквы не было в старых именах, как не было и *ж*, *дж*.

В послереволюционные годы, в особенности в фабрично-заводских коллективах, трудно было назвать ребенка *по-старому*. Детям давались *новые* имена для новой жизни. Обряд крещения был заменен *октябринами*: детей «октябрили»; «октябрились» и взрослые, меняя свои имена на более, как они думали, подходящие эпохе: *Коммунар, Демократ, Идея*.

Но прошли годы, и маленькие *Жаны, Жаки, Жоржи* стали взрослыми. У них появились свои дети, которым необходимо было дать не только имя, но и отчество. Отметим, что отчество — это сугубо русская именная форма. Многие западные имена не приспособлены для того, чтобы от них образовывать отчества. Несколько странно звучат и сочетания *Мария Жоржесна, Пётр Жапович, Анна Жаковна*. Поэтому многим молодым отцам пришлось поменять имя на соответствующее русское.

Имена заимствовались во всех странах и во все времена. Благодаря тому, что имя служит нам своим звучанием, а не значением лежащего в его основе слова, оно легко проникает в любые уголки мира. В послевоенные годы дружба с народами зарубежных стран способствовала тому, что во многих русских семьях детям давались польские, чешские, сербские, болгарские и др. имена. И наоборот, русские имена зазвучали во многих странах мира. Даже в далекой Эфиопии некоторые дети были названы в честь русских врачей, спасших жизнь их матерям.

У нас свобода выбора имен. Поэтому, если вам нравится иностранное имя, вы можете назвать им своего ребенка. Но делайте это со знанием дела, а не механически подражая моде. Если вы посмотрели польский фильм, а там была славная девушка по имени *Малгожата*, то прежде чем так назвать свою дочь, поинтересуйтесь, что это за имя. В русской традиции ему соответствует *Маргарита*, в немецкой — *Грета*. Подумайте, что будет естественнее для ребенка: зваться привычным русским именем или чужоязычным. Герой одного итальянского фильма звался *Андреа*. Его имя хорошо вписывается в систему итальянских имен. Но как оно будет себя чувствовать в системе русских имен и как будет себя чувствовать ребенок с таким именем? Очень звучны итальянские имена *Джоаккино, Джорджи, Джерман, Женнарро, Джулио*, но по-русски это *Иоаким*, или попросту *Аким, Георгий, Герман, Януарий, Юлий*.

Не забудьте, что от имен мальчиков придется со временем образовывать отчества: *Андреаович? Андреевич?* Очевидно, все-таки *Андреевич*. Тогда и имя пишем *Андрей*. Такова наша практика. От перечисленных итальянских имен отчества будут: *Джоаккинович, Джорджиевич, Джерманович, Женнарович, Джулиович*.

Что ж, в порядке самообразования почему бы с этим не познакомиться, но ходить с подобным отчеством всю жизнь едва ли приятно. Чтобы избавить своего внука от такого удовольствия, хорошенько подумайте, как назвать своего сына.

Алёна, Алеся, Алесь, Леся

В последнее время молодые родители, стремясь к воссозданию и поддержанию русской старины и самобытности, все чаще обращаются к именам *Алёна, Алеся (Олеся)* и некоторым другим, созвучным. Ведь от *Алеси* веет лесом, от *Алены* — льном. Сейчас это так кажется. Фактически дело обстоит совсем иначе. Оба эти имени производны от традиционных календарных *Елена* и *Александра, Олесь/Алесь* — от соответствующего мужского *Александр*. Они видоизменились в русских, украинских и белорусских народных говорах, почему их стало трудно сопоставлять с именами исходными.

Как известно, часть русского населения «окает», а другая часть — «акает». В окающих районах говорят хОрОшо, мОлОко. Интересующие нас имена там звучат *Олена* и *Олёна, Олеся, Олесь*. Кстати, от первого из них, *Олена*, произошла фамилия *Оленин* (от *олея* было бы *Оленев*). Некоторую параллель указанным именам составляют народные формы *Арина* и *Орина* от календарного *Ирина*.

В загсах иногда отказывают в регистрации этих имен, утверждая, что их нет. Чтобы убедить сотрудников загсов, что записывать эти и подобные имена можно, в «Справочнике личных имен народов РСФСР» (М., 1979) даны соответствующие пометы: *Алёна* и *Олёна* — рус. нар. вариант имени *Елена*; *Арина* — рус. нар. вариант имени *Ирина*. Относительно имен *Алесь/Олесь* можно добавить, что это белорусские и украинские пародные варианты имени *Александр*, а *Алеся/Олеся* — *Александра*. Существует также усеченный вариант женского имени: *Леся*; ср. псевдоним известной писательницы *Леся Украинка*.

Теперь несколько слов о происхождении имени *Александра*. Это древнегреческое имя, женская форма имени *Александр*. Очень распространенное в настоящее время у русских и потому кажущееся абсолютно современным имя *Александр* существовало задолго до наших дней. Им звался знаменитый греческий полководец *Александр Македонский*. Имя это хорошо вошло в состав русского языка, и ни у кого не возникает сомнения, что это — русское имя. В прошлом мужское имя *Александр* и женское *Александра* имели приблизительно одинаковую распространен-

ность. Сокращенными формами к ним были *Шура*, *Саша*, *Саня* (отсюда фамилия *Санин*). В настоящее время у женщин популярность этого имени сократилась, у мужчин — возросла. Сокращенное *Шура* теперь чаще встречается у женщин, *Саня* и *Саша* — у мужчин. Изредка употребляются также *Алик* и *Аля*.

В греческом языке имя *Александрос* образовано из сложения двух основ: *алексо* — защищать и *андр*, *андрос* — муж, мужчина. Значение имени в целом не равно сумме значений его основ, как и в любых других двуосновных именах. Это просто определенным образом сгруппированные основы слов с «хорошим», «положительным» значением.

Поскольку мы упомянули имена *Елена* и *Ирина*, скажем несколько слов и о них. Оба они происходят из греческого языка, давно заимствованы и русским. Ими не раз звались и царицы, и особы царского дома, и простые женщины-труженицы, ср. у Некрасова: *Орина* — мать солдатская. Няню А. С. Пушкина звали *Арина Родионовна*.

Имя *Елена* происходит от греч. *Гелене* — «солнечная» (геле — «солнечный свет»), ср. с названием греческого солнечного божества *Гелиос* (он же *Аполлон* и *Феб*). К этому же греческому источнику восходят: польское имя *Гелена*, венгерское *Илона*, французское *Элен*. Имя *Ирина* — др. греч. *Ирене*, нов. греч. *Ирини* — первоначально имя богини мирной жизни. Поскольку звучание этого имени с течением времени менялось в самом греческом языке, к разным народам оно попало в разной огласке, ср. рус. *Ирина*, фр. *Ирэн*, англ. *Айрини*, нем. *Ирене*.

Иван да Марья

Имена *Иван* (более торжественная форма — *Иоанн*) и *Марья* (*Мария*) в прежние времена были самыми любимыми и распространенными у русских. Недаром во многих сказках действуют *Иван-царевич*, *Иван-крестьянский сын*, *Ивашка-Белая Рубашка*, и даже *Иванушка-дурачок*. Известны *Марья-Моревна*, *Марья-искусница* и др. Девочка *Маша* — неперемное действующее лицо многих сказок. Даже растение называли *иван-да-марья*.

Читатель, наверное, будет удивлен, узнав, что по своему происхождению оба эти, казалось бы, абсолютно русских имени, — не русские, и даже не греческие (византийские), каковыми являются многие из наших традиционных (календарных) имен, а древнееврейские, связанные с зарождением христианской религии. Они были известны задолго до нашей эры. Имя *Иван* звучало в древней Палестине и Иордании *Иоханан*. На древнееврей-

ском языке это была целая фраза, означавшая «бог милует». Древнейшая церковная история донесла до нас имена *Иоанна Крестителя*, *Иоанна Богослова* и многих других. Как звучало имя *Мария* в те же времена у тех же народов, мы не знаем. Имя это сохранилось в древних письменных источниках, в виде цепочки согласных м-р-и-м и, по-видимому, означало *любимая, желанная*. Оно было «озвучено» только в VII веке н. э. как *Мирьям* (в Библии) и *Мариам*, *Марьям* и *Мария* (в Евангелии). Предполагается, что в древнееврейском это имя звучало *Мариам* (*Марьям*). Но в греческом к тому времени это имя приобрело форму *Мария*, а *Мариам* восприняли как его винительный падеж.

В дальнейшем форма *Мариам* (*Марьям*) у русских получила вид *Марьяма*, *Марьяна* и, с наращением, *Маримьяния*, а *Мария* превратилась в просторечии в *Марья*. Русское имя *Марьяна* смыкается с принятым на западе *Мариана*, также производным от *Мария*.

Характерно, что имена *Иван* и *Мария*, заимствованные из древней Палестины и Иордании во многие европейские языки, с течением времени стали любимыми национальными именами в тех странах, куда они попали, разумеется, претерпев некоторые преобразования в принявших их языках. Так, в немецком языке это *Иоханн(ес)* (сокращенно *Ханс*) и *Мари*; во французском — *Жан* и *Мари*; в итальянском — *Джованни* и *Мария*; в английском — *Джон* и *Мэри*; в шведском — *Юхан* и *Мария*; в датском — *Ене* и *Мария*. Во всех языках эти имена развили множество производных, сокращенных, усеченных и т. д. форм. Так, у русских: *Иван* — *Ваня*, *Ванюша*, *Иваша*, *Иванушка*, *Ивантей*, *Иванис*, *Ива*, *Ян*, *Янко*, *Ивась*, *Ваней*, *Вантей*; у англичан: *Джонни*, *Джек*; у французов: *Жан*, *Жано*; у немцев: *Ханс* (*Ганс*), *Хеннёр* (*Геннер*), *Хензель* (*Гензель*) и т. д.

Имя *Мария* у русских развило формы: *Марья*, *Маня*, *Маша*, *Машутка*, *Мара*, *Маруся*, *Муся*, *Мура*; у греков: *Мариора*; у болгар: *Марица*; у англичан: *Молли*, *Полли*; у немцев: *Марика*, *Марихен*; у французов: *Мариан*, *Марион*, *Манон*, *Мариет*; у итальянцев: *Мариетта*, *Маритта*; у испанцев: *Марита* и т. д.

«Я матаню полюбил...»

В. К. Галахов,
кандидат искусствоведения

Слово *матаня* вошло в круг моих научных интересов более десяти лет тому назад, когда личный музыкальный архив начал пополняться балалаечными и гармошечными наигрышами под названием «матаня», записанными в разных деревнях южнорусской полосы России.

Изучение литературы по данному вопросу показало, что диалектное слово *матаня*, отличающееся своей многозначностью, привлекало внимание и других наблюдателей и знатоков народной речи: А. Анисимову (Частушки Пензенской области. Пенза, 1958), Ф. Л. Скитову (Слово *матаня* в словарном запасе жителей Перми. // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1978).

Первые сведения о «матане», как о народной припевке, появились в саратовской губернской печати в 80-х годах XIX века. Но не все восприняли бесконечный ряд куплетов, распеваемых на несложный мотив, восторженно, так как «матаня», будучи пес-

ней особого рода, не вписывалась в рамки традиционной песенной культуры крестьян.

Люди, воспитанные на протяжной крестьянской песне и плясовых, не смогли сразу по достоинству оценить малую песенную форму и потому писали о «матане» в пренебрежительном тоне, не скупясь на эпитеты, вроде «безобразная матаня», «пресловутая матаня», «пошлая», «безнравственная матаня». Она сделалась даже «синонимом самого грязного цинизма» (Н. Ар-ф-в. Новые народные песни. Деревенские думы и дела // Русская мысль о музыкальном фольклоре. М. 1979).

Сказанное свидетельствует о том, что в печать «матаня» входила как припевка, которую даже и за песню-то не считали.

Совершенно другое значение «матане» придавал фольклорист В. Арефьев, впервые обративший на нее внимание, как на новое явление в песенном народном творчестве (Н. Ар-ф-в, указ. соч.). Свое положительное отношение к «матане», как к новой песне, автор высказал в специальной статье, которую назвал «Новые народные песни. Деревенские думы и дела» (Саратовский дневник. 1893, 30 и 31 декабря, № 285, 286).

Сам термин *матаня* до 80-х годов XIX века вряд ли был известен широкому кругу людей, поскольку он не вошел ни в один из академических и толковых словарей дореволюционного времени. Не описано слово *матаня* и В. И. Далем, который до последних дней своей жизни пополнял Толковый словарь новыми словами. Выходит, что В. И. Далю *матаня* не встречалось во время поездок по России, не услышал он это слово и от других людей, окружавших его.

Полное отсутствие *матаня* в словарях XVIII–XIX веков дает право говорить либо об отсутствии его в начале XIX века в разговорной речи, либо об очень ограниченном его употреблении. Не встретили мы *матаня* и в словарях подобного типа, изданных уже в советское время. Оно полно описано лишь в «Словаре русских народных говоров» (Вып. 18, 1982).

Поэтому указание Ф. Л. Скитовой, со ссылкой на статью Н. Ольгина «В порядке вещей» (Саратовский дневник, 1889, № 5), которой не оказалось в указанном источнике, «на широкое распространение в конце XVIII века саратовской матани и проникновение в печать ее диалектного названия» (Скитова Ф. Л. Слово *матаня* в словарном запасе жителей Перми) выглядит неубедительно, тем более, что далее по тексту Ф. Л. Скитова приводит мысль Н. Ольгина, указывающего на появление «матани» в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого столетия. Видимо, произошла досадная опечатка: вместо XIX века напечатано XVIII века.

Слова *матаня* в XVIII веке, надо полагать, еще не было. Оно появилось гораздо позже, когда стала формироваться малая песенная форма. А происходило это во второй половине XIX века. Потому и *матаня*, представляющая собой одну из ее разновидностей, не могла появиться раньше 50-х годов XIX века.

Мы отдаем себе отчет, что в начале XIX века если и было слово *матаня*, то оно не использовалось в значении «припевка, песня». Это произошло в 70–80-е годы XIX века, когда началась активная «жанровая кристаллизация частушки» (Горелов Ал. Русская частушка в записях советского времени. // Частушки в записях советского времени. М.—Л., 1965). Именно в эти годы, по мнению исследователей частушки, хлынул массовый поток коротеньких припевок, называемых в разных областях по-своему: *трясогузками*, *вертушками*, *прищелчками*, *туртышками*, *повертышками*, *частушками*. Позднее все это многообразие названий малых песенных форм было объединено под одним емким словом *частушка*, и все припевки вошли в один частушечный жанр. Но внутри его формировались свои разновидности, которые приобретали устойчивые формы стиха и напева, получая уже свои конкретные названия: *матаня*, *страдания*, *семеновна*, *подгорная*, *ба-рабушка*, *шахтерка* и т. д.

Фольклористы и исследователи «матани» считают, что «наименование *матаня* пришло из русских диалектов» (Скитова Ф., указ. соч.) и что *матаня* как новая народная песня «расцветала и украшалась... в приволжских городах и селах, а оттуда (главным образом через Самару, которая была местом встречи отходников) распространялась по всей России» (Анисимова А. О частушках // Частушки Пензенской области. Пенза. 1958).

А. Анисимова во вступительной статье «О частушке» к сборнику «Частушки Пензенской области» приводит ряд значений слова *матаня*, не указанных В. Арефьевым.

С выходом в свет «Словари русских народных говоров» (Вып. 18, 1982; далее — СРНГ) все значения слова *матаня*, приведенные Арефьевым, Анисимовой и Скитовой, отражены в издании. По диалектным данным, указанным в словаре, прослеживается история появления слова в русских народных говорах, а датировка способствует установлению более точных хронологических границ его бытования.

Встречаем в словаре народных говоров и те значения *матаня*, которые не отмечены Арефьевым, Анисимовой и Скитовой. В частности, *матаня* в Ивановской, Шуйской, Пензенской областях используется в разговорной речи в значении «женская кукла наподобие ваньки-встаньки, только изображающая женщину».

Там же мы находим, что в Орловской области *матаней* считают сельский танец молодежи, вечернее гулянье, вечеринку. В Бурятии *матаней* даже называют пригородный поезд, а в Воронежской области — длинную женскую кофту.

Приводимые в «Словаре русских народных говоров» значения *матаня* обнаружены в 36 областях. Они свидетельствуют о широком употреблении этого слова в разговорной речи. *Матаня* встречается в диалектах с запада на восток от Брянщины до Сибири, а с севера на юг от Архангельской области до Белгородской (включительно).

Наиболее распространенное значение слова *матаня* в средне-русской полосе — «пляска с одноименным названием». Если спросить любого сельского жителя да и городского тоже: «Что такое матаня?» То каждый, не задумываясь, ответит: «Матаня это пляска», а уж потом, возможно, приведет другие значения слова. Жители села Боршово Воронежской области строго относят «матаню» к пляске. Так, если выражение: «Давай пострадаем!» означает игру и пение под балалайку, гармонь или просто пение без инструментального сопровождения, то фраза: «Айда поматаемся!» (попляшем, покачаемся, покружимся) служит своеобразным приглашением к пляске с пением частушек. По словам местных жителей, ни один из них не скажет: «Споем матаню», а обронит: «Спляшем матаню». О принадлежности «матаниц» к пляске поется в частушках:

Веселый гармонист
Выйди на поляночку.
Ты сыграй, а я спляшу
Веселую матаечку.

«Матаню» обычно пляшут группы-четверки, и обязательно с пением частушек. Запевает самая смелая, а остальные ходят по кругу в припляске. Закончив петь, все останавливаются, поворачиваются в центр круга лицом, хлопают в ладони под музыку, отбивают ногами дробь, поворачиваются затем в затылок и снова с припляской движутся по кругу. Следующая по очереди солистка начинает петь, за ней третья, четвертая и так до тех пор, пока хватит частушек. На смену первой четверки выходят другие плясуны, и матаня начинается снова.

Порой матаню пляшут не четыре человека, а все желающие, образуя большой круг, «карагод», и каждый по очереди поет частушку.

Матаня распространилась в деревнях Орловщины, судя по воспоминаниям сторожилов, в конце 20-х годов XX века. Плясали

се и после Великой Отечественной войны. Поэт-орловец Дмитрий Блынский писал:

Пойдем в мой край,
Где первоцветы вешние
Весною по-особому цветут.
Тут сказки ты узнаешь
Только здешние,
«Матаню» нашу
Встретишь только тут.

Орловщина — родина «Камаринской», «Барыни» и других плясовых, в том числе «Матани».

Но всегда ли термин *матаня* в значении «пляска, круговая пляска» занимал в разговорной речи верхнее положение по отношению к другим значениям и определениям, приведенным в дополнении? Уверенности в этом нет. Изучение этимологии *матаня* показало, что первоначально под данным словом, в частности на Орловщине, подразумевался «пяточок» (место), где по вечерам собиралась сельская молодежь и веселилась: пела песни и частушки, плясала свои деревенские пляски и танцы, играла в «поддавки», делилась новостями. Собираясь на «пяточок», девушки деревни Хомуты приглашали подруг такими словами: «Пойдем на матаню». А местные парни шли по деревне на матаню с гармонью, балалайкой, приглашая девчат несней:

Что, девчата, приуныли? —
Аль кого хороните?
Приглашаем на матаню: —
Что вы не выходите?

Дополнительные диалектные данные о *матане* свидетельствуют о широких границах значений, подчас самых противоречивых, с которыми употребляется этот термин в разговорной речи. Здесь усматриваются контуры пяточка-матани, само веселье, его участники, пляска и отдельные черты внешнего вида человека. Множество значений слова нашло отражение в частушках. В одной матаню *поют*:

Я матаню буду петь,
А душа будет болеть.

В другой *играют*:

Кто матапечку не любит?
Я матанечку люблю.
Когда буду помирать,
Всю матанечку играть.

В третьей обозначают место веселья:

Знаю я, что милый любит
На матанечке гулять.

В четвертой матаня — любимая девушка:

Я матаню полюбил —
Думал это в пучочку.
Теперь сохнет мое сердце
Каждую минуточку.

В пятой — парень:

Не натягивай, матаня,
На глаза ты козырек.
Ты и так своей красою
Меня — девушку завлек.

У матани у мово
Чуб кудрявый до брово.

«Матаня» представляет собой особый музыкально-поэтический тип частушки со своим устойчивым напевом. В основе напева лежат частушечные интонации разных деревень и сел, преломленные в собственные мелодии с одноименным названием. Являясь одной из разновидностей частушки, «матаня» несет в себе все основные ее черты. В «матане» слова и музыка соединяются и разъединяются свободно в пределах общих требований частушечного жанра. Относительная закрепленность текста за мелодией «матани», свободное ритмическое и мелодическое изменение напева — все это роднит «матаню» с частушкой.

Сам факт бытования в разговорной речи слова *матаня* с разными, порою с самыми противоречивыми диалектными значениями, прочно укоренившимися в народных говорах, наталкивает на мысль, что слово *матаня* могло возникнуть в разных местах страны, а не в отдельно взятом регионе. Иначе как можно объяснить тот факт, что одно и то же существительное *матаня* в деревнях и селах используется со своим местным значением.

Отсюда и этимология каждого диалектного слова *матаня* будет различна, и искать происхождение каждого такого слова надо в каждом местном диалекте. Если идти в этимологии от названия места, то бытующие в говорах формы *матаня* и *мотаня* близки по смыслу к *матачка* и *мотачка*, указывающими на округленный и затертый предмет (Даль. Толковый словарь), а в переносном смысле и применительно к нашему предмету исследования означает выбитое по кругу в пляске и танце чистое место.

Круглая форма, запечатленная в названии места веселья — *матаня*, перешла и на одну из характерных местных плясок. В матане-пляске стали преобладать коленца, которые имитировали наматывание, навивание, навертывание, то есть всякие круговые движения. А где их не было, то исполнители старались *умбрить*, *умотать* в бесконечной пляске. И здесь *ма(о)таня* обличается с *мотать*, *мотаться* в значении «вертеться, двигаться, прыгать по кругу, болтаться без дела, ходить (шататься) туда-сюда» и *матать*, *мататься* в значении «играть» (СРНГ).

Со временем название, закрепленное за местом плясок и самой пляски, перешло уже и на участников. Всех членов общего веселья и тех кто шел на него стали называть *матанями*. Поздно вернувшегося с гулянья сына родители встречали с упреком: «Вернулся, матаня» и призывали: «Хватит матаниться», то есть попусту проводить время в плясках и ухаживаниях за девушками.

Кроме этих значений, в слове *матаня* отразились и различные оттенки, связанные с понятием о веселом, шутовском характере пляски.

Жители села Боршово Воронежской области усматривают происхождение слова *матаня* от женского имени *Матрена*, в *мотане* видят основу от *Моти*.

Матаня в значении «парень, девушка, подруга» берет свое начало от сокращенного слова *мата*, что в диалектной речи Воронежской и Смоленской областей обозначает «друг, приятель; подруга, приятельница». Особенно часто это выражение употребляется при обращении среди женщин. Эти значения слова *матаня* были зафиксированы в названных областях уже в 1849 году, то есть за сто лет до выхода в свет Мокшанско-русского словаря.

Матаня — живое слово в южнорусских народных говорах. Свое происхождение оно, видимо, берет от разных слов, каждое из которых привносит в него свое значение.

«ГОРЬКАЯ ОСИНА...»

С. Ю. Дубровина

В русской народной устной традиции сложились свои особые представления о мифологической функции деревьев. Большое место в этих представлениях отводится осине, которую соотносят, как правило, с бедой и горькой судьбой. В русских песнях осину наделяют постоянным эпитетом *горькая*:

Во поле, во поле,
В широком раздолье
Стоял тут садочек,
Стояло тут три древа,
Три древа, три красны:

Уж первое древо — груша зеленая,
Другое древо — горькая осина,
А третье-то древо — березонька бела.
На груше-то на зеленой соловушек свищет,
На горькой осине кукушка кукует,
Под белой березой молодец горюет...

Как по ельничку, по березничку,
По часту горьку осиньничку
Ходил, гулял добрый молодец,
Добрый молодец и Петро князь...

Киреевский П. В. Собрание народных песен

В самом деле, осиновые сок и кора имеют неприятный, горький вкус. Но в фольклорном песенном тексте упоминание об осине одновременно является своеобразным поэтическим приемом: *горькая* → *горе*. Он становится возможным благодаря особому восприятию, называемому народным языковым сознанием, «в котором всякое внешнее сходство предполагает, подразумевает, сигнализирует внутреннюю связь и символическое тождество, — сходство звучания свидетельствует об определенном тождестве смысла, а само соположение сходно звучащих слов в тексте актуализирует их символическую связь и возможность магического взаимодействия» (Н. И. Толстой, С. М. Толстая. Народная этимология и структура славянского ритуального текста. — Международный съезд славистов, X. Доклады советской делегации. 1988).

По характеру своего значения в обрядовых и необрядовых песнях осина близко примыкает к сосне и ели, несущим тягостную, грустную семантическую нагрузку.

Чаще всего образ осины встречается в песнях, содержанием которых служит несчастная жизнь бедной девушки или замужней женщины:

Какова горькая осина?
Таково жите со старым.

Недаром на Руси существовала такая поговорка о безысходности бытия: *одна ягода, горькая рябина; одно дерево, горькая осина!*

Осина часто упоминается в прозе И. С. Тургенева. Включение этого образа в канву литературного повествования ассоциируется обычно с отрицательными понятиями. В 21 главе романа «Отцы и дети» дана сцена разговора Евгения Базарова с Аркадием, во время которого главный герой признается другу, как близка была ему в детстве одинокая осина, растущая вблизи поместья, и как верил он в то, что дерево обладало особенным свойством, спасающим его от скуки. Далее разговор заходит о том, как счастливы занятые простыми делами родители Базарова и сколь трудно найти себя ему самому. Грустное одиночество, неприкаянность, отчуждение от принятых норм морали и поведения символизируют в данном случае это пристрастное отношение героя романа к родственному его душе дереву.

В другом известном со школьной скамьи произведении И. С. Тургенева «Записки охотника» («Хорь и Калиныч») крестьянские избы, сложенные из осины, называются *дрянными*. Эту характеристику писатель использует для сравнения орловских и калужских мужиков в пользу последних, живущих в «просторных сосновых избах».

Негативное значение приобретает выражение *язык родных осин* в книге Н. С. и М. Г. Ашукиных «Крылатые слова», употребляемое «иронически по поводу топорных переводов с иностранных языков на русский».

Между тем осина совсем не так плоха в поделках и строительстве. Так, автор Ботанического словаря 1913 года Н. Л. Скалозубов замечал, что в Тобольской губернии применение осины в качестве древесного сырья было самым разнообразным: из осины делали бочки и боченки для патоки и сельди, из коры ее гнали деготь. И жилые дома строили часто из осины, причем, как замечает автор, «она очень прочна, ее не рвет, как ель или пихту, а обделанные осиповые дома красивее сосновых». Автор «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даль, в свою очередь, отмечает, что «осиновые дрова, если ими протапливать изредка печь, уничтожают всю сажу, так что вовсе не нужно труб чистить; осина, самое мягкое и негодное дерево, даст самые прочные торцы для мостовой, особенно на конных приводах» (В. И. Даль. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа).

Однако, где же истоки такого подозрительного отношения к осине в беллетристике? Что побуждало писателей использовать этот образ в повествовании для создания отрицательных ассоциаций?

Смысл восприятия осины в литературе становится ясным при изучении восточнославянских мифов и легенд. Русские писатели, хорошо знавшие быт и обычаи простонародья, при создании своих художественных аллегорий мысленно обращались к устной народной традиции — поверьям и рассказам, питавшим их.

Обратимся к ним и мы.

Очень значимым в осине считалось то, что она трясется и шумит на ветру. Колебания листьев осины и звук, издаваемый ими, привлекал к себе внимание и требовал объяснения. Оно и возникло в следующем виде: осина трясется оттого, что признается деревом нечистым, «заклятым», местообитанием демонов и чертей. Поэтому «проклятого матерью земля не принимает и будет он всю жизнь трястись, как осиновый лист» (Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии, 1916), а «бита осиновой палкою лю-

дей и скотину большой грех — бо зараз скрутятся» (Чубинский П. П. Труды этнографо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, 1872). Существуют и другие предания о колобашли оспны. Считалось, что осина и терн прокляты за непоклонение Христу во время бегства Богоматери в Египет. На присутствие этого мотива в старых украинских колядках указывали А. Н. Веселовский, Н. И. Костомаров, Н. Ф. Сумцов.

Другой вариант этой легенды гласит, что осина трепещет оттого, что она, в отличие от других деревьев, не преклонилась перед Христом, когда он шел лесом, отчего Создатель обрек ее листу на вечное движение. И все же самым распространённым было такое объяснение: на осине удавился Иуда-предатель, поэтому-то и листья осины трепещут при самом малейшем дуновении ветерка, а осенью принимают ярко-красный цвет — цвет крови. По легенде Иуда-предатель был рыжим, потому и святыи рыжими не пишутся: *рыжих да красных во святых не бывает.*

Доказательством совершения тяжкого греха осиною служил тот факт, что на осине «кровь под корою» (Словарь В. И. Даля), — кора под кожицей дерева красновата. Русский язык сохранил об этом представлении об осине и ее характерные особенности в форме поговорок и присказок: *Дрожит, как осиновый лист; Трясетя, как лист на осине; Осина и без ветра шумит; Осина все шепчется, а проклятое дерево; Ладило б тебя на осину; Удавлюсь на горькой осинушке, на самой вершинушке!*

Осина в народном представлении проклята и поэтому существует ее влияние на заклятых людей, знахарей, чаровников, самоубийц и ходячих покойников.

Грешным людям, которых за грехи земля не принимает, и самоубийцам, души которых не находят покоя на том свете и бродят по земле, пугая людей, вбивали в могилу осиновый кол или даже признавали необходимым открыть могилу и пробить покойника осиновым колом в живот. После этого они не осмеливаются ночами бродить по земле. «Это средство так чудотворно действует, — пишет П. В. Шейн, — что чаровник не только лишается способности превращаться в какое-либо животное, выходить из могилы и пр., но даже и те чары, которые он натворил при жизни, теряют совершенно свою силу» (Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края).

Наряду с разбираемым части крыши, подъемом доски потолка, подрезанием ляток и т. п. пробивание осиновым колом совершенно необходимо в том случае, если покойник — колдун, влияние которого, как известно, особенно сильно и могущественно. Профилактические действия обязательны, так как посло

смерти колдуна и знахаря в доме могут двигаться вещи, происходят различные неприятности. Например, в Витебской губернии верили, что в момент смерти чаровника разом совершается 12 чертовских свадеб, для празднования которых загубляется 12 невинных душ.

Интересно отношение людей к таким обрядам. В «Очерках русской мифологии» Д. К. Зеленин приводит свидетельство этнографа о том, как сурово воспринимались людьми простого сословия отступления от некоторых правил и обычаев старьяны: «Наши крестьянин, — пишет один наблюдатель из Силшской волости Симбирской губернии, — с большим негодованием смотрит на то, что в последнее время стали хоронить на кладбищах ошощев; он твердо убежден, что это — отступление от старинных обычаев, тяжкий грех, и неминуемо влечет за собою бездожде и неурожай; по его мнению, приличное место для зарытия такого мертвеца — где-нибудь в глухом лесном овраге, а потому он дорого бы заплатил, чтобы изменить в этом отношении распоряжение правительства; и если случается похоронить подобного покойника на кладбище и при зарытии его не находится священнослужителя, то в отвращение предстоящих несчастий, они не опускают гроб в могилу, а бросают его туда, втыкая вокруг гроба осиновые колья».

Обнаруживается мифологическая связь между нечистым деревом и атмосферными явлениями, содержательно воплощенная в различных жанрах. Например, в селе Канаве Симбирской губернии в 1866 году был записан такой заговор от засухи: «Выхожу я, удал добрый молодец... в чистое поле... вижу: лежит гроб поверх земли; земля того гроба не принимает, ветер его не обдувает... беру я, раб Божий, от дупла осинова ветвь сучнистую, обещу арясину осистую, воткну еретнику в чрево поганое, в его сердце окажиное, схороню в блате смердящем...»

Осина может служить средством для установления сношений с нечистой силой. Так, для того чтобы «познакомиться с лешим, надо отправиться в лес, срубить сосну так, чтобы она сломала две осины, встать на эти сломленные осины и сказать: «лесовик-великан, пришел я к тебе, раб такой-то с поклоном, заведи с ним дружбу». После этого леший непременно явится и под условием отречения от отца и матери будет служить мужику» [Мандельштам И. Е. Опыт объяснения обычаев (индо-европейских народов), созданных под влиянием мифа, 1882]. В Олонецком Заопечье существовала поговорка *Заклятого человека от дому отделяет только осиновый лист*, смысл которой основан на поверьи о том, что заклятые люди (люди, которым в недобрый

чае было сказано: *изыми тя, унеси тя*) могут быть возвращены домой только посредством осинового листа.

С другой стороны, есть указания на то, что демонологические персонажи, как ни странно, боятся осины. И. Е. Мандельштам писал, что черти и волкодлаки боятся осины как местопребывания духов. Это происходит, по-видимому, оттого, что в осине живут духи умерших предков, которые охраняют свой род. Д. К. Зеленин также указывал, что русалки, как и ведьмы, всего более боятся крапивы и осины, и лишь в одном сообщении, поступившем из Харьковской губернии, деревом, на котором любят качаться русалки, была названа осина. В Черниговской губернии для предохранения коров от порчи ведьмами клали в хлева «малые осиновые деревья». Если ведьма осмелится все же отобрать у коровы молоко, следует тесать эту осину «до порога», тогда ведьма сразу же прибежит к хлеву, так как ей будет больно.

В Полесье до наших дней сохранилось убеждение в том, что искры, выскакивающие из осиновых дров, и есть настоящие ведьмы.

Осину боятся и различные мифологические персонажи, олицетворяющие эпидемии и болезни. Осиновыми кольями следовало бить «коровью смерть» при олаживании деревни от падежа скота.

На Украине близ Каменец-Подольского селение верили, что холера, расхаживающая в образе женщины по селениям и городам в одной рубашке с распущенными волосами, боится осины.

В то же время широко была известна и способность осины лечить от болезней — зубной боли, ломоты в ногах и др.

Главным и повсеместно известным достоинством ее считалась способность излечения от лихорадки. Поверье это несомненно основано на магии тождественности симптомов болезни с «поведением» дерева: листья осины трясутся подобно больному. Для исцеления пили густой отвар осиновой коры перед едой, забивали волосы и ногти больного в просверленную в дереве дыру; стремились всячески передать лихорадку осине, для чего загибали в кольцо молодую осину в лесу и пролезали через образовавшееся отверстие или продевали больших через щель рассеченного вдоль растущего дерева; читали под осиной заговоры. У белорусов больной лихорадкой становился на колени перед растущей осинной, обнимал дерево обеими руками и говорил ему слова присяги. Верили, что тому, кто нарушит эту присягу, грозит неизлечимая болезнь и даже смерть.

У всех восточных славян осина прежде не использовалась на постройку, так как считалось, что именно в нее часто бьет мол-

нии. Опасаясь пожара, осину не сажали во дворе, не носили в дом.

Собственную художественную интерпретацию принимали суеверия, касающиеся «свойств» этого дерева, в литературных произведениях. В рассказе А. К. Толстого «Семья вурдалака», действие которого разворачивается в сербской деревне, оставшийся за главу семьи старший сын, благочестивый христианин Георгий, прокалывает своего отца, вурдалака, осиновым колом. Но и после этого вурдалак продолжает ходить по почам в семью, принося ей новые несчастья. В заключительной части рассказа рисуется страшная сцена преследования героя толпой деревенских упырей, в центре которой — старик, опирающийся на свой осиновый кол и делающий «прыжки, подобно тирольцам». Ближе к народным этнокультурным представлениям, согласно которым покойник окончательно перестает тревожить живых после того, как его обезопасят осиновым колом, стоит эпизод из другого прозаического произведения А. К. Толстого «Упырь», героями которого являются российские дворяне, живущие близ Москвы. В начале повести устами рокового персонажа г-на Рыбаренки высказывается сожаление о том, что «светским» упырям не был своевременно вбит осиновый кол между плеч для предосторожности, что, собственно, и позволило им стать таковыми.

Открытое письмо и открытка

Е. И. Голанова,
кандидат филологических наук

В современных толковых словарях русского языка слово *открытка* определяется как «специальная почтовая карточка для открытого письма». *Открытое письмо* и *открытка* — что они обозначают, одно и то же или нет? Всегда ли *открытое письмо* — *открытка* и *открытка* — *открытое письмо*?

Составное наименование *открытое письмо* первоначально имело только значение «незапечатываемая почтовая карточка, на одной стороне которой пишется адрес, а на другой — собственно письмо». Такая форма корреспонденции стала использоваться в России в XIX веке. Так, А. П. Чехов писал брату в апреле 1891 г.: «Вчера прислали мне из Рима *открытое письмо* от папаша». Но у этого наименования очень скоро появились одноклассный двойник — *открытка*, то есть словосочетание «свернулось» в одно слово. Это вполне «в духе» нашей номинации и не противоречит ее правилам.

Со временем слово *открытка* [впервые отмеченное в 3-м издании Словаря В. И. Даля под редакцией проф. И. А. Бодуэна де Куртене (1903—1909 гг.)] значительно потеснило составное наименование, и оно почти перестало употребляться в этом значении в современном общелитературном языке, хотя в специальных сферах речи эти номинации и теперь могут встретиться рядом, передавая один и тот же смысл. Вот характерный пример: «Отделение ГАИ направило в таксомоторный парк несколько *открытых писем* на водителей, нарушивших Правила дорожного движения. Работа с *открытками* на нарушителей была поручена

инспектору, но открытки складывались под сукно» (За безопасность движения).

Словосочетание *открытое письмо* в наши дни обычно используется в значении «письмо к кому-либо, публикуемое в печати», которое закрепилось у этого составного наименования сравнительно недавно (характерно, что в Словаре С. И. Ожегова 1953 г. оно еще не отмечено). Но активное слово *открытка* и тут «ив осталось в долгу»: оно тоже приобрело новое значение (или «расширило» старое) и стало обозначать еще и «карточку определенного формата с художественным изображением», например: комплект *открыток* с видами Петродворца.

Любопытно, что Словарь Даля отмечает для слова *открытка*, кроме этих значений, еще одно: «Поедем в *открытке*, в открытом вагоне копножелезной дороги или в открытом экипаже вообще!» Это новообразование того времени, стоявшее в ряду таких слов, как *конка* (экипаж, вагон с конной тягой), *многоместка* (многоместный экипаж), не закрепилось в языке и ушло, как и другие, вместе с обозначаемыми реалиями.

Слово *открытый*, давшее начало этим названиям, многозначно. Современные толковые словари, выделяя более семи значений, отмечают, например, такие: «искренний, прямой; выражающий прямому и искренность» (о человеке); «не имеющий крыши, непокрытый сверху или с боков» (открытая терраса); «ничем не огражденный, не защищенный; свободный для доступа» (открытое место); «доступный для посторонних, доступный для всех»; «обнаженный, не имеющий покрова» и др.

Смысловое богатство этого слова увеличивается еще устойчивыми словосочетаниями и фразеологическими оборотами, в которые оно входит, например: *открытое море*, *открытый урок*, *день открытых дверей*, *с открытой душой*, *открытое волосование* и др. К устойчивым сочетаниям относилось и составное наименование *открытое письмо*, трансформировавшееся в *открытку*. Может возникнуть естественный вопрос: почему одни словосочетания «сжимаются» в однословные названия, а с другими этого не происходит? Мы знаем, что в языке существуют свои внутренние закономерности, по которым создаются новые номинации, но не каждый языковой факт (или его отсутствие) поддается объяснению.

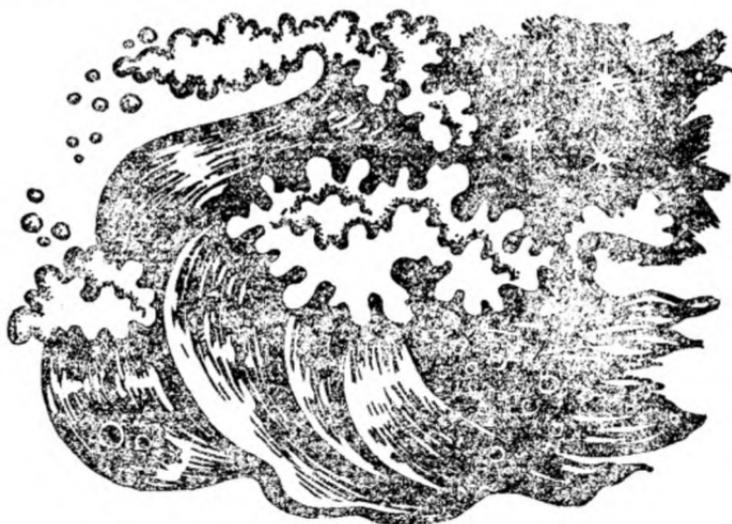
Так, в XIX веке было известно выражение *открытый лист*, одно из значений которого «документ, дающий право бесприпятственно пользоваться в дороге ямскими или этапными лошадьми, ред подорожной». Например: «Я захватил... *открытый лист* на взимание волостных лошадей и отправился в путь» (Фет. Ранние годы моей жизни). Несмотря на широкую известность, это выра-

жение не «сократилось» в однословное наименование. А вот словосочетание *путевой лист*, возникшее позже, когда появился городской транспорт, и обозначающее сейчас «контрольный листок, выдаваемый водителям транспорта (с указанием задания)», дало краткую номинацию — *путевка*. В современном языке используются оба наименования, например: «Инспектор ГАИ отобрал у водителя *путевой лист* и сообщил о нарушении на предприятие» (За безопасность движения, 1978, № 2); «*Путевка* обрабатывалась тут же в присутствии сдавшего ее шофера. Это давало представление обо всем рабочем дне машины» (Рыбаков. Водители).

Слово *путевка* оказалось, как и *открытка*, достаточно жизнеспособным, у него закрепилось еще одно значение: «удостоверение, выдаваемое лицу, командируемому или направляемому куда-либо» (*путевка в санаторий*). Впервые это слово было зафиксировано в Толковом словаре русского языка под редакцией Д. П. Ушакова (1939) с пометой *нов.* В те же годы появилось и выражение *путевка в жизнь*. Значительный толчок *путевке в жизнь* дало название известного фильма. Выражение стало широкоупотребительным.

Интересно, что в XIX веке в близком значении использовалось выражение *подорожная в жизнь*. Например, у Герцена в романе «Кто виноват?» читаем: «Кончился, наконец и курс; раздали на акте юношам *подорожные в жизнь*». Вышедшее сейчас из употребления слово *подорожная* обозначало «документ на право пользования почтовыми лошадьми, проездное свидетельство» (одним из видов *подорожной* был уже упомянутый *открытый лист*). Тогда же оно стало употребляться и в переносном смысле, например так, как у Белинского: «Я смело давал рецепты от всех душевных болезней и *подорожные на все пути жизни*» (Письмо М. А. Бакунину) или у Герцена: «Юноша, получивший диплом... принимает его за акт освобождения от школы, за *подорожную в жизнь...*» (Дилетантизм в науке).

Все эти примеры наглядно показывают взаимосвязи, постоянное движение и взаимодействие разнообразных наименований, жизнь слов в языке.

ДЕВЯТЫЙ ВАЛ

О. П. Наумов

Давно у русских моряков существовало поверье о том, что во время бури каждая девятая волна больше предыдущих и что в любой момент она может оказаться роковой. Девятый вал долго оставался страшным призраком в сознании людей, уходивших в море на утлых суденышках. Словно тени его недоброй славы, дошли до нас выражения поморов: *Набежала девятый вал. Вали вал, коли бог дал*, или еще более выразительное — *Девятая волна добивает*. Поморы уже тогда стали использовать образ девятого вала и в переносном значении: *Катит беда, что девятая волна*. (В. И. Даль. Толковый словарь).

Первый толковый словарь, который отметил фразеологизм *девятый вал*, был Словарь церковно-славянского и русского языка 1847 года: «Следующий за осьмым.— Девятый вал. Самый большой вал по время морского волнения». Затем появился Толковый словарь В. И. Даля, который существенно уточняет понимание этого фразеологизма и дает его народное происхождение: «Боль-

ная волна, вода поднышшаяся от бури степой, грядой, гребнем. Девятый вал, по поверью, роковой, огромное прочих». Даль еще раз уточняет понимание фразеологизма: «Девятым валом или волной зовут, по поверью, чередную, большую противу прочих, роковую волну».

В. И. Даль был моряком, хорошо представлял картину штормового моря и поэтому ушел от ненужного конкретного счета волн. Но практически счет волн, исторически сложившийся в морском языке при употреблении данного фразеологизма, встречается и сейчас. Такое понимание рассматриваемого выражения существовало всегда. Но именно счет волн и стал заводить отдельных моряков в тупик при осмысливании словосочетания *девятый вал*, дал возможность усомниться в реальности девятого вала.

Название пришло из глубины веков и, может быть, связано с мифологией. Как известно, число *девять* считается священным у многих народов. Но возможна и другая причина появления этого числа. Для поморов море было источником существования, они им жили, и, естественно, много веков практически изучали. Возможно, именно с этим связано появление *девятого вала*.

В морском языке истари бытуют два типа выражения. Первый с указанием очередности волн и второй без указания очередности. Например: «Мы все повернулись. За седьмой, за восьмой волной шел колоссальный и медленный, покрытый шипящей пеной девятый вал» (Воеводин, Рысс. Бура); «Девятый вал надвигается неумолимо. Вот он как щепку подхватывает беспомощную шлюпку и швыряет с размаху на острия скал...» (Волович. Тридцатый меридиан).

Рассматриваемый фразеологизм еще в прошлом веке очень широко распространился в русском языке и получил переносный смысл, стал символом грозной опасности, наивысшего подъема, могучей силы. Переносный смысл этого словосочетания был отмечен М. И. Михельсоном: «Девятый вал (иноск.) о роковом — угрожающем опасностью, о неотразимой силе (намек на силу *девятого вала*)» (Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. М., 1912. Т. I). Вот современные примеры употребления выражения в переносном смысле: «Меня, — считал Сергей Иванович, — накрыл куда более серьезный девятый вал — из жизненных невзгод, неудач и огорчений (Шмыгановский. Что там, за горизонтом?); «А какой след может оставить флотский офицер? Где его девятый вал? (Савичев. Девятый вал)».

Известно, что древние греки наибольшей волной считали третью, финикийцы и египтяне — четвертую и пятую, францу-

вы — седьмую, римляне и англичане — десятую; восточные народы — одиннадцатую волну.

Если с берега присмотреться к последовательно идущим волнам, то в ряду нескольких возрастающих волн, навверняка, можно увидеть волну значительно большую по высоте. И если мы продолжим наблюдение, то увидим подобную картину много раз. Об этой волне древние и складывали легенды.

То, что волны распространяются группами, было известно всегда. Было, разумеется, известно и поморам. Группа состоит из 3–15 и больше волн. Чем больше волн в группе, тем выше в ней наибольшая волна. Исследования показали, что в группе из 14 волн максимальная волна более чем в 2,5 раза превышает среднюю высоту волн в группе (Давидян И. Н., Лонатухин Л. И. На встречу со штормами. Л., 1982). Такие волны встречаются редко. Группы от 3 до 6 волн наблюдаются чаще, они не опасны, т. к. дают небольшую волну. Группы в 8–10 волн не так уж редки и имеют довольно высокую наибольшую волну. Этим можно объяснить популярность поверья о девятом вале. Это значит, что число 9 могло появиться точно так же, как появилось число 3 у греков, числа 4 и 5 у финикийцев и египтян, 7 — у французов, 10 — у римлян и англичан... — чисто практически. Все эти народы, по-своему, были правы, т. к. в группе волн этот грозный вал, как показали наблюдения, может оказаться любым.

Давайте посмотрим, что же происходит на взволнованной поверхности моря и почему возникает большая волна. Ветер, дующий над значительным пространством, образует самые разнообразные волны, которые проходят огромные расстояния. Они встречаются на своем пути с несколькими группами волн, движущимися в различных направлениях. В результате на поверхности моря возникает сложная волновая система. Во время сильного волнения можно видеть участки сравнительно спокойного моря или, наоборот, очень высокие одиночные волны. И чтобы не оказаться голословным, здесь надо дать краткую характеристику волнам. Вот что пишут уже названные авторы: «Абсолютно уверенно можно говорить лишь о том, что наибольшие волны превышают 25–30 м в океанах и 15–20 м в отдельных морях».

Что же происходит с девятым валом сегодня? Это условное название самой большой волны благополучно употреблялось в русском морском языке много веков. Но вот, уже в наше время, появились высказывания, что девятого вала нет. Например, в «Морском словаре» под редакцией В. Г. Фадеева (М., 1959. Т. I) читаем: «Вал — большая волна. „Девятый вал“, по поверью, больше и опаснее других (на самом деле не существует)».

Ряд подобных высказываний моряков приводит и Б. Л. Богородский в статье «К истории фразеологизма *девятый вал* // Современная русская лексикография. 1980 (Л., 1981)».

Не совсем точное понимание рассматриваемого фразеологизма привело к его полному отрицанию и отрыву от колыбели — моря, где он родился. Вот что говорит об этом вышедший в 1986 году «Морской энциклопедический справочник» под редакцией Н. П. Исакина: «Девятый вал, исторически сложившееся у мореплавателей представление о самой сильной волне на море во время шторма. На нерегулярном волнении отдельные волны имеют разную высоту, но среди них всегда можно выделить группы, состоящие из наибольшей волны и ряда меньших по высоте волн. Древние считали самой большой волной каждую 4, 7 или 11, однако чаще всего наибольшую высоту и разрушительную силу приписывали 9 волне, которую поэты издавна называли „девятым валом“...».

А что думают сами моряки по поводу *девятого вала*?

Ленинградская область

За знакомой строкой

«И дольней лозы прозябанье»

Т. В. Горячева

В своем творчестве А. С. Пушкин неоднократно обращается к библейским мотивам — это такие стихотворения, как «Пророк», «Вертоград моей сестры», «Когда владыка ассирийский...»

В стихотворении «Пророк» читаем:

Моих зениц коснулся он:
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.

Многие исследователи творчества Пушкина полагают, что в «Пророке» отражены мотивы библейской книги пророка Исаии, жившего «во дни Озии, Иоафама, Ахаза, Езекии — царей иудейских» (Ис. 1: 1); эти цари правили Иудеей с 785 по 687 г. до н. э. Пророчествовать он начал „в год смерти царя Озии“ (742 г.)» [см., например: Рижский М. И. Библейские пророки и библейские пророчества (М., 1987)]. Как отмечает исследователь творчества Пушкина В. Непомнящий, в «Пророке» автор «открыл смерть как границу между дольным (земным.— Т. Г.) и горним (вышним, божественным, небесным.— Т. Г.)» (Непомнящий В. Дар. Заметки о духовной биографии Пушкина. // Новый мир. 1989, № 6).

Итак, поэт «внял ...дольней лозы прозябанье». В Библии очень часто упоминается виноградная лоза — виноград в Иудее был одной из основных сельскохозяйственных культур. В Евангелии от Иоанна (гл. 15: 1–5) Иисус Христос называет себя виноградной лозой: «Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой — виноградарь. Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода... Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете сделать ничего».

Что же значит в тексте «Пророка» слово *прозябанье* и каково его происхождение?

В Словаре языка Пушкина *прозябанье* определено как действие по глаголу *прозябать* «расти, произрастать». В Словаре русского языка в четырех томах слово *прозябание* представлено с пометой «книжн. устар.» и также определяется как действие по глаголу *прозябать* в значении «расти, произрастать»; «произрастание»: «[Берег] представлял болото, заросшее хвощами и напоротниками, над которыми кое-где возвышались группы странных деревьев, приспособленных к прозябанию в воде» (Обручев. Плутопия). Глагол *прозябать* также приводится с пометой «книжн. устар.»: «Все растущее и прозябающее на его земле, сеянное и неселянное, обращается в деньги» (Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

В древнерусском языке слово *прозябание* значило «произрастание»: «Божия винограда прозябания» (Минея 1097 г. // Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка; далее — Срезневский). Это, возможно, старославянизм, образованный от старославянского глагола *прозябати* в значении «пускать ростки, расти». Он часто употребляется в тексте Библии. В Евангелии от Матфея (13: 26) читаем: «егда же прозябе трава и плодъ сотвори, тогда явишася и плевелѣ» — «Когда взвила зелень и показался плод, тогда явились и плевелы». Или же: «от смоковницы же научитесь притчи: егда уже валя ея будутъ млада, и листвиѣ прозябеть, вѣдите, яко близъ естъ жатва» — «От смоковницы возьмите подобие: когда ветви ея становятся уже мягки и пускают листья, то знаете, что близко лето» (Там же, 24: 32). В древнерусском языке глагол *прозябати* значил: «произращать» — «Прозябая пажити скотамъ и траву на службу члвкъмъ». (Псалт. 1296 г. // Срезневский); «производить»: «Разеужение прозябаеть все дело доброе» (Жит. Андр. Юр. // Срезневский), *прозябнути* — «произрастить», «произвести на свет, родить»: «Святый Сумеоуъ, его же прозябе пресловущия Марфа» (там же), а также «появиться», «обнаружиться», «распространиться»: «Литовскіе окаанные дѣла прозябли въ Русской земли» (Посл. Новг. арх. Ген. м. Зос., 1490 г. // там же).

В древнерусском языке были также глаголы *зѣбити*, *зѣблю* в значении «производить, порождать»: «Умъ вельядааго зѣбитъ мысли нелѣпныя» (Панд. Ант., 14. XI в.), *зѣбати*, *зѣблю* — «прорастать»: «Сѣмя зѣбеть и продѣлжаеться» (Юр. св. н. 1119 г.), «производить, давать какой-либо продукт (о земле)»: «Дати тебѣ землю зѣблющую медъ» (Исх. XIII. 5. по сн. XIV в.), *зѣбнути*, *зѣбну* — «прорастать (прорасти)»: «Сѣмя зѣбеть и про-

дѣлжастся...» (Мр. IV. 27. Гал. св. XIII в.) [Словарь русского языка XI—XVII вв.]

Откуда же в этих глаголах появились значения «прорастать, расти», «рождать»? В старославянском языке наряду с глаголом *прозябати* был глагол *зяти, зябу* в значении «рвать, дергать, драть». В древнерусском языке наряду с перечисленными выше глаголами существовал глагол *разябати* «разъедать», *разябсти* «растерзать»: «Ранами разябени бывше» (Срезневский); глагол *прозябнути* значил также — «растереть, уничтожить, истребить»: «Прозябе мужа Сокхоть» (Суд. VII. 16. по сп. XV в. — Срезневский), в нижнелужицком языке есть глагол *zebaš* в значении «обгрызать, обгладывать». На основании этих и приведенных выше глаголов можно реконструировать праславянское *zēbti, которое значило первоначально «рвать, дергать, драть», а потом стало значить «расти, прорастать». Ему родственны литовское *žēbtī, žembiū* «кроить, резать», *žēmbėti, žēmbi* «начинать прорастать»; лат. *gemša* «глазок или почка на виноградной лозе» и др. Родственно также словам *зуб, зябнуть* (Фасмер. М., Этимологический словарь русского языка. Т. II).

Как же появилось у глагола *зябнуть* значение «мерзнуть»? Некоторые этимологи предполагают, что это значение развилось из значения «прорастать на холоде», восходящего к значению «расти» (Трубачев О. Н. К этимологии некоторых древнейших славянских терминов родства // Вопросы языкознания, 1957, № 2.). Возможно, что здесь произошло развитие значения «рвать, дергать, драть» в значение «мерзнуть», т. е. замерзать от продувающего, «кусающегося» мороза. В русском языке есть поговорка: *Мороз и железо рвет, и птицу на лету бьет*. В говорах болгарского языка выражение *сѣчи стѹдо* имеет значение «очень холодно». Об усилении морозов на день св. Саввы в народе говорят: «Савва стелет, Савва гвозди острит; Савва засалит путь» (5 декабря по ст. ст. — 18 по н. ст.). В народных говорах белорусского языка прилагательным *ѣдкі* называется что-либо пронзительно холодное: «Зімою выда на речкі ѣдкая» (Матэрыялы да абласнога слоўніка Магілёўшчыны. Мінск, 1981). В студеные зимние дни деревья иногда издают треск; в русском языке это называется *подиранье леса морозом* (Даль. Толковый словарь). От мороза в дереве нередко появляется продольная трещина — *зябь* (Словарь русских народных говоров). Это слово также связывается этимологами с праславянским *zēbti в первоначальном значении «драть, дергать, рвать» (Куркина Л. В. Заметки по русской этимологии // Этимологические исследования. Свердловск, 1981).

Но вернемся к русскому глаголу *прозябать* и существительному

му *прозябанье*. В толковых словарях русского языка *прозябать* дается и в значении «влачить жалкое существование; жить малосодержательной, бесцельной жизнью»: «Дурачок век в батраках прозябнет» (Толстой А. Н. Петр I); *прозябание* значит также «малосодержательное, бесцельное существование»: «Вечное безделье, вечная пустота. Ведь это прозябание, а не жизнь» (Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы) [Словарь современного русского литературного языка].

П. А. Вяземский в стихотворении «Мне нужны воздух...» писал:

Мне нужны воздух вольный и широкий,
Здесь роци тень, там небосклон далекий,
Раскинувший лазурную парчу,
Лука и жатва, холм, овраг глубокий
С тропинкою к студеному ключу,
И тишина, и сладость неги праздной,
И день за днем, всегда однообразный:
Я жить устал, — я прозябать хочу.

Прозябать здесь — «вести однообразную, бесцельную жизнь, в «неге праздной».

Как появилось это значение у глагола *прозябать*? Возможно, в связи с постепенной утратой в сознании носителя русского языка значения «расти, прорастать», глагол *прозябать* стал ассоциироваться с *зябнуть* в значении «мерзнуть». Ассоциация с холодом, который губит посевы, деревья [например, слово *зязбел* в русских говорах значит: «плохо растущий, чахлый, мелкий лес», а *вызеблать* — «нанести вред посевам (о морозе)»], очевидно, была причиной возникновения значения «влачить жалкое существование, вести бесцельный образ жизни» (т. е. бездельничать). Сравните, например, такое русское выражение, как *работать с прокладцей*, а также сербохорватское *гладовина* в значении «бездельник, лодырь, лежебока», русское *проклад*, *проклада* «лень, потеха, нега, забава, праздность или увеселенья» (Даль Толковый словарь), сербохорватское *studenilo* «медлительность, слабость, лень».

Запятая перед союзом «И»

И. И. Степанченко,
кандидат филологических наук

Как научиться правильно ставить знаки препинания? На что при этом нужно опираться — на интонацию, синтаксическое строение предложения или на смысл? Каждый из этих принципов пунктуации не существует отдельно от других. В зависимости от того, какой смысл мы хотим выразить, так или иначе будет построено предложение. Прочтем мы его с соответствующей интонацией. Например, в предложении *Утром погода улучшилась и мы отправились в лес* постановка запятой зависит от смысла: если мы хотим сказать, что отправились в лес *утром*, то есть второстепенный член *утром* по смыслу следует отнести и к первому, и ко второму предложениям, запятой перед И не нужна. Если же *утром* относится только к первому предложению, то есть *мы отправились в лес, не утром*, а, скажем, после обеда, то перед союзом И необходимо поставить запятую. Значит, пунктуация и смысл тесно связаны. Высшая степень пунктуационной грамотности как раз и заключается в том, чтобы при помощи знаков препинания выражать определенный смысл. Если этот же смысл выразить иным способом, предложение станет громоздким: *Погода улучшилась утром, а в лес мы отправились в другое время, не утром.*

Соответственно разной будет и интонация, с которой мы прочтем рассмотренные выше варианты предложения. В одном случае (без запятой) подчеркнем, что слово *утром* относится к обоим предложениям, в другом (с запятой) — только к первому предложению. Итак, все три принципа русской пунктуации действительно между собой связаны. Однако, видимо, ведущим является один из них — смысловой, так как замысел говорящего первичен по отношению к синтаксическим структурам и интонации.

Кстати, связывать пунктуацию со смыслом важно и при чтении, особенно художественной литературы, потому что при помощи знаков выражаются тонкие смысловые нюансы.

Очень часто при анализе того или иного предложения вопрос, нужны или не нужны в нем знаки препинания, вообще непра-

вомерен. Он должен быть сформулирован по-другому: чем отличается вариант предложения со знаками от варианта без знаков.

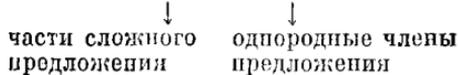
Рассмотрим с этой точки зрения пунктограмму «Запятая перед союзом И». Сначала сопоставим два предложения:

1) Солнце село, и клев кончился.

2) Старик вздохнул и медленно пошел к дому.

В первом предложении союз И соединяет две части сложного предложения (два простых предложения), каждая из которых имеет свою грамматическую основу — подлежащее и сказуемое: Солнце село, клев кончился. Во втором примере грамматическая основа одна: Старик вздохнул, пошел, союз И соединяет однородные сказуемые. Прежде всего необходимо научиться разграничивать эти два случая, с этого начинается анализ пунктограммы. Следовательно, первый пункт схемы анализа:

1. Что соединяет союз И?

Обратимся к левой части схемы и рассмотрим еще несколько примеров:

1. 1) К полудню потянулись хмурые тучи и долина наполнилась прохладой.
- 2) Уже совсем стемнело и в ущелье стало холодно, когда батальоны отправились в путь.
- 3) Мы решили ехать быстрее, чтобы приехать пораньше и чтобы больше времени осталось на рыбалку.

Или в одном из этих предложений запятая перед союзом И, соединяющим части сложного предложения, не ставится.

Сравним их с похожими предложениями, в которых ставится запятая перед И:

- II. 1) Потянулись хмурые тучи, и долина наполнилась прохладой.
- 2) Совсем стемнело, и в ущелье стало холодно.
- 3) Мы приехали рано, и осталось много времени для рыбалки.

В чем разница? В первой группе примеров части сложного предложения имеют нечто общее: в первом предложении это обстоятельство времени *к полудню* — *К полудню потянулись хмурые тучи*, *к полудню долина наполнилась прохладой*; во втором предложении придаточное *когда батальоны отправились в путь* относится и к первой, и ко второй частям как к главным (см. рис. 1); в третьем — связанные союзом И прида-

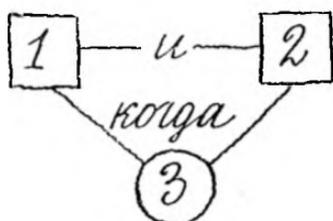

Рис. 1

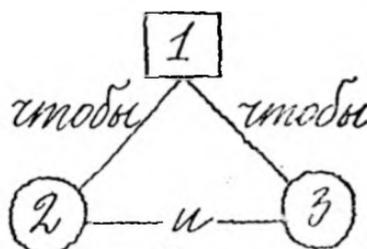

Рис. 2

точные относятся к одному главному *Мы решили ехать быстрее* (см. рис. 2). Когда общий элемент отсутствует (вторая группа примеров), запятая перед И ставится.

Это позволяет записать второй и последний вопрос в левой части схемы:

2. Есть ли общий элемент

(общий второстепенный член предложения, общая главная часть для двух придаточных или общая придаточная часть для двух главных)?

↓
да

↓
нет

запятая перед И не ставится   запятая перед И ставится

Другие разновидности общих элементов (например, вводные слова) встречаются реже.

Теперь обратимся к правой части схемы и рассмотрим случаи, когда союз И соединяет однородные члены предложения. Как всегда, начнем с очень простых примеров: *В комнате стояли столы и стулья* и *В комнате стояли столы, и стулья, и шкаф*. Нетрудно догадаться, что запятые ставятся в том случае, когда союз И повторяется, а когда он встречается только один раз, запятая отсутствует. Занесем это наблюдение в правую часть схемы:

2. Повторяется ли союз И?

↓
да

↓
нет

запятая перед И не ставится

Однако если союз И повторяется, то возникают два вопроса: во-первых, где нужно ставить знаки, во-вторых, всегда ли нужно их ставить?

Вновь проанализируем примеры:

- 1) Здесь растут и яблони, и груши, и дубы, и клены.
- 2) Здесь растут яблони, и груши, и дубы, и клены.
- 3) Здесь растут яблони, груши, и дубы, и клены.

Все эти предложения объединяет то, что союз **И**, соединяющий однородные члены, в них повторяется. При этом пунктуация остается неизменной. Независимо от того, сколько раз повторяется в предложении союз **И**, то есть находится он перед всеми или не перед всеми однородными членами, запятые ставятся между всеми однородными членами. На формулировку вывода важно обратить внимание, так как у абитуриентов часто встречаются ошибки в предложениях, подобных приведенным выше. Если перед первым (а иногда и перед вторым и последующими) однородным членом повторяющийся союз **И** отсутствует, запятые все равно ставятся между всеми однородными членами (см. выше примеры 2 и 3).

Теперь вернемся ко второму примеру: *Здесь растут яблони и груши и дубы и клены*. Можно ли в этом предложении не ставить знаков препинания? На первый взгляд, нет, поскольку союз **И** повторяется. Попробуем немного изменить предложение: *Здесь растут яблони и груши, дубы и клены*. В этом случае все ясно: однородные члены сгруппированы попарно. Как написано в школьном учебнике, запятая ставится между парами. А могут ли быть пары соединены союзом **И**? Как быть в этом случае со знаками?

Конечно, можно сделать оговорку: если две пары однородных членов соединены союзом **И**, то запятая перед ним не ставится. А если пар больше? Например: *Здесь растут яблони и груши, и дубы и клены, и крыжовник и смородина*. Правда, такое предложение выглядит искусственно, но все-таки требует еще одной оговорки: если союз **И**, соединяющий пары однородных членов, повторяется, то запятые ставятся между всеми парами. Нельзя ли обойтись без всех этих оговорок? Пунктуация при парах однородных членов ничем не отличается от пунктуации при отдельных однородных членах, не объединенных попарно, то есть каждая пара пунктуационно «ведет себя» точно так же, как отдельные однородные члены.

Еще раз вернемся к примеру *Здесь растут яблони и груши и дубы и клены*. Что правильнее: считать, что однородные члены связаны попарно, и не ставить запятых или отнести все названия деревьев к одному ряду и поставить запятые? Здесь-то и вступает в силу смысловая принцип. Объединяя однородные члены в пары, мы противопоставляем фруктовые деревья нефруктовым, подчеркиваем различия между ними, то есть хотим

сказать, что здесь растут и фруктовые деревья, и нефруктовые. Если все однородные члены разделить запятыми, смысл немного изменится: рассмотренное выше противопоставление фруктовых деревьев нефруктовым исчезнет.

Теперь можно завершить работу над правой частью схемы:

3. Объединены ли однородные члены попарно?

↓
да
↓

↓
нет
↓

с точки зрения пунктуации каждая пара рассматривается как отдельный однородный член

В заключение приведем схему целиком и попробуем воспользоваться ею для анализа примеров.

1. Что соединяет союз И?

↓
части сложного предложения
↓

↓
однородные члены предложения
↓

2. Есть ли общий элемент (общий второстепенный член предложения, общее главное для двух придаточных или общее придаточное для двух главных)?

↓
да
↓

↓
нет
↓

запятая перед И не ставится

запятая перед И ставится

2. Повторяется ли союз И?

↓
да
↓

↓
нет
↓

3. Соединены ли однородные члены попарно?

↓
да
↓

↓
нет
↓

каждая пара с точки зрения пунктуации рассматривается как отдельный однородный член

занятые ставятся между всеми однородными членами

Каштанка бегала взад и вперед и не находила хозяина (Ч.).
Союз И соединяет однородные члены и в каждом ряду (бе-

гала и не находила, *взад и вперед*) не повторяется — запятые не нужны.

Когда Каштанка проснулась, было уже светло и с улицы доносился шум, какой бывает только днем (Ч.).

Союз *И* соединяет части сложного предложения *было уже светло и с улицы доносился шум*. Есть общий элемент — придаточное *Когда Каштанка проснулась* — запятая перед союзом *И* не нужна.

Плясал он (Федор Тимофеевич) *вяло, небрежно, угрюмо, и видно было по его движениям, по хвосту и по усам, что он глубоко презирал и толпу, и яркий свет, и хозяина, и себя* (Ч.).

Первый союз *И* соединяет части сложного предложения. Так как общих элементов нет, перед *И* ставится запятая.

Второй союз *И* соединяет однородные члены, не повторяется, запятая перед ним отсутствует.

Третий союз *И*, соединяющий однородные члены, повторяется, запятые ставятся между всеми однородными членами.

Пользуясь схемой, попробуйте самостоятельно выполнить несколько упражнений из школьного учебника или пособия для поступающих в вуз.

Г. П. Смолицкая.
ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ
ТОПОНИМИКА

Топонимика — наука, находящаяся на стыке лингвистики, истории, географии и даже поэтики, вызывает все больший интерес у самых разных слоев общества. Процесс возвращения исконных названий, активизировавшийся в последнее время, смеется с географической карты нашей страны топонимы последних десятилетий. Но какое именно наименование из тех, что бытовали в истории, выбрать, на каком остановиться, знают немногие.

Вот почему вышедшая в конце 1990 года книга Г. П. Смолицкой «Занимательная топонимика» в издательстве «Просвещение» и адресованная в первую очередь старшеклассникам, представляет, на наш взгляд, интерес для широкого круга читателей. Рассказывая о географических названиях, автор начинает с «азов», ставя перед собой задачу показать топоним как слово русского языка, его связь с русской историей и природой.

Поставленная задача обусловила и отбор материала. В книге рассматриваются названия, употребляющиеся, в основном, в России. Но это не значит, что все они русские по происхождению. Вслед за автором интересно проследить, как нерусские топонимы оформляются по правилам русского языка, возникая в связи с событиями русской истории. Казалось бы, название небольшого городка под Ленинградом Лодейное Поле довольно просто можно объяснить сходством природного рельефа с формой ладьи. Однако этот топоним переделан на русский лад из финского Ладхен-Похья, что означает «конец залива». Прочитав «Занимательную топонимику», мы узнаем, что город Орел посит не птичье имя, что, несмотря на бытующие в Рязанской области названия Слоновка, Хоботовка, слоны там никогда не водились. Слово «хобот» в XVI—XVII вв. имело значение «хвост животного», а позже у него отмечается и новое значение — «изгиб, дуга реки». А река Слоновка получила свое название от русского слова «ослон», означавшего приспособление из жердей для просушки снопов.

Множество занимательных и малоизвестных фактов рассказано по всей книге. Автор рассказывает, что *джинсы* — родом из Генуи, или что слова «враг», «лоск» и «зараза» обозначают однородное понятие *овраз* в разных говорах.

Болевым точкам топонимики посвящена глава «Экология топонимов». «Топоним — это мост, связывающий нас с прошлым, а соответственно через нас — прошлое с будущим» — пишет Г. П. Смолицкая. Необоснованные переименования, увлечения антропонимическим (по фамилиям и именам) принципом называ-

пня в русской топонимике «наносит вред не только русскому языку, но и всему обществу, приводит к забвению родной истории, обедняет духовную жизнь людей».

И чтобы не распалась связь времен, автор призывает создать Красную книгу топонимов, которая «поможет нам сберечь оставшиеся древние названия, пока не уничтоженные бездумной властной рукой человека, а также поможет вернуть старые названия, стертые с карты нашей Родины». А для тех, кто желает внести свой вклад в дело создания такой Красной книги, Г. П. Смолицкая в главе «Увлекательное завятие» предлагает примерный вопросник, помогающий подойти к изучению топонимики с научной точки зрения.

Завершается книга топонимическим словариком, включающим в себя более ста названий, о которых идет речь в разных главах, и рассматривающим их с точки зрения этимологии.

Книга Г. П. Смолицкой «Занимательная топонимика» привлекает в первую очередь своей активной авторской позицией, современным взглядом. Каждый найдет в ней любопытные факты, учителям она поможет составить интересные викторины, а приведенный в заключении список книг для чтения расширит кругозор читателя.

С. В. Минина

КОРОТКО О КНИГАХ

В 1990 году в Ташкенте вышел «Библиографический указатель работ по культуре речи и языковой норме». Значение библиографических указателей трудно переоценить. Они представляют собой своего рода обзор проделанной работы, подводят ей итог, служат своеобразным компасом в «море» литературы по той или иной отрасли науки.

В последние годы в советском языкознании активно разрабатываются вопросы культуры речи, в результате чего она утвердилась как самостоятельная лингвистическая дисциплина, со своим предметом и объектом исследования, целями и задачами, методикой и приемами научного исследования и описания материала.

«Библиографический указатель» состоит из двух частей, которые включают в себя с возможной полнотой труды по основным отраслям культуры речи и языковой нормы. В него вошли книги, монографии, статьи из сборников и продолжающихся изданий, рецензии, тезисы докладов, авторефераты диссертаций и другие научные источники, издававшиеся в период с 1929 по 1989 г.г. на русском языке и языках народов СССР. В конце «Указателя» представлен именной список авторов работ.

М. Равшанов

САМИЗДАТ

В последнее время редакция получила несколько писем, авторы которых просят рассказать о слове *самиздат*, его значении, происхождении и распространении.

Будучи достаточно распространенным и «народным» словом, термин *самиздат* тем не менее имеет конкретного автора. Как принято считать, впервые его начал активно использовать русский советский поэт Николай Глазков. Он ставил на полях рукописей своих произведений, не предназначенных для официальной печати, специальную помету — *Самсебяиздат*. Затем слово стало короче — *самиздат*. У Н. Глазкова есть стихотворение об этом слове:

«Самиздат» — придумал это слово
 Я еще в сороковом году.
 Время предвоенное сурово:
 Не падались яблони в цвету.
 Те события со стихами свершив,
 Я не одного себя виню:
 Яблони нарком финансов Зверев
 Погубил налогом на корню.

Вырубались уголки глухие,
 И сады российских деревень,
 И стихов дремотную стихию
 Сокрушали все, кому не лень.
 Именно тогда я, очень страшный,
 Поступил почти как психопат:
 Вместо публикаций и изданий
 Выдумал ненужный Самиздат.

Не сдаваться было трудновато,
 Издаваться было тяжело —
 Слово то, которое крылато,
 Мировую славу обрело.
 Самиздат без всякого подвоха
 Действовал отважно, как солдат...
 А сегодня мы живем неплохо
 И кончается мой Самиздат!

Как рассказывают друзья поэта, Николай Глазков сам изготовлял маленькие рукописные книжечки (каждую и нескольких экземплярах) с неопубликованными стихотворениями и дарил близким.

Но в употреблении Н. Глазкова слово *самиздат* не имело того политизированного смысла, который оно приобрело в 60–70-х годах. В сущности слово *самиздат* после его создания в сороковом году было забыто и вновь появилось в 60-е годы как с положительной, так и с отрицательной окраской. Тогда же оно выработало в себе все современные значения: 1. Периодическая, свободная от какого-либо контроля со стороны официальных структур власти издательская и просветительская деятельность – составление, тиражирование и распространение газет, бюллетеней, сборников, альманахов и т. д.; 2. Независимое самостоятельное издание или воспроизведение отдельного произведения, равно как и тиражированное независимым путем произведение, ранее опубликованное за рубежом и недоступное отечественному читателю; 3. Совокупность подобных свободных, неподцензурных изданий (книг, статей, альманахов и пр.).

Анализируя семантику слова *самиздат*, можно выделить два корня, из которых формируется его значение: «самостоятельное издание». В современном русском языке слово *самиздат* имеет тенденцию к превращению в историзм, поскольку ассоциируется со свободной, неподцензурной печатью 60–70-х годов, когда публикации в *самиздате* были в большинстве случаев связаны с правозащитной деятельностью, с движением диссидентов. Проводит замена термина *самиздат* словосочетаниями «неформальная печать», «альтернативная пресса», «независимая печать» и т. д.

Несмотря на отсутствие слова *самиздат* в действующих словарях русского языка, оно стало интернациональным. Иностранные словари в подавляющем большинстве фиксируют и объясняют это слово, подчеркивая, что оно русского происхождения. Французский «Малый иллюстрированный Лярусс» во многих своих выпусках, в том числе и в последнем, вышедшем в 1990 году, также приводит слово *самиздат*: «– существительное, мужского рода, русское по происхождению, – совокупность средств, используемых в СССР и странах Востока для подпольного распространения изданий, запрещенных цензурой; само издание такого рода» (С. 871).

М. В. Горбаневский,
кандидат филологических наук

СТАРОЕ СЛОВО С НОВЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

Захлопать — *захлопывать*. До недавнего времени эти словоформы в русском литературном языке отпосились к двум глаголам с разными, хотя и сближенными лексическими значениями: *вахлопать* — начать хлопать, бить в ладоши (непереходный, совершенного вида); *захлопывать* — хлопать, закрывать (переходный, несовершенного вида; совершенный вид *захлопнуть*).

Но вот последнее время у глаголов *захлопать* — *захлопывать*, объединяемых по принципу видовой пары, сформировалось ранее не встречавшееся в языке значение. Появление новой семантики связано с одной особенностью коллективного поведения, которая стала приметной после трансляции с первого и второго съездов пародных депутатов СССР в 1989 году. В недалеком прошлом для подобных форумов были характерны, как тогда писали в отчетах, «бурные, продолжительные аплодисменты» в знак полного, всеобщего и единодушного одобрения. Теперь же, в период демократизации и гласности, аплодисменты иной раз превращаются в свою противоположность. Их используют для обструкции, если оратор выступает неконкретно, говорит не по делу или выдвигает явно неприемлемые идеи. В этом случае его начинают *захлопывать*, то есть хлопками, ироничными аплодисментами срывать речь, выражая крайнее неприятие того, о чем говорится с трибуны. Иногда такое противодействие удается довести до конца — *захлопать* выступающего, заставить его прекратить речь раньше, чем это положено по регламенту.

Захлопывать в новом значении можно рассматривать как омоним к *захлопывать* в смысле «хлопать, закрывать», а глагол *захлопать* теперь, видимо, следует оценивать как полисемичный. С приобретением нового значения меняются его морфологические свойства: он становится переходным (*захлопать выступление делегата*), от него, как от большинства переходных глаголов, возможно образовать страдательное причастие: *захлопанный депутат* (сравните с невозможностью такого причастия от глагола со значением «начать хлопать»).

Появление новых значений у слов *захлопать* — *захлопывать* закономерно расширяет словообразовательное гнездо от глагола *хлопать*: «наготове» слово *захлопывание* (сродни известному «шпи-

канью»), возможны варианты *захлопанность* с пропичной окраской (*депутат был повергнут в состояние захлопанности*), *захлопщички* («те, кто захлопывает кого-либо или что-либо») и др.

Как нередко бывает с новыми значениями, не проникшими глубоко в речевой обиход, на первых порах они подаются в кавычках. Это графическое средство призвано оттенить обновленный смысл, отграничить его от прежнего значения слова. Показательный пример находим в газете «Советская культура» (1990. 6 янв.) в рубрике «Есть мнение!». Читатель из Ленинграда А. Гроссман, с которым согласен и автор этих строк, дает явление «захлопывания» такую оценку: «Стало модным „захлопывать“ неугодных ораторов. Мода варварская, нецивилизованная... Не разумно ли будет ввести правило — продлевать время для оратора ровно на столько, сколько продолжается обструкция?». Предлагая установить таймеры — специальные счетчики времени, отпущенного для выступления, — читатель далее рекомендует: «Говорит оратор — таймер отсчитывает секунды и минуты. Начали „захлопывать“ — председатель таймер отключает до воцарения тишины».

Если у глаголов *захлопать* и *захлопывать* закрепится новое значение, то кавычки при их написании не понадобятся. Произойдет ли это — зависит от того, насколько высокой окажется культура работающих на съездах и прочих собраниях людей, сумеют ли они научиться слушать друг друга и выслушивать до конца.

Д. А. Швалюк
Иркутск

Что такое СИЗИФ?

Всем, вероятно, известно выражение *сизифов труд* и породившее его имя *Сизиф*. Хитроумный и самоуверенный любимец богов, сын Эола Сизиф, дважды победивший саму смерть, был обречен за свои преступления вечно вкатывать на гору громадный камень, который, достигнув вершины, скатывался обратно, то есть был обречен выполнять *сизифов труд* — изнурительную и бесплодную работу.

А вот что такое СИЗИФ, аббревиатура СИЗИФ, знают лишь те, кто прочел увлекательную книгу В. С. Шефнера «Лачуга должника». Объявление, появившееся на глаза герою этого романа, сразу объясняет суть дела и иллюстрирует ее выразительным примером: «...на стене висела на гвоздике дощечка с надписью:

**Секция Изучения Замечательных Имен и Фамилий
СИЗИФ
Староста секции Голгофа Патрикеевна Нагишом»**

Основной состав СИЗИФ — *редкофамильцы* и *редкоименцы*. Среди последних — Антенна Сергеевна, Медицина Павловна, Стюардесса Никитична, Эротика Митрофановна, Трактор Андреевич, Экватор Олегович... Знакомая герою Эла тяжело переживает свое имя: «Разве Эла — плохое имя?! — возразил я. — Имя что надо! — Эла — это сокращенно. А полное имя — «Электрокардиограмма». А вот как реагируют на такие имена «сизифы»: «Голгофа Патрикеевна, — обратился я к старостихе, — у меня одна знакомая есть, ее зовут Электрокардиограмма. Ее примут в секцию? — Электрокардиограмма! — с чувством проскандировала Голгофа. — Звучное, певучее имя! И какой глубокий, благородный подтекст!.. Значит, не перевелись еще родители с хорошим вкусом... Конечно, мы ее примем безоговорочно!»

И здесь возникает вопрос: так ли уж неправа Голгофа Патрикеевна? Вся «Лачуга должника» написана с улыбкой, адресованной и *редкоименцам*. Но В. Шефнер ни капельки не издевается над ними. Вообще, следует откровенно признать, что писатели в этом случае оказались и милосерднее, и прозорливее как журналистов, так и специалистов, языковедов-ономастов.

В 20–30-х гг. в нашей стране наблюдался ярко выраженный антропонимический процесс, одной из примечательных черт которого было порождение, придумывание родителями массы новых

имен. Описания и списки таких имен — удачных и не слишком, но всегда необычных, порывающих с традициями церковных святцев, приводятся во многих работах по русской антропонимии, в частности — в книге А. В. Сусливой и А. В. Суперанской «О русских именах» (2-е изд., Л.: Ленвиздат, 1985). Обычный взгляд на новые имена заключается в том, что это интересное явление, но несущественное для развития русского именника XX в. и в общем бесперспективное, так как в подавляющем большинстве своем имена-неологизмы перестали употребляться. Яркую оценку таким именам дал В. А. Никонов: «Это жажда вырваться из ненавистного старого быта, порыв к культуре из векового бескультурья. Не вина, а беда называвших, что культура им представлялась в таком убогом облике» (Имя и общество. М.: Наука, 1974. С. 70).

Конечно, как замечает В. А. Ивашко, «были среди этих образований и настоящие монстры, но были и шедевры имитаторчества». Известная поэтесса Новелла Матвеева сохранила свое имя-неологизм. И оно отлично звучит! Ведь многое зависит от того, как посмотреть на *редкоименца*... Что лучше — быть единственным в мире, скажем, Вагранкой или Депутатом (по имени, а не по сути!), либо одними из нескольких миллионов Александров или Натальей?

Возможность полярных оценок нового имени хорошо иллюстрируется, например, сопоставлением статьи С. Нариньяни «Как Констанцию превратили в Квитанцию» (Правда. 1968. 10 мая) со стихотворением Н. Доризо «Свежесть», написанным в 1966 г. Масгитый журналист увидел в списках абитуриентов закавказского вуза имя *Квитанция* и реконструировал целую историю о том, как человек хотел назвать дочь Констанцией, но по дороге «как нарочно оказалась закусовая», и в загсе он произнес уже имя *Квитанция*.

А у Николая Доризо — совсем другой взгляд на это имя: «Впервые в жизни Он пришел на станцию, Немолодой черкес, В двадцатые года. Впервые в жизни Получил квитанцию, Обычную Багажную квитанцию, Квитанцию, квитанцию, квитанцию.— Он слов таких Не слышал никогда. Таинственно, заманчиво и женственно Звучало слово, Пело слово в нем. И дочь свою назвал черкес торжественно Квитанцией За праздничным столом. Квитанция, Квитанция, Квитанция... А он был прав — Мечтатель и джигит, Не хуже, чем Джульетта, Чем Констанция, Квитанция — Как здорово звучит!..»

Сопоставление столь красноречиво, что, как нам представляется, не требуется комментариев. Вместо них сошлемся еще на

одно художественное произведение — стихотворение Е. Долматовского «Октябрины» (1962): «Вот стали взрослыми, А то и старыми Энергия, Ванцетти, Володар. И Военмор — во славу Красной Армии, И Трудомир — в честь мира и труда. Родварком окрещен рожденный в Арктике... Поняв, что этот век неповторим, Старались и краскомы и рабфаковки Его вручить наследникам своим. И в новых именах бессмертье видели. Их увлечение не было игрой. Не надо обижаться на родителей, Перемудривших раннюю порой. Сложилась судьбы тех детей по-разному, Но имя тоже освещало путь. Гори, когда Энергией ты названа. А Володар — как Володарский будь!» В своих мемуарах Долматовский отмечал, что это стихотворение вызвало обильную почту: «Я получил полную возможность составить советские святцы, но делать этого не стал» (Было: Записки поэта. М.: Сов. писатель, 1983. С. 752–753).

Так вот, составление «советских святцев», хорошо документированного научного словаря имен-неологизмов XX в. — это важная и не терпящая отлагательства задача. Задача, можно сказать, общекультурная. Ведь эти имена — часть нашей истории, нашей жизни. И они — уходят. Имена, в отличие от фамилий, не передаются по наследству. Поэтому-то сейчас надо обратиться ко всем *редкоименцам* либо их родственникам с просьбой откликнуться, сообщить об обстоятельствах, мотивах, социальных ситуациях, инцидентах выбора того или иного нового имени, рассказать поподробнее об этих именах. Нужно знать и о времени и месте присвоения имени. Антропонимические страсти бушевали в 20–30-х годах. Но процесс имятворчества продолжался и позже. Жив он и сейчас — тоненькая струйка новых имен продолжает пополнять русский именник, преодолевая все препятствия. Писатель-фантаст И. А. Ефремов в своей «Гуманности Андромеды» придумал совершенно особую антропонимическую систему для людей будущего. И по крайней мере одно из предложенных им имен — Низа — уже появилось в реальной жизни (пример В. И. Ивашко в кн. Как выбирают имена, Минск: Вышэйшая школа, 1988. С. 125).

Составить «советские святцы» не так просто, как думал Е. Долматовский. В какой-то мере это почти сизифов труд. Но все же он осуществим, если взяться за него сейчас, а не через 50 лет. По прикидкам В. Д. Бондалетова, в XX в. русскими употреблялось не менее 6 тысяч новых имен (тогда как в существующий «Словарь русских личных имен» Н. А. Петровского их вошло лишь 66). Полагаем, что фактически эта цифра существенно больше. Среди новых имен есть и не попавшие в поле

зрения специалистов, «потаенные», как бы не подчеркнутые эпохой тоталитаризма, например Лентрозина (Ленин, Троцкий, Зиновьев), отвергнутые позднейшими переименованиями.

Вот мы и предлагаем открыть при журнале «Русская речь» на общественных началах СИЗИФ — для сервичного накопления и сохранения имен-неологизмов, пока они не ушли в небытие вместе с их посетителями. Исторической памяти терять нельзя. О *редкофамильцах* не говорим лишь потому, что фамилии, как отмечено, сохраняются гораздо надежнее, а главное — потому, что в журнале уже опубликованы объемные и ценные материалы к словарю русских фамилий, подготовленные незабвенным В. А. Никоновым. О результатах работы СИЗИФ редакция могла бы в удобной для нее форме сообщать читателям.

Ю. А. Карпенко,
доктор филологических наук,
Е. Ю. Андреевко
Одесса

Читатель спрашивает

«Ранней весной в наших лесах, когда еще лежит серый подтаявший снег, появляются зяблики. Они наполняют их своими трелями, пиньканьем и рюением. Это одна из наших первых прилетающих весной птиц. Почему эта птица так названа?»

А. Г. Исправникова, Москва

Этимологами установлена связь слов *зяблик* и *зябнуть*, т. к. зяблик прилетает очень рано, когда еще холодно, и улетает с наступлением холодов (Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*). В русских говорах зяблика называют также *знобуша*, от *знобить* (*Словарь русских народных говоров*). В нашем языке сложилась даже поговорка: *Жаворонок [появляется] к теплу, зяблик к стуже*.

Свою этимологию слова *зяблик* предложил М. М. Припвин в книге «Моя страна. Времена года. Расставанье и встреча»: «Я очнулся, услышав песнь зяблика... Тысячи зябликов все летели, все пели, садились на деревья и во множестве рассыпались по зяби, и я в первый раз понял, что слово „зяблик“ происходит от зяби». Здесь нужно сказать, что *зять*, *зябнуть* и *прозять* — слова родственные, однако общепринятая этимология слова *зяблик*, уже представленная нами, все-таки более вероятна.

Хотелось бы привести здесь также прекрасные строки Б. Пастернака о ябллке:

В эмали — дуг. Его лазурь,
 Когда бы ябллка,— соскоблили.
 Но даже ябллка не спешит
 Стряхнуть алмазный хмель с души.

Т. В. Горячева

*Помер оформили художники: В. Леонов, М. Мордвинцева, М. Си-
 монова, Е. Чукалова. ©*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. П. ВОМПЕРСКИЙ (главный редактор), Л. К. ГРАУДИНА,
 В. П. ГРЕБЕНЮК, В. П. ГРИГОРЬЕВ, А. Ф. ЖУРАВЛЕВ,
 Ю. Н. КАРАУЛОВ, Л. М. ЛЕОНОВ, Л. Ю. МАКСИМОВ,
 И. Г. МИЛОСЛАВСКИЙ, Л. А. НОВИКОВ (зам. главного
 редактора), Н. А. РЕВЕНСКАЯ (зам. главного редактора),
 Н. И. ТОЛСТОЙ, В. Ю. ТРОИЦКИЙ, А. П. ЧУДАКОВ,
 Е. Н. ШИРЯЕВ, Д. Н. ШМЕЛЕВ.

Заведующая редакцией
Т. С. Колмакова
 Художественный редактор
В. А. Леонов
 Корректоры
В. В. Беллев, М. Б. Рыбина

Сдано в набор 18.02.91
 Подписано к печати 18.04.91
 Формат бумаги 84×108/32
 Бумага типографская № 2.
 Печать высокая. Усл. печ. л. 8,4.
 Усл. кр.-отт. 261,7 тыс.
 Уч.-изд. л. 9,9. Бум. л. 2,5.
 Тираж 30 400
 Заказ 1097. Цена 75 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука».
 Адрес редакции: 121019, Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 202-65-25,
 2-я типография издательства «Наука»,
 121039, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6